

ЭСХИЛ

ДЭВИД БАРКЛИ

С плавучей нефтяной платформы "Эсхил" бесследно исчезают 250 нефтяников. Добыча остановлена, связи нет. Нефтяная компания "Вэлли Ойл" оказывается на грани катастрофы и готовится отправить в южную Атлантику поисково-спасательную экспедицию. Кейт МакКриди, дочь вице-президента США, попадает на секретное совещание вскоре после вступления в права наследования акций "Вэлли Ойл". Отец не только оставил ей всё своё состояние, среди прочего, она получила конверт со спутниковыми снимками платформы "Эсхил". Она приходит к выводу, что эти снимки прочно связаны с развивающимся кризисом и решает присоединиться к экспедиции. Оказавшись на платформе, спасательная команда не обнаруживает на ней никаких признаков жизни, зато вся платформа опоясана каким-то похожим на щупальца грибком. Кейт всё глубже погружается в тайну платформы, обследует расположенную на близлежащем острове заброшенную военную базу и разгадывает загадки восьмидесятилетней давности. Вскоре она встает перед выбором: стать соучастницей укрывательства деятельности корпорации или предать огласке все тайны и, тем самым, разрушить свою семью.

Двери концертного зала открылись и на морозном воздухе появилась фигура человека. Макс наблюдал, как она приближалась к нему, всей кожей ощущая, как безвозвратно уходит момент наслаждения тишиной и покоем.

— Сигаретки не найдется? — спросил незнакомец.

После непродолжительных размышлений Макс, молча, протянул ему раскрытую пачку. Тот внимательно посмотрел на неё.

— "Reemtsma"? Никогда не пробовал.

В ответ на это Макс лишь вздохнул. Он не знал, кто это такой и чего ему нужно, но ему здесь не найти дешевого французского или американского хлама, типа "Gauloises" или "Marlboro". За последние пару месяцев даже выбор марки сигарет стал показателем политических пристрастий.

— Благодарю, сэр.

Макс был человеком в возрасте и, как многие в его годы, не любил, когда его беспокоили. Он не любил толпу, длинные речи, прокуренные концертные залы. Болтать он тоже не любил. Он уже собирался что-нибудь сказать, как из зала раздались бурные аплодисменты, шум и крики. Макс открыл рот и замер. Всё равно, для разговора сегодня слишком холодно. Он лишь однажды бывал в Стокгольме зимой и после того случая, навсегда зарекся приезжать вновь. Но Нобелевскому комитету он отказать не мог, к тому же, Ада давно мечтала побывать в Скандинавии. И вот он стоит здесь, на холоде, рядом с человеком, который не знает, что бывают немецкие сигареты.

— Полагаю, Ферми Энрико Ферми (1901–1954) — итальянский физик. Лауреат Нобелевской премии по физике за 1938 год. уже закончил речь. Вы же знакомы с лауреатом, так ведь? Я слышал, вы друзья, — произнес мужчина.

— Я вас знаю?

— Нет, мы не встречались.

Макс фыркнул. Нужно было остаться внутри, но старые привычки трудно изжить. Когда ему было семь лет, он и пяти минут не мог усидеть на месте, и ничего не изменилось, когда он подобрался к семидесяти.

— Чего вам нужно?

Человек выступил из тени и Макс, внезапно, успокоился. Во взгляде этого человека было нечто такое, что заставляло думать, что он что-то просчитывает, что-то знает. И когда одетая в перчатку рука мужчины указала на парковку, он подчинился и посмотрел туда. По парковке шли двое и тихо переговаривались. Они прошли мимо и исчезли в вечернем тумане.

— У вас есть девять минут.

— Простите?

— Эти двое в пальто выследили вас. Они считают, что остались незамеченными, но если знать, куда смотреть, упустить их невозможно.

Макс уронил тлеющий окурочок на землю.

— Что значит "девять минут"?

— Они уже доложили своему руководителю, что вы здесь, на церемонии награждения, и совершенно четко опознаны. Возможно, ему также доложили, что вы уже долго стоите здесь,

снаружи.

Макс хотел засмеяться, но смог выдавить лишь кашель. Если это и шутка, то несмешная.

— Кто вы?

— Кто я — неважно. Но если хотите, можете звать меня Мэтью. И, боюсь, всё это не шутки. Эти двое из Гестапо и если вы не будете слушать меня очень внимательно, они вас убьют, — он замер. — Осталось 8,5 минут.

— Откуда вы знаете?

— Их руководитель находится в парке через улицу. До него идти пять минут и, полагаю, ещё меньше на обратный путь.

— Нет... в смысле... откуда вы знаете меня?

Мэтью нетерпеливо потряс головой.

— О, господи. Вы — Макс Фельдт. 68 лет. Уже 40 лет женаты на Аде Фельдт, урожденной Сокольтски. Вы познакомились на университетской лужайке в Познани в 1897 году. Она домохозяйка. Вы физик. Издали 13 монографий, 2 книги и, несмотря на недавний выход на пенсию, продолжаете преподавать. Сегодняшний лауреат — ваш близкий друг, но во всем мире вас знают, благодаря вашим словам о том, что, впервые в истории, новые научные открытия ведут, скорее, к новым страданиям, нежели к спасению. И, — добавил мужчина. — У нас с вами есть общий друг. Тот, который дважды в день посещает залив Мёнкеберг Залив Мёнкеберг — бухта в порту города Гамбурга., - он поднял вверх руки, как бы говоря: "Ну, что, довольны?"

— Вы... вы уверены?

— Те люди вернутся. Они молоды и вооружены. Тот, кто прислал их за вами, никогда вас не выпустит. Никогда, — Макс покачнулся, но Мэтью поймал его. — Вам нужно уходить и направляться к реке. Там вас ждет лодка, чтобы переправить на тот берег, но она не задержится надолго. Слышите меня?

— Д...да.

— Пойдете на север по Хаймаркет до станции метро. Она на реконструкции и сейчас не используется. По тоннелям пойдете на восток, пока не дойдете до служебной двери прямо перед развилкой. Подниметесь по лестнице. На её вершине вас будет ждать человек, который и отвезет вас на лодке. Понятно?

— Да.

— Его зовут Абрахам. Когда он спросит ваше имя, скажите, что вас зовут Айзек. Повторите.

Макс повторил.

— Хорошо. Теперь, идите. Времени совсем мало.

— А с чего мне вам верить?

Человек улыбнулся, край тоненьких усов съехал набок.

— Да, ладно, Макс. Я, что похож на представителя избранного народа?

Старик некоторое время смотрел на него, затем кивнул, поняв, о чем он говорит.

— А как же Ада?

Впервые на лице Мэтью отразилось беспокойство.

— Простите, Макс. План касается только вас. Но мы здесь обязательно за ней присмотрим. Обещаю.

— Я без жены никуда не пойду.

— У нас не было времени. Если бы мы могли лучше подготовиться... — он прервал сам

себя.

Макс шагнул назад, прокручивая в голове тысячи самых страшных сценариев. Его старое сердце бешено колотилось в груди. Впервые за много лет, он по-настоящему испугался.

— Я без жены никуда не пойду, — повторил он. Затем его взгляд упал за плечо Мэтью. Зрение уже давно было не то, но он смог разглядеть размытые фигуры в сером тумане. — Можете взять свой план и засунуть себе в задницу! Время ещё есть!

— Макс! Макс! Вернитесь!

Но старик уже направлялся ко входу в концертный зал. Когда он вошел, толпа уже заполнила атриум, повсюду, разбившись на группки, беседовали пожилые люди. Церемония уже окончилась и это было хорошо. Вместе с Адой, они могли под шумок выскользнуть отсюда. Но, оглядывая толпу, он заметил, что все лица выглядели одинаково. В какой-то момент, он даже подумал, что они и были одинаковыми — черные смокинги и вечерние платья трансформировались в мрачные развевающиеся плащи гестаповцев. Он сделал глубокий вдох и, наконец, увидел её.

Ада стояла среди подруг, окруживших другую героиню сегодняшнего вечера — Перл Бак Перл Бак, урождённая Сайденстрикер (1892–1973) — американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе... Макс мало, что смыслил в литературе, а сейчас понимал, что это вряд ли когда-нибудь ему удастся. Он подошел к жене, поцеловал её и взял за руку.

Одна из женщин рядом с ней сказала:

— О, боже, боже. Вы сегодня полны сюрпризов, не так ли, Макс?

Ада отошла в сторону, её лицо покраснело. Платье, выбранное на этот вечер, ей не шло и она постоянно испытывала неловкость по этому поводу.

— Даже не знаю, что сказать. Где ты был?

Макс выпрямился и накинул на плечи жене своё пальто.

— Ты мне доверяешь?

— Что случилось?

— Ты мне доверяешь? — переспросил он.

— Ну, разумеется.

— Тогда идем со мной.

— Но... сейчас?

Он кивнул:

— Немедленно.

Макс повернулся к остальным.

— Просим прощения.

Когда они уходили, одна из подруг Ады бросила им вслед:

— Если собираетесь заниматься тем, о чем я подумала, то не стоит! Вы уже немолоды!

Макс сквозь толпу вел жену на открытое пространство. Обогнув снующий повсюду персонал, он направился к боковой двери. Через неё, как он знал, можно было выйти тихо и незаметно.

— Макс! Ты куда? Ты, что не останешься на банкет?

Он прибавил шагу.

— Да стой, ты, мать твою! — крикнула она, вырываясь из его хватки. — Я и шагу больше не ступлю, пока ты не расскажешь, в чем дело.

Макс остановился и посмотрел на неё в замешательстве. Впервые за все годы их

совместной жизни она употребляла в его присутствии такие выражения. Но этим вечером, многое уже случилось впервые в его жизни. Он подумал, что они прожили, в общем-то, тихую и спокойную жизнь. Несмотря на его частые отлучки, вот уже 40 лет, они обедали, танцевали и ходили на рынок неподалеку от своего скромного жилища. По субботам он покупал ей туфли и шарфы. А сейчас его не покидало гнетущее чувство, что всему этому конец. Когда его друг попросил об одолжении, Макс и понятия не имел, к чему это приведет.

— Они знают о Доминике, Ада.

— Что?

— Не знаю, откуда, но они в курсе. Они узнали о нем и выследили нас здесь, где никто нам не поможет. Нужно убираться.

— Но, как?

— Я встретил кое-кого, кому можно доверять, — сказал он. Затем добавил: — А ты должна доверять мне.

Она ещё какое-то время сомневалась, затем побежала следом за ним. Они вбежали в служебное помещение. Из бетонных стен повсюду торчали трубы и распределительные ящики. Когда они пробежали мимо одетого в рабочий костюм мужчины, тот прокричал им вслед что-то на шведском. Вскоре они оказались около грузовых ворот и выбежали на улицу.

— Макс! — крикнула Ада. — Макс, мне больно!

Он опустил взгляд и заметил, что его тонкие пальцы, сжимавшие её руку, побелели от напряжения. Он посмотрел вперед и заметил их — троих мужчин в плащах на парковке. Их главный был толстым лысым человеком с уродливым лицом.

Макс повернул за угол и быстро зашагал по рыночной улице. Вокруг не было ни души. Когда Макс прошел мимо деревянных предупреждающих знаков на станцию метро, никто его не остановил.

Его жена поскользнулась и он поймал её.

— Сними туфли. Боже мой, надо было додуматься сделать это раньше, — он ненавидел себя за эти слова, но произнести их нужно было. Надо было продолжать бежать, причем быстро. Когда он снова посмотрел на неё, босую и испуганную, он с ужасом заметил слезы в её глазах. Он осторожно смахнул с её щеки слезу и поцеловал.

— Не время, любимая.

68 лет.

68 лет тихой размеренной жизни рухнули от одного единственного решения. Он всматривался в темноту, держа Аду рядом с собой, и постепенно приходил к выводу, что решение это было неверным.

Помещение, в котором они оказались, было покрыто мраком. Только вдалеке мерцали огоньки железнодорожных путей. Станцию закрыли всего несколько дней назад, но из-за темноты и холода, казалось, что она пустует уже несколько столетий. Рабочие оставили металлическое ограждение открытым и Макс вместе с женой вошел на станцию. Повсюду были разбросаны инструменты. Ада вскрикнула, упав ему на руки, когда они спускались к путям.

Позади он заметил вспышки света. Кто-то быстро говорил по-немецки. Преследователей ещё не было видно, но слышно уже было вполне отчетливо. Как и они отчетливо слышали вскрик Ады.

Вскоре Макс нашел то, что искал — вход в технический тоннель, над которым мерцала

бледная лампочка. Замок на двери был взломан, а сама дверь слегка приоткрыта. Макс немного успокоился. Кем бы ни был, этот Мэтью, но лжецом он точно не являлся. Они прошли внутрь и Макс закрыл за собой дверь. Перед ними оказалась узкая лестница, на вершине которой многообещающе проглядывало серое звездное небо.

"Меня зовут Айзек, — подумал он. — Человека наверху зовут Абрахам. Я скажу ему, что меня зовут Айзек".

— Что? — спросила Ада.

Макс понял, что бормочет вслух.

— Ничего! Идем! Быстрее!

Он повернул голову и услышал глухой щёлпающий звук.

Шлёп. Шлёп. Шлёп.

Что-то скатилось вниз по ступеням и остановилось у его ног. Макс отскочил в сторону, сердце бешено колотилось. Это "что-то" оказалось телом человека. Или, когда-то было человеком. Макс заметил, что на голове не хватало куска черепа. Если бы Макс посмотрел внимательнее, то разглядел бы в левом глазу входное отверстие от пули, но, к счастью, он этого не сделал.

Ноги не желали слушаться. Позади него с открытым ртом замерла Ада, будто это была не она, а фотоснимок.

Оцепенение не прошло даже тогда, когда позади них дверь открылась. Оно не прошло и, когда на вершине лестницы появилась фигура и начала спускаться к ним. В конце концов, Макс смог выдавить из себя:

— Меня зовут Айзек.

Мужчина ударил его в лицо легкой тростью и Макс покатился вниз, мимо немцев, прямо туда, где лежал труп.

— Это был номер один, — с немецким акцентом произнес неизвестный, указывая на труп. — А это будет номер два, — он указал на Аду. — Всё ясно?

Макс кивнул, в глазах всё двоилось.

— А сейчас ты мне расскажешь всё о Доминике Камински и о том, куда он направляется.

— Хорошо, — произнес старик. — Я расскажу.

Ответы на вопросы выходили из него с трудом и желчью, словно рвота. Он говорил и это было последнее, о чем он говорил в своей жизни.

Глава 1: Наследство

Фэйрфакс, Вирджиния. Наши дни.

1

Старик, наконец, умер.

Кейт смотрела на надгробие и думала о том, как бы её отец рассердился, если бы узнал, что оно стоило государству целых 13 тысяч долларов. От этих мыслей она горько улыбнулась. "Никогда не трать ни цента, не будучи уверенной, что он к тебе вернется, тыковка, — постоянно повторял отец. — А то будешь жить, как мать — по уши в долгах и кредитных картах". После этого он обычно улыбался и теребил её волосы, даже тогда, когда она стала выше его на целый дюйм, а мать давно уже умерла. Таким был её отец, полным добродушного упорства, когда считал, что знает, как лучше. Наверное, все отцы такие.

Эти воспоминания вызвали у неё улыбку. Вспоминать об этом было гораздо лучше, чем вспоминать о том, каким он был последние двенадцать часов своей жизни. Он лежал на больничной кушетке, окруженный бесчисленными проводами и трубками, в то время как, две дюжины кретинов околачивались рядом и пытались поймать его последние слова.

Пресса так увлеклась освещением его смерти, что это стало неожиданностью для всех. "Таймс" назвала его "самым могущественным вице-президентом со времен Дика Чейни". Что бы это ни значило, тон был хвалебным. Все его успехи и достижения были изложены в воскресном приложении, статья была снабжена обилием дат и фотографий. Разумеется, в этом списке не было ни Кейт, ни её брата. Она полагала, что, раз уж ты решил взбираться вверх по политической лестнице, твоя семья становилась чем-то вроде аксессуара — костюма или прически — необходимого, да, но вряд ли, достойного отдельного упоминания.

— Ты бы никогда не сказал нам об этом, даже если бы и признал, что это правда, да, папа?

Она покраснела, когда поняла, что произнесла это вслух. Наверное, так думать несправедливо. Даже во время последних выборов отец всегда находил время для них с Бобби. Она полагала, что многие девушки пришли бы в восторг, оказавшись внутри самой большой в мире политической кухни, но Кейт всегда держалась строго выверенного плана. В отличие от брата, который летел по жизни метеором, менял одну работу за другой, пока не осел в секретном аналитическом центре в столице.

До смерти отца Бобби лишь однажды побывал у него в больнице. Для него это было нормально, и не потому что он отца любил меньше, чем Кейт. Он был просто недоступен. Она была уверена, что всё это время он был в городе, занимаясь своими делами. Скорее всего, напивался с друзьями до потери сознания в своем любимом борделе в Чайнатауне. Она спросила себя, не в этом ли состоит суть понимания мужчин?

Зазвонил мобильник, и Кейт подпрыгнула от неожиданности. Поначалу, она не хотела отвечать, но потом решила, что бесконечно прятаться не получится.

— Алло?

— Привет, Кейтлин. Говорить можешь?

Только её крестный называл её полным именем. Кейт это бесило.

— Как дела, Готфрид?

— Слушай, я только что вернулся в город. Нужно поговорить. Можешь приехать?

Она вздохнула.

— О чём говорить, хоть?

— Не хотел бы обсуждать это сейчас.

— Не хочешь обсуждать сейчас, я не буду слушать потом.

На другом конце провода воцарилось молчание, Кейт даже представила, как он хмурится.

— Ладно. Дело в твоём... скажем так, наследстве. Понимаю, что сейчас не время, но будет лучше, если обсудим всё сегодня.

— Оглашение завещания было два дня назад, Готфрид. Если ты не забыл...

— Это важно, — резко сказал он, перебивая её. — Публично об этом говорить не стоит. Это приложение, лично для тебя.

— Приложение?

— Твой отец составил его всего неделю назад. Указания были четкими и недвусмысленными. Передать лично тебе и только после его похорон. Этим утром я решил, что время пришло, — снова молчание.

Она поправила ремешок на платье и начала дрожать. Оделась она совсем не по погоде, только в черное платье.

— Только для меня?

— Ни для Роберта, ни для остальной родни, ни даже для меня. Но оно очень важное. Так, ты приедешь?

— Послушай, Готфрид, — какое бы оправдание придумать? Ничего не приходило в голову. — Сейчас не лучшее время. Может, я...

— Я уже послал к тебе Ланса на вертолете. Он доберется до твоей квартиры через несколько минут.

Как обычно. Поэтому они с отцом так долго продержались — никакого терпения.

— Я не дома. Я на кладбище.

— На кладбище? А что ты там делаешь?

— Не знаю. Мне сейчас приехать?

— Я передам Лансу. Увидимся в восемь.

И повесил трубку.

Она подумала, не взять ли такси до центра, но передумала, потому что, если Ланс не найдет её здесь, к вечеру Готфрид поднимет Национальную гвардию. Дабы не разочаровывать его в последний раз, она решила попасть домой до темноты. Кладбище было очень красивым, изумрудно-зеленый газон был идеально пострижен и каждые 20 футов разделялся клумбой или рядом деревьев. Старая протестантская церковь на восточной окраине отлично вписывалась в сельский пейзаж. Отсюда не было слышно шума шоссе. Кейт скучала по этой тишине. Она не жила в Вирджинии с детства, с тех пор, как умерла мать.

Через пять минут этот покой нарушил появившийся вертолет. Она направилась к нему, борясь с ветром, когда огромная машина приземлилась на поле. Это будет её двенадцатый полет. Два раза из предыдущих одиннадцати её тошнило и она молила бога, чтобы не случилось третьего. В такой день, как сегодня это решительно недопустимо.

2

Когда вертолет приземлился на площадке в Александрии, Кейт нетерпеливо выскочила наружу. Пилот Ланс был старым сокурсником Готфрида по Военно-Морской Академии и годился ей в дедушки, но по-прежнему, засматривался на её ноги. Обычно Кейт не

задумывалась над тем, насколько привлекательно она выглядит, ей было достаточно, что выглядит она хорошо. "Тебе бы поесть, милочка, — частенько говорила ей подруга Миранда. — Какие, нахуй, 37?! Ты выглядишь на 27". Обычно проблем с этим не возникало, но оказываясь на высоте в тысячу футов в компании старых кобелей, вроде Ланса, ей очень хотелось стать жирной коровой.

Оказавшись на газоне, она в сотый раз пожалела, что не надела джинсы. Когда она была ребенком, то только во время игры в хоккей на траве надевала, что-то другое. Девочки, которые играют в хоккей, не носят розовое. "Только чёрное" — подумала она.

Усадьба — дом крестного никогда не назывался просто, особняком — располагала собственной посадочной площадкой, олимпийским бассейном, садом и скульптурами. Она находилась в нескольких шагах от загородного клуба "Красивая Бухта" — "где самые лучшие спа-процедуры к югу от Вашингтона", если вам это, конечно, надо. Сам дом представлял собой приземистое двухэтажное здание в английском стиле XIX века, которое не было лишено определенного очарования. В детстве она его облазила вдоль и поперек.

Появился начальник службы безопасности Коллин МакНаб. Он тоже был уже далеко не молод, но, в отличие, от похотливого пилота, был очарователен и, насколько знала Кейт, очень добр. Он постоянно пытался выглядеть, как суровый начальник охраны, но при этом же, постоянно улыбался.

Он кивнул в знак приветствия.

— Думал, ты не придешь.

— Не уверена, что у меня был выбор. Ты же знаешь Готфрида. Когда он что-то хочет...

— Выбор есть всегда, девочка, — МакНаб провожал её по лестнице. — Не так уж много мест, где спрятаться, когда тебя ищут. Меня так часто выдергивали из отпуска, что я отлично знаю, о чём говорю.

— Не знала, что безопасникам полагается отпуск, Набби.

Он немного покраснел, когда его назвали по прозвищу. Он всегда краснел, когда слышал его, все 25 лет службы.

— Иногда мистер Грейс думает так же.

— Я обычно пряталась в живых изгородях.

— Если ты о том случае...

— Когда я исчезла?

— Когда на твои поиски отрядили полицию штата, — закончил он, поднимаясь по ступенькам к двери. — Повторять бы не рекомендовал!

Она пожала плечами.

— Когда мне было 11, это сработало.

— И что случилось, когда тебя нашли?

— Папа наказал меня, — сказала она и добавила: — Выпорол.

— Не думай, что этот человек откажется от подобных методов, даже после смерти твоего отца.

Они вошли внутрь. Вход через заднюю дверь всегда напоминал ей вход в библиотеку. Но не тихое уютное помещение, как в школе, а нечто громоздкое и запутанное, как из книг Умберто Эко Умберто Эко (1932–2016) — итальянский ученый, философ, теоретик культуры, литературный критик, писатель, публицист. В России наиболее известен по произведениям "Имя розы" и "Маятник Фуко".. Внизу оранжевым светом пульсировал огонь. Спиральная лестница, огражденная ржавыми перилами, вела в мезонин второго этажа на

другом конце комнаты. И повсюду, от пола до потолка, вдоль всех стен тянулись книжные полки. Только юрист мог найти что-то интересное в этом скоплении пыли. А Готфрид Грейс был юристом из юристов. Впрочем, здесь было достаточно и классической литературы. Он был хорошим коллекционером.

— Он ждет тебя, — сказал Коллин.

Кейт оставила его на ступеньках и поднялась на второй этаж. Её поприветствовал Честер — золотистый лабрадор крестного. Она потрепала его по холке и он вопросительно на неё посмотрел. Честеру было 12 лет, почти 13, и это было заметно. Впрочем, он сильно отличался в лучшую сторону от долматинца Джорджа, который лежал в углу. Когда Кейт помахала ему, он лишь на мгновение приподнял голову, затем тут же вернулся ко сну.

— Ну, хоть кто-то здесь рад меня видеть, — сказала она, направляясь по коридору в кабинет крестного. По пути она ощутила нечто вроде радости от того, что у неё не было много денег. Большая часть наследства отошла брату, а её заработок исполнительного помощника нельзя было назвать огромным, несмотря даже на то, что работала она на такую крупную компанию, как "Вэлли Ойл". Ей здесь нравилось, но ей казалось, что она сойдет с ума, живя в подобном доме. Всё здесь было слишком старое, слишком много свободного места. Здесь всё было совершенно неустроено для детей. "Не стара ли ты уже для детишек, Кейт?" — подумала она.

Она тряхнула головой. О чем она думала? Если ей предстоит жить здесь и ей это не понравится, она всегда сможет продать этот дом и жить там, где хочется. Так, что да, она была рада, что не владела всем этим.

Кейт дошла до двери в конце коридора и постучала. Послышался приглушенный голос:

— Войдите.

Она толкнула дверь и вошла в кабинет крестного. Как всегда, она почувствовала на себе давление этого кабинета. Всё дело было в запахе — обувной кожи, старой бумаги и мускуса.

— Здравствуй, Готфрид. Как добрался?

Он поднял бровь.

— Где твоя охрана?

Как всегда, сразу к делу.

— Я их отослала.

— Что?

Она зашла внутрь.

— Да, ладно, Готфрид. Мне не нужны телохранители. Ты же сам всё понимаешь.

— Ничего я не понимаю, — сказал он, обходя стол и заключая её в свои объятия. Не без удовольствия она отметила, что надетый на нем синий халат стоил дороже, чем её платье. Готфрид никогда не разделял мнение её отца о моде и бережливости.

— Никогда не пренебрегай безопасностью, Кейтлин. Где они? Снаружи? Следят?

— Ну, слово "отослала" не совсем уместно. Я дала им возможность отдохнуть сегодня.

Он некоторое время смотрел на неё, затем засмеялся скрипучим старческим смехом.

— Дала отдохнуть? Зачем?

— Я решила, что какое-то время мне нужно побыть одной. Они же постоянно за мной ходят. Когда ты позвонил, я уже почти час была на кладбище.

Он тряхнул головой и упер ладонь в бок.

— Господь всемогущий! Кейтлин, ты же дочь своего отца. Дала им отдохнуть, ну надо же. Сколько молодых девушек могут себе это позволить, по-твоему?

— Не знаю. Ты мне скажи?

— Умна, как оперативник ЦРУ, а до сих пор работаешь секретаршей.

— Я не секретарша, я...

— Исполнительный помощник, знаю, знаю, — закончил он за неё.

— На самом деле, кое-что поменялось, — сказала она. — У меня новая работа.

— Правда? Где?

— Всё там же. Но я больше не исполнительный помощник. Я руководитель PR-отдела и у меня теперь свой помощник. Что? Что тебя так развеселило? — спросила она, заметив улыбку в его глазах.

— Ладно, признаю. Я в курсе. Ты заслужила повышение. Не дело для такой умницы, как ты, работать на всяких идиотов.

— Ты до сих пор злишься на меня, что я не бегу сломя голову вверх по корпоративной лестнице?

— Конечно же, нет. Но, если бы ты так упорно не игнорировала мою помощь, то продвигалась бы гораздо быстрее. Впрочем, всё это уже бессмысленно.

— Ты о чём?

— Присядь, милая, — он вновь обошел стол и сел, глядя, как она размещается в кресле напротив него. Он улыбнулся. Это могла бы быть милая дедушкина улыбка, но лицу Готфрида она придавала какое-то коварство. В нём было слишком много от Клинта Иствуда.

— В чём дело, Готфрид?

Старик потянулся на край стола и взял орешек. Он разломал его морщинистыми ладонями и кивнул.

— Расскажи, что ты думаешь о "Вэлли Ойл", Кейтлин. Только безо всяких этих глупостей для прессы, пожалуйста. Я хочу знать, что ты лично о нас думаешь.

Кейт нахмурилась. Готфрид был одним из старейших друзей отца, но он был ещё и одним из основных акционеров компании, входил в совет директоров. Он дал ей свои рекомендации, когда на её место появились более сильные кандидаты.

— Не знаю. Сказать по правде, я никогда не думала об этом. Мне нравится моя работа. Я ей довольна. Что же до компании? Могу лишь сказать, что я восхищаюсь ей. Серьезно.

— Чем же?

— Они занимают четвертое место на топливном рынке среди компаний западного побережья и продолжают расти. Их прибыль — самая высокая среди всех в этом году. Ну, и слоган их цепляет, — добавила она, представив зелено-желтые заправочные станции, фразу "Путь в будущее по зеленой долине" написанную на нефтяных скважинах. Она ожидала ответа Готфрида, и когда тот промолчал, она взяла шелуху от ореха и кинула в него. Он не отреагировал.

— Хорошо, милая. Ты верна компании. Но у нас возникли проблемы, и будь я проклят, если ещё раз услышу о чём-то подобном.

— Да, перестань, — сказала она с ноткой сарказма в голосе. — Если тебе в PR-отделе нужен кто-то, кто...

— Нет. Дело не в имидже, — перебил её Готфрид. Злость в его голосе удивила Кейт. — Всё серьезно, милая. Вскоре ты узнаешь обо всех деталях, но начать нужно с этого, — он достал из стола конверт из оберточной бумаги и передал ей. — Он хотел, чтобы ты получила вот это.

Она трясущимися руками взяла конверт. Она не знала откуда, но комнату накрыла тьма.

Она чувствовала её в тяжести конверта, в пристальном взгляде крёстного.

Кейт вскрыла конверт и его содержимое высыпалось на пол. Может, там было письмо от отца? Какие-то скандальные разоблачения, признания насчет компании? Оказалось, ни то, ни другое.

— Фотографии, — прошептала она. — Снимки со спутников, фотокопии. Что на них?
— "Эсхил".

Платформа "Эсхил" была самым крупным медиа-проектом, которым занимался отдел Кейт последние два года. Она ещё работала на старой должности, когда была запущена эта кампания, но информация о ней разлетелась по всем офисам меньше, чем за месяц. Далеко на юге Атлантического океана платформа, стоимостью 2,2 миллиарда долларов, являлась жемчужиной "Вэлли Ойл", инженерным чудом производства нескольких компаний по глубоководному бурению, с которыми "ВО" работала последнее десятилетие. Её строительство было очень рискованным, с финансовой точки зрения, но "Эсхил", как и несколько платформ поменьше на севере, должен был увеличить добычу сырья на триста тысяч баррелей в день. Проблема была в том, что платформа находилась всего в нескольких сотнях миль от побережья Антарктиды и "ВО" была вынуждена соблюдать Протокол по Защите Окружающей Среды Антарктики. При всём уважении, но основному потребителю было плевать, где добывалась нефть, равно как ему было плевать, на каких лугах паслась корова, мясо которой попадало ему на стол. Но только не ООН. ООН не была организацией которую можно было подкупить, пролоббировать через неё какие-то решения, как это делалось в других случаях. В конце концов, Аргентина, чьё правительство вложило немало средств в строительство платформы, смогла убедить мировую общественность, но на это понадобились месяцы.

— Ты их уже видел? — спросила она.

— Нет, но после получения последних известий, я ничуть не удивлен.

— Что за известия? Ты о чем, Готфрид?

— Связи с платформой нет. Подозревают террористическое нападение или вроде того. Подробности не знаю.

— Господи! Разве, военные...

— Ещё никто ни о чём не знает, Кейтлин. Я тоже не должен знать, на самом деле. На завтра назначено срочное совещание и ты поедешь туда.

— Я? Они, что, собираются из этого выкручиваться?

— Ты там будешь не как представитель PR-службы.

— Как это — не представитель PR-службы? К чему ты клонишь?

— Успокойся, дорогая. Сядь, — она даже не заметила, как вскочила на ноги. Кейт села, совершенно ошарашенная. — Ты забыла, зачем я тебя сюда позвал. Наследство, помнишь?

Оглашение завещания прошло два дня назад и она совершенно не помнила, что там было написано. Помнила, лишь, что ей достался отцовский "Мерседес", фамильный китайский сервиз и прочие безделушки. Бобби получил дом на Индепенденс Авеню, летний дом в Коннектикуте, яхту, несколько гидроциклов у пирса Чизпик, остальные машины и всё то, в чём так нуждался. Вся ликвидная наличность была направлена на благотворительность, а посты отца в различных комитетах и советах уже были заняты другими людьми. "Менса Менса (лат. *Mensa* - "стол") — крупнейшая, старейшая и самая известная организация, куда входят люди с высоким коэффициентом интеллекта.", возможно, почтит его шахматной игрой, или чем-то, вроде того.

— Мне нет дела до активов, — сказала она.

Во взгляде крестного, на мгновение, промелькнуло удивление.

— Серьезно?

— Я любила отца, Готфрид. Но подбирать всякий мусор не собираюсь. И как это всё связано с происшествием на платформе?

— Ты же знаешь, что твой отец был членом правления, верно? У него в компании до сих пор остались друзья, которые, судя по всему, и прислали эти снимки.

— Конечно, помню. Но помню, также, что у тебя там власти больше.

Готфрид усмехнулся.

— У него был самый большой пакет акций, Кейтлин. В два раза больше моего. Я понимаю, что мои позиции в компании позволяют на многое влиять, но, в конце концов, последнее слово всегда остается за акционерами, — Готфрид смотрел на неё, буравя взглядом зеленых глаз. — Доля твоего отца огромна. Большая часть своего состояния он сколотил в "Вэлли Ойл" задолго до вашего с братом рождения. Ты знала об этом?

Кейт нервно скрестила ноги. Платье было слишком коротким, пришлось одной рукой его оттягивать.

— И?

— И он оставил её тебе. Свою долю в "ВО". Не Роберту, не мне. Только тебе.

Осознание сказанного пришло за мгновение. Кейт перестала дергать себя за платье и наклонилась вперед.

— Чего?

— 383117 акций. Пока ты добиралась сюда, я глянул цены. Каждая стоит 84 доллара. Пересчитай.

И Готфрид улыбнулся по-настоящему, той самой зловещей улыбкой вольного стрелка.

— На завтрашней встрече ты будешь присутствовать не как работник компании, а как основной держатель её акций. Пока же, следует срочно вернуть твою охрану на место.

— Я... я... — что "она", Кейт так и не смогла произнести. Её трясло.

Готфрид подмигнул.

— Ты богата, девочка.

3

Через 12 часов Кейт оказалась в вашингтонском офисе "Вэлли Ойл". Картины в викторианском стиле украшали стены, у фонтана разместились несколько статуй, ковер под ногами, должно быть, стоил, как её машина. Тишина стояла такая, что было слышно лишь тихое клацание клавиатуры в кабинете администратора. Администратором работала молодая, хорошо сложенная, загорелая девушка, возможно, совсем недавно из колледжа. Когда Кейт спросила, как её зовут, она сказала:

— Меня? О, меня зовут Мерри. М-Е-Р-Р-И, если интересно, — но Кейт не было.

Долго ждать не пришлось. Привлекательный мужчина, в возрасте сильно за сорок, прошел мимо стойки администратора и протянул ей руку.

— Здравствуйте, мисс МакКриди. Рад, наконец-то, встретиться.

— Взаимно, мистер Лусиан.

Майкл Лусиан возглавлял в "Вэлли Ойл" международный отдел. Всё во внешнем виде этого человека говорило о яркой личности — от острых черт лица, до цвета одежды, которую он носил, чтобы эти черты подчеркнуть. Его костюм был очаровательного серого

цвета, а вкрапления голубого в галстук гармонировали с голубым цветом глаз. Было ли так запланировано или нет, но эффект был просто обезоруживающим. К тому же, Готфрид держал решение о передаче наследства в тайне, и, когда об этом стало известно, каждый в руководстве компании захотел встретиться с ней.

— Зовите меня Майкл.

— Хорошо.

— Примите соболезнования по поводу вашего отца. Он был хорошим человеком, нам будет его не хватать. Жаль, что мы встречаемся при столь ужасных обстоятельствах, — он улыбнулся. Эта улыбка должна была очаровывать инвесторов на сотни тысяч и миллионы долларов и, как полагала Кейт, была нацелена именно на это.

Кейт только открыла рот, как позади неё включился телевизор. CNN вела трансляцию с Капитолийского холма, где на подиуме стоял мужчина с грубыми чертами лица. Она узнала в этом человеке Джека Филдса, пожилого отставного морпеха, который выглядел, как старый крейсер и при этом, обладал весьма тихим голосом.

— Покорно, но с честью я оставляю свой пост, дабы всеми силами оказать помощь и поддержку нашему верховному главнокомандующему. Невозможно найти замену такому крепкому и стойкому человеку, как...

— Извините, — подала голос Мерри и отключила звук.

Филдс продолжил жестикулировать в безмолвии. Кейт и так знала, что он собирался сказать. Два дня назад Филдс был спикером Палаты Представителей, а теперь заменял отца в его должности. Впрочем, "заменял" было неподходящим словом, следовало бы сказать "наследовал". Кейт лишь дважды встречалась с Филдсом до похорон отца и пришла к выводу, что хуже, чем он, человека для этой должности было трудно подобрать.

— Моя вина, — сказала Мерри. — Уронила пульт.

Это, что ревность в её глазах? "Мечтай, милочка".

— Без проблем, — невозмутимо сказал Майкл. Затем обратился к Кейт: — Сюда, пожалуйста.

Сначала они зашли в кабинет Лусиана, украшенный гораздо ярче и богаче, чем приёмный офис. Её новый знакомый был похож на крёстного тем, что тоже коллекционировал книги, коими были уставлены многочисленные полки. Кейт подумала о своем кабинете тремя этажами ниже — разбросанные в беспорядке папки, доклады, бумаги. Её офис был похож, скорее, на комнату в общежитии, нежели на рабочее место. Кейт даже немного смутилась.

Он зашел как раз тогда, когда зазвонил телефон.

— Да, она здесь. Хорошо, спускаемся, — сказал он в трубку.

Кейт показалось, что он нервничает.

— Боюсь, мы тут все немного в замешательстве. Мой партнер в Абу Даби требует начинать немедленно, и я его понимаю.

— Начинать? — Готфрид говорил ей о встрече, но из-за всего произошедшего, из-за шума и гама его слова совсем вылетели у неё из головы. — А, точно.

— Идем со мной. Постараюсь провести вас коротким путем.

Майкл вёл её через лестничную клетку, где расположились роскошные кабинеты.

— Полагаю, вы понимаете, что подобные случаи всегда становятся кошмаром для пресс-службы. Даже представить боюсь, что начнется на бирже, когда это выплывет наружу. А долго держать это в тайне мы не сможем.

Кейт с огромным трудом пыталась вникнуть в детали. Добыча прекращена. Персонал пропал. Катастрофа на новейшей и самой дорогой частной платформе.

— Таким образом, вы оказались тут в не самое удачное время. До вечера мы не станем ничего сообщать пресс-центру, но вы, ведь, уже там не работаете. Так что, ваше мнение будет очень важно.

— Погодите, — сказала Кейт, останавливаясь.

Майкл тоже встал. На мгновение — лишь краткий миг — его спокойствие нарушилось.

— Да. Что случилось?

— Просто... я хочу знать, что происходит.

— Простите, — Майкл коснулся её руки. Вопреки её собственным ожиданиям, ей это понравилось. — Я бы очень не хотел разводить тайн, Кейт, но у нас тут серьезный кризис. Я бы с удовольствием посидел бы с вами и обсудил будущее компании — и когда-нибудь, мы обязательно так и поступим — но сейчас надо подумать о другом. Примите искренние извинения, что всё так быстро.

— Хорошо, — согласилась она.

— Вот и славно. Впереди нас ждет остановка у поста охраны и мы на месте.

— У поста охраны? — переспросила Кейт. Раньше она никогда не бывала на этом этаже. Там тоже был администратор. У него в руке была ручка.

Спустя пять минут и три подписи под не подлежащими обсуждению документами о неразглашении, Кейт вошла в зал заседаний. Этот зал был способен вместить в себя более 40 человек, но когда они с Майклом вошли, он был заполнен, едва ли, наполовину.

Впервые с самого утра Кейт ощутила смущение. В зале находились тяжеловесы компании, входящие в исполнительный совет. Мари Синклер, старший вице-президент столичного филиала. Лараб Джонсон, глава службы безопасности. Компьютерный гений Талиа Страйкович, возглавлявшая инженерный отдел. Несколько человек сидели за длинным столом, среди которых она заметила человека, который выглядел не тем, кем являлся. Точеная квадратная челюсть, костюм от Валентино едва скрывал шкафоподобное телосложение.

Когда они сели, Кейт обратилась к Майклу:

— А кто это?

— Это мистер Брубейкер. Мы здесь, в том числе, из-за него.

— Он работает на "Вэлли Ойл"?

Майкл тряхнул головой.

— Нет. Он из "Блэк Шэдоу".

Кейт вспомнила. "Блэк Шэдоу" — это вторая по размеру компания наёмников в США. Они работали в Афганистане и Ираке, а когда прошел ураган "Сэнди", они стали многомиллионной компанией, с дюжиной государственных заказов. А кто, кроме правительства, мог позволить себе нанять частную военную компанию, обладающую самыми современными вооружениями? Только нефтяники, конечно.

Отец, ещё будучи сенатором, часто оказывал поддержку частным военным компаниям. Но после бойни на площади Нисур в Багдаде Инцидент с участием американской частной военной компании "Блэкуотер", произошедший 16 сентября 2007 года в Багдаде, в результате которого погибло 14 и ранено 18 мирных жителей. и других многочисленных донесений о гибели мирных жителей в Ираке, он и президент использовали "частников" только в самых экстренных случаях. "Ужасно, когда Национальная гвардия не справляется со своей

работой" — сказал отец, когда они смотрели по телевизору на последствия урагана "Катрина". — Но чтобы её ввести, нужно пройти столько бумажной волокиты. Иногда, гораздо проще направить "частника". Трудно это признавать, но бывшие "котики" и рейнджеры с поставленными задачами справляются лучше, чем резервисты. Но я никогда не стал бы посылать их туда, где нужно принимать моральные решения. Кто-то другой может, но не я. Деньги затмевают взор, а эти ребята работают только за деньги".

Тощий мужчина в белом пиджаке отодвинул на край стола проектор и взмахом руки привлек общее внимание.

— Дамы и господа, прошу занять свои места, мы начинаем.

Все расселись за овальным столом. Кейт поймала на себе несколько заинтересованных взглядов, но обратиться к ней никто не посмел. До тех пор, пока какая-то женщина не под села к ней и не спросила довольно грубым тоном:

— Вы кто?

— МакКриди. Кейтлин МакКриди, — она заметила, что назвала своё полное имя и хмыкнула.

— Вы здесь новенькая?

— Что?

Женщина склонила голову.

— Я не привыкла видеть на совете директоров младших исполнителей. Значит, вы какая-то особенная.

Кейт уже приготовилась ответить, как раздался смех. К ним подсел здоровяк с квадратной челюстью, который и был источником этого смеха.

— Это дочь вице-президента, Нина. Ты, что, телевизор не смотришь?

Женщина посмотрела на здоровяка, затем на Кейт.

— Какого вице-президента? В смысле, о... Прошу прощения. Рада вас видеть.

Здоровяк уселся напротив Кейт и наклонился вперед, демонстрируя огромные руки. Кейт предположила, что ему было от 35 до 50, конкретнее она сказать не могла. Его борода была с прожилками седины, а лицо покрыто морщинами.

— Кейт МакКриди, — обратился он к ней. — Я помню вашего папу ещё со времен охоты на Бен Ладена. Пару раз мы его чуть не взяли. Хорошее было время, много контрактов. Не то, что, когда он забрался на самый верх, но полагаю, в нашем деле трудно зарабатывать, когда не ведется ни одной войны. В смысле, официально.

— Так, вы из "Блэк Шэдоу"?

— Слышали о нас, да? Это хорошо. Рад знакомству. Несмотря на очевидные различия между нами, вашего отца я уважал.

— И в чём же состояли эти различия?

Он улыбнулся. Улыбка обнажила шрам над верхней губой.

— О, сейчас это не важно. Что было, то прошло, как говорится. Глядя на вас, я полагаю, вам достались его мозги и внешность матери, — он замолчал, глядя на неё так, что она почувствовала себя неудобно. Затем произнес: — Я Мейсон Брубейкер, — он протянул руку через стол.

Кейт тоже потянулась вперед, но вместо того, чтобы ответить на рукопожатие, взяла со стола бутылку воды и выпила. Здоровяк улыбнулся и откинулся назад. Его челюсть шевелилась, будто он жевал жвачку, но Кейт была уверена, что во рту у него ничего не было. "Такие как он, жуют людей, а потом выплевывают" — решила она.

— Ну, в любом случае, рад знакомству.

Она кивнула. Они были знакомы всего несколько минут и Кейт не могла сказать того же в его адрес.

— Прошу вас! Внимание! — тощий мужчина не унимался, пытаюсь навести порядок. Он дождался, пока не стихнут разговоры, затем продолжил: — Спасибо, что пришли. Знаю, что вы в недоумении. Знаю, что многих из вас подняли в 4 утра, но поверьте, когда вы услышите то, что я сейчас расскажу, вы уже не сможете отвлечься на что-то другое.

— В чём дело, Джофф? — задал кто-то вопрос.

Он достал из кармана пульт и нажал на кнопку. На экране появилась фотография "Эсхила", сделанная со спутника. Кейт вздохнула — этот снимок был точь-в-точь, как один из тех, что передал ей отец.

— Как все вы знаете, "Эсхил" — наша самая крупная глубоководная буровая платформа. В данный момент, там должны находиться 238 сотрудников. Около пяти недель не было никаких происшествий. До вчерашнего дня, — он замолчал и оглядел присутствующих. — Большинство из вас в курсе, что добыча практически полностью остановлена. Но не многие знают, почему.

— Они опять бастуют? — снова послышался вопрос. — У них какой-то очередной праздник рассвета, который они отмечают каждый первый понедельник месяца, о котором мы не в курсе? — незнакомый Кейт человек нервно ёрзал в кресле, но суровый взгляд Мейсона пригвоздил его к месту.

— Нет, — медленно произнес Джофф. — Они исчезли.

Над столом снова разнесся шум. Джофф надел очки и замер в ожидании дополнительных вопросов. Мари Синклер, вице-президент вашингтонского отдела, спросила первой:

— Простите, Джофф, но вам придется объяснить сказанное.

Мужчина глубоко вздохнул.

— Вчера утром "Эсхил" не ответил во время дежурного сеанса связи. С тех пор мы несколько раз безуспешно пытались установить связь. Передачи на длинных и коротких волнах остались без ответа, а съёмки со спутника подтвердили отсутствие какой-либо деятельности.

— Полагаю, там должна быть налажена сотовая связь? — спросила Синклер.

Джофф кивнул.

— Да, мэм, именно так. При строительстве мы разместили у побережья подводные передатчики, которые связывались с ретрансляторами на аргентинском побережье. Связь, конечно, не такая хорошая, как на континенте, но устойчивая.

— И?

— И ничего, — ответил Джофф. — Звонки, либо переключаются на голосовую почту, либо вообще не проходят.

— Так, к чему вы ведете Джофф? Они ушли? Или что?

— Нет, мэм, — сказал Джофф. Он выглядел напуганным и Кейт считала, что это не из-за того, что он сообщал своим руководителям плохие новости. — "Эсхил" находится под постоянным наблюдением. Мы отслеживаем все прибывающие и отправляющиеся суда, отслеживаем береговую активность, следим за всем в этой зоне. Команды нет, но все лодки и спасательные шлюпки находятся в доках. Я к тому, что либо, 238 человек ушли к берегу вплавь в ледяной воде, либо просто исчезли.

Лицо Синклер покраснело.

— То есть, вы хотите сказать, что сооружение стоимостью 2 миллиарда долларов стоит посреди океана совершенно без присмотра?

— Да, мэм. Я именно это и хочу сказать.

В комнате воцарилась тишина. Кейт смотрела на лица присутствующих и видела лишь недоумение.

— Минуточку. Хотите сказать, что у "Вэлли Ойл" есть собственные спутники? — Кейт осознала, что вопрос исходил от неё.

Все повернулись.

Джофф удивился, но быстро восстановил бесстрастное выражение лица.

— Мы имеем доступ к одному, — уклончиво ответил он. — Как мы получаем свежие данные — не имеет значения.

— У вас на глазах испарились две сотни человек. Их, что, пришельцы похитили?

Несколько человек хихикнули, но Джофф оставался серьезен.

— Мы не знаем.

Кейт обратилась к закромам своей памяти в поисках любой информации, которая попадала к ней, когда она работала в пресс-службе. К своему удивлению, она обнаружила, что знает то, о чем даже не предполагала. Одной из её сильных сторон, доставшихся от отца, было умение думать на ходу.

— А что следующая смена? Её уже отравили туда?

Начальник СБ, Лараб Джонсон, повернулся и пристально на неё посмотрел.

— Вы задаете слишком много вопросов, девушка.

Кейт вспыхнула. Она уже и забыла, когда её в последний раз называли "девушкой". Но вскоре она поняла, что была одной из самых молодых — если не самой молодой — в этой комнате.

— По правилам, следующая смена задержана. Мы никого туда не отправим, пока не выясним, что там произошло. Я ответил на ваш вопрос? — произнес Джонсон.

Кейт кивнула.

— А семьи рабочих? Может, кто-то из них получил какое-то сообщение, — спросила Синклер, обращаясь к Джоффу.

— Мы связались с несколькими членами семей, но возникли трудности.

— Какого рода?

— Ну, довольно трудно среди ночи найти переводчика. Но те, кого мы сумели опросить, ни о чем не знают. По их словам, их мужья, сыновья и братья до сих пор нормально работают.

Снова вмешалась Кейт.

— А аргентинское правительство?

— Дело в том, что физически платформа находится в международных водах. Привлечение властей Аргентины только всё усложнит, — ответил ей Джонсон.

— Дело не в каких-то наших секретных разработках, — добавила Синклер. — Мы просто не хотим, чтобы там шлялись всякие незнакомцы.

Поднялся Мейсон Брубейкер.

— Простите, но мы ходим по кругу, а времени нет, — он обратился к Синклер: — Разрешите?

Та кивнула.

Мейсон оттолкнул кресло, прошел к проектору и взял пульт у Джоффа. Рядом с щуплым Джоффом Мейсон казался настоящей громадиной.

— Дамы и господа, знакомым со мной известно, что я не любитель длинных речей, так что позвольте изложить ситуацию так, как я её вижу. Этот снимок был сделан вчера в 21 час по местному времени.

— Мы отстаем на час, так что у нас было 8 вечера, — добавил Джофф, стараясь быть полезным.

— На изображении видно, что в момент съёмки, автоматическая система освещения функционировала, — он нажал кнопку и появилось другое изображение. На этот раз объектив сфокусировался на северо-восточном краю платформы. Кейт присмотрелась, но ничего необычного не обнаружила.

— Трудно рассмотреть, но если вы считаете, что что-то не так, дайте знать, пожалуйста.

— Один из кранов пропал, — сказал кто-то.

Мейсон кивнул.

— Именно. Вот здесь, с краю идет дым.

Кейт увидела, что это действительно так. Казалось, что на платформе или на палубе ниже, что-то горело.

— И где же кран? — спросил Джонсон.

— Ну, если он уничтожен, то, скорее всего, упал в воду и утонул, — ответил Мейсон. — Между этими двумя снимками разница час, но мы не знаем, что там произошло за это время.

Джонсон вскинул руки.

— Так это всё домыслы?

— Да, сэр, именно они. Но если вы позволите, я закончу мысль.

Начальник СБ коротко махнул рукой.

— Во-первых, — начал перечислять Мейсон, — связи с платформой у вас нет. Во-вторых, нет ни визуальных ни акустических признаков присутствия там двухсот с лишним человек. Радиосигналы также отсутствуют. Сотовой связи нет. Нет никакого подтверждения наличия на платформе каких-либо форм жизни.

Джонсон вздохнул.

— В третьих, — повысил голос Мейсон. — Мы чётко видим на платформе следы повреждений, что может являться свидетельством, как диверсии, так и грубейшего нарушения ТБ. Добавьте к этому, что ваша платформа — ваша сверхдорогая платформа, — добавил он, — находится в международных водах всего в паре десятков миль от побережья страны, с которой у США довольно натянутые отношения. Это у вас сейчас должна задница гореть, не у меня.

— Ладно, — согласился Джонсон. — Я всё понял.

— И какие у вас теории? — спросила Синклер.

— Мне платят не за теории, — ответил Мейсон. — Но если бы они были, я бы предположил теракт.

— Вам не кажется это слишком драматичным? — заявила Кейт. И снова её язык заговорил прежде, чем она смогла это понять. — Вы понятия не имеете, что случилось с рабочими, но уже делаете скоропалительные выводы.

— Мы полгода выслеживали группу партизан в окрестностях Рио. Промышленные террористы. Уничтожают заводы, шахты, электростанции и тому подобное. Не будет ошибкой предположить, что они могли добраться до платформы. Это ни для кого не

новость, но они заняты делом. Они гораздо умнее этих ваших джихадистов и намного лучше финансируются. Есть мнение, что их основной спонсор — Движение За Прогресс, но это не подтверждено.

Кейт встретила с Брубейкером взглядами и поняла, что он может быть прав. Опасна эта ситуация или нет, но вероятность нападения шиитских радикалов у побережья Южной Америки крайне низкая. Но, умеючи, можно убедить кого угодно в том, что им требуется вооруженная защита.

— Ну и каков ваш план? — спросил Джонсон. — "Блэк Шэдоу" подпишется на это дело?

Брубейкер улыбнулся.

— Во-первых, сэр, должен сказать, что привлечение "Блэк Шэдоу" для вас самый удобный вариант. Работа с властями означает тонну бумажной волокиты и, как заметила госпожа Синклер, нежелательна по определенным причинам. Отправка ваших собственных сил, также, означает проблемы при пересечении границы. С другой стороны, "Блэк Шэдоу" обладает всеми возможностями для немедленного реагирования на подобные ситуации. У нас есть опыт операций в 32 странах. Наша репутация безупречна, а участие наших людей останется в строжайшей тайне. Мы берем на себя все риски, юридические и физические. К слову, мы можем оказаться на месте в течение нескольких часов.

— Основная задача — прибыть на место, занять позиции и обыскать платформу, — продолжал Мейсон. — Ничто не должно ни попасть внутрь, ни выбраться наружу. Вторая задача — это выяснить, что стряслось со связью. Учитывая произошедшее с краном, можно предположить, что была уничтожена передающая антенна. Вне зависимости от причин, наши специалисты должны будут восстановить связь. Если же у них не получится, останется работающая сотовая связь. Даже если подводные передатчики вышли из строя, у нас всё равно будет возможность вернуться на материк.

— Замечательно, — воскликнула Синклер. — И что вам нужно от нас?

— Кроме денег, — добавил Джонсон.

— Понадобятся распечатки планов расположения помещений, подводных устройств, в случае, если придется устранять внешнее вмешательство. Также понадобится список работников платформы, чтобы мы смогли опознать тех, кто выжил. Ну, или тела погибших. А, ещё нам потребуются базовые знания по управлению буровой платформой, дабы мы могли отключить её, в случае, если она ещё работает.

Синклер кивнула.

— Вы получите всё необходимое.

— Хорошо. Тогда, полагаю, мы закончили?

Все встали. Кейт тоже попыталась, но заметила, что её зад приклеился к креслу. Ей казалось, что она должна была ещё что-то сказать, ещё о чем-то спросить, но не смогла. Механизмы политической машины вращались слишком быстро.

Майкл взял её за руку.

— Увидимся наверху.

4

Когда толпа схлынула, Кейт бросилась в уборную. Она взглянула на себя в зеркало, без конца задавая себе один и тот же вопрос: "Как далеко ты готова зайти, деточка?" Вопрос сам всплыл в её голове. Мир закрутился в водоворот и она была в его центре. Что касается

ответа, он был прост: делай, что должно. Она пойдет до конца. Она выяснит то, чего от неё хотел отец. Ведь конверт предназначался ей и только ей.

Через несколько минут она умылась и вышла, направляясь в офис Майкла.

Глава 2. Конец любовной истории

Киль, Германия. 1938 год.

1

Харальд отвлекся от фотографии в руке и посмотрел вперед. Он ощутил на губах соль, принесенную морским бризом. Они только что вышли с вокзала и перед ними появилось здание Кильской оперы. В носу стоял запах дыма от промышленных труб и заходивших в гавань судов. Это его успокоило. Отец Харальда всю жизнь был портовым рабочим — пока не умер от сердечного приступа в 52 года — и этот запах принес с собой приятные воспоминания. Когда Харальд был молод, отец частенько приходил на обед в рабочем комбинезоне и садился за стол. Он никогда не умывался перед обедом, всегда после. Наверное, ему казалось, что иначе семья умрет голодной, так как обедали они всегда вместе. Харальд вспомнил те дни, когда сидел за столом рядом с матерью и младшим братом Бёртом и вдыхал этот запах. Этот запах не был сильным, не мог перебить аппетит, но присутствовал всегда — запах смеси аромата дыма и стали. Даже сейчас Харальд считал, что именно так должен пахнуть мужчина.

— Считаешь, мы поступаем правильно, Ян? — спросил он, обернувшись к напарнику.

Ян вздохнул.

Он был высоким, худым солдатом, возрастом за тридцать, и обладал разговорчивостью камня. Харальд и представить не мог, как можно исполнять приказы от человека, на 10 лет моложе. Но это не имело значения. Ян был из той породы людей, которые закроют собой от пули ненавистного им старшего офицера, потому что считали, что это их долг. А Харальда он не ненавидел.

— Поверить не могу, что мы на полгода уезжаем из дома. Полгода! Боже, поверить не могу, что всё пройдет так быстро. Я думал, будет хуже. Мы могли год проторчать в Испании или Португалии.

Ян снова вздохнул, выбрасывая на железнодорожные пути окурочек.

Харальд улыбнулся, глядя на изображенную на фото женщину. Женщина улыбалась ему в ответ, её голубые глаза светились так ярко, что это было заметно даже на черно-белом снимке. Он провел пальцами по фотографии, представляя, будто касается её шелковистых волос. Она была на 4 года моложе его, ей было 23, а в этом возрасте очень трудно дожидаться своего мужчину.

В лицо ударило облако дыма, Харальд поднял глаза и увидел, как Ян заглядывает ему через плечо.

— А ты всегда так тихо передвигаешься, Ян?

— Лучше сказать, я всегда в образе, господин лейтенант.

— И сейчас?

Ян скорчил гримасу, его борода блестела в лунном свете.

— Думаешь, она дождетя меня? Она обещала, что будет ждать. Как ты считаешь, женщины искренны, когда говорят такое?

— А вы как думаете?

— Кроме меня она не знала других мужчин. Так что, думаю, она будет ждать. Всего несколько месяцев же, верно?

— Одиссей отсутствовал дома почти 20 лет, но его жена всё равно дождалась его с

войны.

— Не читал, — ответил Харальд, вспоминая о скромной стопке книг, которую хранил под кроватью в детстве. Это было тем немногим, что объединяло его с сержантом. — Он как-то доказал, что ожидание того стоило?

— Он убил больше сотни козлов, которые выстроились в очередь, чтобы трахнуть её.

Харальд уставился на него.

— Считаете, это справедливо, сержант Айхман?

— Считаю, в завоевании сердца дамы все средства хороши.

Настала очередь Харальда вздохнуть. Впрочем, от этого человека он за сегодня услышал больше, чем за несколько предыдущих недель. Он уже собирался что-то сказать, когда увидел впереди свет от факела. Это было сигналом для них.

Он убрал фотографию в карман кителя и махнул Яну следовать за ним. Они двинулись вдоль шоссе на юг. Они перешли дорогу и через несколько секунд из-за поворота выехал черный "Мерседес-260" и остановился рядом с ними. Со стороны водителя вышел молодой солдат и отсалютовал. Харальд ответил ему тем же, затем сел на заднее сидение и оказался рядом с уже сидевшим там человеком.

— Вы можете меня не бояться. Я здесь не за тем, чтобы причинить вред вам или вашей семье. Напротив, я здесь, чтобы помочь. Видите ли, ваше присутствие здесь — это вопрос государственной безопасности, — он замолчал. — Я получил приказ отговорить вас от того пути, по которому вы движетесь. Я здесь, чтобы напомнить вам о гражданском долге и обязательствах перед Республикой. Вы родились немцем, несмотря на иное... наследие, — Харальд посмотрел на пленника и заметил, что тот смотрит на него, блестя линзами очков. Он был одет в чистый, идеально выглаженный серый костюм. Тонкие усы на его лице были гладко и чисто острижены. Харальд решил, что этот человек был очень внимателен к деталям и, возможно, даже одержим своим внешним видом. Таких людей, как этот, будет несложно держать под контролем.

— Моя... семья, — прошептал этот человек.

— Пока в безопасности. Они в соседней машине. Вашей жене и дочерям ничто не угрожает.

Снаружи раздался хлопок. Мужчина резко обернулся и уставился в заднее окно с открытым ртом.

— Это пистолет. Я слышал такой звук в молодости. Это выстрел!

Харальд помолчал.

— К сожалению, мы больше не нуждаемся в услугах вашего водителя. Но вам повезло. Измена — это государственное преступление, как вам известно.

— Твари. Вы не имеете никакого отношения к суду. К закону.

— Именно закон помешал вам покинуть страну, господин Камински. Суд на нашей стороне, поверьте. Но, в данном случае, это неважно. Это военная операция и у меня недвусмысленный приказ доставить вас с семьей в залив Монкеберг, — видя удивление на лице собеседника, он продолжил. — Да, я знаю, что именно туда вы и направлялись, но боюсь, конечная остановка будет в другом месте. Вы не едете в Британию. Вы едете с нами.

— Куда вы меня повезете?

— Это секретно, господин Камински. К слову сказать, я вообще не должен с вами разговаривать. Но я решил познакомиться поближе, потому что считаю, что это будет полезно для наших отношений. Вы не пленник. Вы гражданин Республики, как я уже

говорил. Но вы останетесь нашим гостем на несколько месяцев. И, прошу прощения, я не представился. Обер-лейтенант Харальд Дитрих и я руковожу вашей доставкой.

Камински плюнул ему в лицо. По щеке потекла тонка слюна.

Какое-то время Харальд боролся с желанием сломать собеседнику нос. Но он был воспитан в строгости и дисциплине и знал, как справляться с такими порывами. Вместо этого, он сделал глубокий вдох и вытер слюну. Видимо, этого человека будет не так-то просто взять под контроль.

— Я оставлю это без последствий. Я понимаю, что ваши планы рухнули и вы сильно расстроены. Но я могу превратить ваше путешествие в сущий ад. Вы, совершенно точно отправляетесь с нами и если вы будете сопротивляться, водитель станет не последней жертвой.

Харальд посмотрел в окно и вышел.

2

Пробило полночь. Они спускались по деревянному причалу, который тянулся во все стороны, чуть ли не до самого горизонта. Несколько человек при свете оранжевых ламп разгружали и загружали какой-то груз. Харальд смотрел, как эти одетые в комбинезоны мужчины ворочали мешки с зерном и перцем, артиллерийские пушки. На ящиках сидели несколько старослужащих, которые при их приближении вытянулись в струнку. Вокруг пахло потом и нищетой. Затем, впереди появилось судно.

35-метровая "Адальгиза" хоть и несколько терялась среди других кораблей и судов, но всё равно выглядела угрожающе. Обе её мачты смотрели в небо, словно пара клыков. Нос покрывали похожие на шрамы следы ржавчины. У неё была одна труба, "воронье гнездо" на одной из мачт и рулевая рубка. На носу была размещена гарпунная пушка, казавшаяся слишком большой для такого судна.

Команда занималась упаковкой в трюм необходимых припасов. Когда они подошли ближе, от группы матросов отделился человек и подошел к ним.

— Дитрих, дружище!

— Лейтенант Дитрих отныне. Как поживаешь, Генрих?

— Как-то живу. И собирался немного отдохнуть, когда пришло сообщение от твоего начальства.

— О, у тебя были какие-то планы?

— Ну, конечно, были! Команда истощена. А мы выходим обратно в море, не имея возможности отдохнуть? Мне очень повезет, если они к утру не поднимут бунт. Несколько человек уже месяцами не видели своих семей.

Харальд вздохнул.

— Им всем заплатят. Как и тебе.

— Есть вещи более ценные, чем деньги.

— Деньги позволят купить многое из того, что ценнее них.

Его собеседник немного успокоился. Ему даже пришлось приложить усилие, чтобы не улыбнуться.

— Ну, ладно. Большинство из ребят таких денег никогда не видели.

— Я никогда не мог заподозрить тебя в охоте за легкими деньгами. Охота на китов — опасное занятие, Генрих. Мне казалось, для вас это будет легкой прогулкой.

Уголок рта моряка дернулся. Затем, без каких-либо предупреждений, он бросился на

лейтенанта и крепко его обнял.

— Я всегда говорил, что ты слишком умен, парень.

Харальд закашлялся, затем рассмеялся. Удивительно, как быстро Генрих поднялся до капитана судна. Его борода приобрела цвет металла и доставала до груди. Светло-карие глаза потемнели от тяжести принятых решений. Лысеющую голову Генриха покрывала кожаная шляпа. На первый взгляд, она казалась купленной в Германии, но Харальд решил, что, скорее всего, она была приобретена где-то ещё. Как и её хозяин, она выглядела выцветшей и мятой.

— Как твои люди? Им можно доверять?

— Они, конечно, будут ворчать, когда тебе придется выделить отдельную каюту, а в остальном они абсолютно верны.

— Замечательно.

— Не пора ли представить меня пассажирам?

Позади них стоял Доминик Камински, рядом с ним была его жена Магдалена и его дочери — Люсия и София. Позади них стояли сержант Айхман и агент Гестапо Борис Зайлер. Харальд представил их всех по очереди.

— Значит, речь шла о вас, — сказал Генрих, глядя на Доминика. — Полагаю, вас мы и ждем. Вам уже сообщили, куда мы направляемся?

— Нет, — выдавил из себя Доминик.

Генрих рассмеялся.

— Примерно, в ад. Мы отправляемся, практически, на край планеты, друг мой. Мы покажем вам такое, от чего самые крепкие мужчины плачут, а слабаки сходят с ума. О, да. Вы увидите огонь, ужас и самых чудовищных тварей, каких только способно породить море, — он вскинул руки и несколько матросов засмеялись. — Они встречали на своем пути Кракена и многоголовую Гидру и, прежде, чем пристать к берегу, они разорвали их плоть и переломали им все кости! Перед вами убийцы чудовищ, мой дорогой друг, и за время пути вы не раз прольете слёзы и будете молить высадить вас на ближайшем берегу! Так, ведь, парни? — обратился он к матросам.

— Так! — радостно ответили те.

— Генрих, прошу тебя, — произнес Харальд.

Тот смотрел на него совершенно невинным взглядом.

— Я требую, чтобы нам сообщили, куда мы направляемся.

Харальд повернулся и увидел вышедшую из-за спины вооруженного солдата Мэгги.

— Это не... — начал он.

— На юг, госпожа, — вмешался Генрих. — Мы простые рыболовы и те воды — наши охотничьи угодья. Нам заплатили за то, чтобы мы доставили вас к одному из выбранных господином Дитрихом причалов.

— Это не мой выбор, а моего руководства, — заметил Харальд.

— С нами дети, — сказала Магдалена. — Вы не можете везти детей на таком судне.

— Простите, мадам, — возразил Генрих. — Но выбора ни у меня, ни у вас нет.

— У вас был выбор!

— Даже если бы я отказался, они нашли бы кого-нибудь ещё, — произнес Генрих. — С нами вы будете в безопасности. Мы не собираемся охотиться во время этого путешествия.

— Вы не можете вывезти нас из страны! Мы не видели полиции! Это противозаконно!

Генрих рыгнул.

— Закон здесь не действует. А теперь, кто из вас поднимется на борт?

— Все, кроме рядового Гантте, — сказал Харальд, указывая на целящегося в Доминика солдата.

Генрих посчитал количество людей и вздохнул.

— Нет, так не пойдет. Нам сказали, что будет только 6 человек.

— Уверен, ты для всех найдешь местечко. Если что, кто-нибудь может ночевать в рубке.

— Ты не понял, — сказал Генрих и положил руку на грудь Харальду. — Вес судна и запасы продовольствия рассчитаны только на 7 пассажиров. Один уже на борту, осталось 6. Всё чётко.

— И никаких исключений?

— С этим пассажиром я договорился ещё вчера, а с вами сегодня. Вот так.

Харальд наклонился вперед и прошептал ему на ухо:

— А если мы доплатим тебе пять сотен сверху?

— Не носи херни, — сказал ему Генрих. — Ты не можешь гарантировать оплаты, а если бы и мог, я бы не согласился. Вопрос в безопасности. Рацион придется сократить. Кому, как не тебе, это знать, — он посмотрел на остальных. — Ну, кто остается?

— У нас с сержантом Айхманом приказ сопровождать лейтенанта, — сказал Зайлер. — Пусть решают они.

Все посмотрели на Доминика. Он посмотрел на жену и дочерей, ощущая на себе их тяжелые взгляды. Каким-то образом, Харальд чувствовал, что они винят его во всем произошедшем этой ночью, но лейтенант, при этом, понимал, всю абсурдность этого чувства. Именно Зайлер нашел их друга в Швеции и, именно, их друг сдал их с потрохами.

— Значит, все мы не поместимся? — спросила Магдалена. — И что теперь? Вы нас расстреляете?

— Пусть это буду я, — сказал, наконец, Доминик. — Я во всём виноват, так что отпустите их и возьмите меня.

Харальд взглянул на него.

— Боюсь, нет. Мы здесь из-за господина Камински, поэтому он едет с нами. Но, раз, капитан говорит, что не может взять одного из вас, то кому-то из дам придется остаться. Будете хорошо себя вести, никого не убьют.

— А как же тот молодой человек в гостинице? — спросила Мэгги, её глаза были красными и полны ярости. — Ему вы то же самое сказали?

Харальд почувствовал себя уязвленным.

— Ну, *больше* никого не убьют.

— И куда мы пойдём, если останемся?

— Зависит от того, кто именно это будет. Одна из ваших дочерей останется под опекой государства до вашего возвращения. Если же остаться решите вы, госпожа Камински, вас будут содержать в Нойенгамме Нойенгамме — наиболее крупный концентрационный лагерь на северо-западе Германии, одноимённый с районом Гамбурга, на территории которого находился., пока муж не вернется.

Доминик подошел к жене, но рядовой Гантте оттолкнул его рукояткой пистолета.

— Что такое Нойенгамме?

Мэгги содрогнулась.

— Это, ведь, тюрьма, верно? Где содержат коммунистов и гомосексуалистов. Вы же не станете отправлять меня в нормальную тюрьму, так, господин Дитрих? Я настолько опасный

преступник, что меня нужно поместить именно в Нойенгамме?

Харальд вздохнул.

— Если вы решите остаться, с вами не будут обращаться, как с остальными, госпожа Камински. Вы будете находиться под защитой государства.

— В каком смысле?

— К сожалению, не могу сказать.

Стремясь избавиться себя от происходящего, Генрих обратился к Харальду:

— Я направляюсь в трюм. Сообщите, когда примете решение.

Харальд кивнул и капитан ушел.

— Зачем оставлять одну из нас? — спросила Магдалена. — Нельзя разделять девочек с родителями. Почему мы все не можем остаться? Я нужна им.

— Я не могу этого позволить.

— А тот человек на борту? Как насчет него? Почему бы не оставить его? Вы готовы разрушить семью ради еще одного пленника?

— Боюсь, я и этого не могу позволить, — сказал Харальд. — Доминик и этот человек очень важны для нашего дела. У нас приказ доставить Доминика с семьей. И мне очень жаль, что мы просчитались с количеством человек. Мы этого не предусмотрели.

Он испытывал неудобство из-за своей ошибки, но предусмотреть её он не мог. Когда он выбирал "Адальгизу", никто не уведомил его об ограничениях на количество пассажиров. Он решил, что 7 человек не станут проблемой. В связи с этим, он живо представил, что будет, позволь он всем трём женщинам остаться. Его человек в Нойенгамме ещё мог принять одного, но троих сразу? Такая ситуация сразу перечеркнет любые возможности оказания каких-либо услуг. А с другой стороны? Если господин Камински отправится без семьи, кто даст гарантии, что он пойдет на сотрудничество? Решение будет трудным, но Харальд на то и поставлен, чтобы принимать трудные решения.

— Одна из вас остается, остальные — на борт, — решил он.

3

София прижала к груди плющевого медвежонка и принялась сосать палец.

Доминик трясся. Он не мог припомнить, чтобы так тщательно спланированная операция, так бесславно проваливалась. Он посмотрел на жену, открыл рот, но сказать ничего не мог.

— Ты же понимаешь, что остаться должна я, — сказала она. — Либо ты, либо я, но тебя они не отпустят. Ты им для чего-то нужен. Что бы это ни было, оно меня пугает, Доминик.

— А я боюсь за тебя, — сказал он.

— Со мной всё будет в порядке. Тюрьму я переживу. Но я не могу даже и подумать, что София и Люсия останутся одни. А ты можешь? — она коснулась его щеки и он заметил тепло в её взгляде. Тепло не от предчувствия возможного спасения, а от осознания её любви к нему. Тепло от осознания того, что последние 12 лет не прошли даром. Он посмотрел на неё и увидел ту самую дочь мясника, которая встретила его в лавке. Она была прекрасна в тот день, прекрасна была и сейчас.

На лицо ей упала прядь черных волос, он смахнул её, как в тот раз, когда они впервые поцеловались. Он прижал её к себе и поцеловал, 12 лет огненной страсти промелькнули между ними в этот момент. Когда они разжали объятия, он заметил, как по щекам Люсии текли слезы. "Как же они похожи" — подумал Доминик.

— Это из-за него мы уезжаем, — сказала Люсия. — Я с ним не останусь. Тем более, на этом вонючем грязном корабле.

— Я тоже не хочу, — присоединилась к сестре София.

— Люсия, милая, — сказала Магдалена, склоняясь к дочери. — Выслушай. Папа тебя очень любит. И ты будешь делать то, что он скажет. Слышишь меня? Ты поедешь с ним.

— Нет, не поедем, — заявила София и хмыкнула.

— Нет, поедете. Во всем этом виноват не папа, а люди с оружием. Слышите меня? Это не его вина, а их. Папа — глава нашей семьи и я хочу, чтобы вы слушались его, когда меня не будет. Он не позволит причинить вам вред. Обещаю, — она обратилась к Люсии: — Помнишь, когда ты была совсем маленькой и ездила к бабушке? Мы весь день ехали в старом вонючем автобусе, потому что не могли позволить себе ничего другого. Но мы добрались и ты была очень рада увидеться с бабушкой. А на следующий день мы пошли к реке и устроили пикник. Помнишь? Ты играла в траве и лазала по деревьям, но упрашивала меня разрешения искупаться. Папа сказал "нет", потому что вода была очень холодной. Ты весь день просидела на берегу, потому что твоя сестренка была ещё младенцем, и играть было не с кем. И тебе стало скучно. Помнишь, что случилось потом?

— Я прыгнула в воду, — ответила девочка.

— Ты прыгнула в воду, — повторила женщина. — Вода, ведь, была холодной? Ты чуть не утонула. Мы думали, ты играешь с куклами, пока не услышали крик. И папа бросился вслед за тобой.

— Он прыгнул за мной в одежде, — добавила Люсия.

— Вот именно, — кивнула мать. — Он прыгнул за тобой и через пять секунд вытащил тебя на поверхность и спас тебе жизнь.

София внимательно слушала их диалог, не вынимая палец изо рта. Доминик не видел, чтобы дочь так делала с тех пор, как ей исполнилось три года. Мэгги повернулась и наклонилась к ней, как к Люсии.

— А ты, София, помнишь, как в прошлом году сильно заболела, лежала в кровати и не пошла в школу?

София кивнула.

— Я хотела, чтобы ты на следующий день отправилась учиться, но папа настоял, что тебе нужен врач. Он что-то услышал в твоём кашле. Врач послушал, как ты дышишь и осмотрел. Помнишь?

— Мне это не понравилось, — сказала София, вытащив палец изо рта и тут же засунув его обратно.

— Оказалось, что ты серьезно больна и, если бы мы не раздобыли необходимые лекарства, ты бы умерла.

София прекрасно это помнила, но, всё равно, выглядела испуганной.

— У меня была мония, — сказала она.

— Верно, у тебя была пневмония. Папа знал, что с тобой что-то не так, поэтому вызвал доктора. Если бы не он... — она запнулась. Доминик подошел к ним и встал рядом.

— Судно готово, — сказал Харальд. И добавил: — Поторапливайтесь, пожалуйста.

Мэгги посмотрела на дочерей.

— Видите, папа очень о вас заботится. Он пытался спасти вас. Он и сейчас пытается. Просто... просто, в моем случае, он немного опоздал, — она крепко прижала детей к груди.

София сильно испугалась.

— Мама! Мама, мне больно!

Мэгги отпустила их и попыталась улыбнуться.

— Прости, милая.

К ней подошел рядовой Гантте с пистолетом наизготовку, значит пришло время расставаться.

— Вы можете не целиться в меня, хотя бы, пока здесь дети? — резко сказала она ему. — Я пойду с вами, только уберите эту штуку. Вам понятно?

Молодой человек удивился её напору и шагнул назад. Пистолет он не убрал, он опустил руки и спрятал оружие в кулаке.

Мэгги прижалась к Доминику и снова поцеловала его. Прежде чем он успел попрощаться, она отпрянула от него и ушла вместе с солдатом. Рядовой Гантте держал её под локоть, но оружия на неё больше не направлял. Он остановился только, чтобы отсалютовать лейтенанту Дитриху, затем вместе с женщиной ушел с причала и исчез во тьме.

4

"Адальгиза" покинула причал уже после полуночи. В настоящий момент, судно набирало ход, слегка покачиваясь в спокойных водах залива. Доминик стоял на носу и прижимал дочерей к себе, гадая, где сейчас Магдалена.

Когда прибрежные строения исчезли на горизонте, он подумал о доме, который им пришлось оставить. Не о людях, не о районе, но о физическом месте, о жилище. Он подумал о письменном столе из красного дерева в своем кабинете, который был в их семье уже три поколения. Подумал о портрете жены и Люсии в зале, который был написан, когда их старшая дочь была младенцем. О журналах, в которых печатались его статьи, эти журналы так и остались лежать в шкафу на кухне. О бутылках вина в подвале, разлитых ещё до 1918 года. И о дедушкиных часах с медным маятником ручной работы в кабинете. Всё это и многое другое навсегда осталось в прошлом.

Затем, он снова подумал о жене. Он подумал о её вороного цвета волосах, улыбке и смехе, который напоминал ему летний дождь. Станет ли она прошлым, поблеклым воспоминанием, наподобие тех вещей?

"Нет, — решил он. — Никакая тюрьма, никакой корабль, ни один человек не разделит нашу семью".

Неподалеку от Пуэрто-Айсен, Чили. Наши дни.

1

— Попробуй ещё раз! — крикнул Голландец.

Человек, к которому он обращался, повернул ключ и нажал кнопку на панели управления. Двигатель громко заурчал, но всё же не завёлся.

— Нихера ты не умеешь.

— Заткнись, — ответил ему мужчина и улыбнулся. Стояла прекрасная погода, светило солнце и никакого ветра. Пот со лба попал в глаза, он сморгнул и вытер лицо перчаткой. Он склонился над хитросплетением проводов, опоясавших механизм двадцатилетнего двигателя.

— Когда ты так наклоняешься, у меня встает.

— Ясное дело, моя лохматая жопа гораздо красивее, чем у твоей последней подружки, Голландец.

— Ты в этом уже убедился?

Он нашел последние два несоединенных проводка и скрепил их вместе. Он выглядел уставшим из-за того, что приходилось стоять здесь и заниматься всем самому, хотя подобное и в его обязанности.

— Уверен?

— Сделай что-нибудь полезное — сходи и проверь.

Голландец хихикнул. Он зашел в рубку управления.

— Господи, как в свинарнике.

— Ага. И воняет лучше, чем твоя подружка.

Человек вышел на помост и посмотрел вниз. Вокруг него, насколько хватало глаз, простиралась бурая пустошь, бескрайние поля из песка и камней. Он подумал о том, как легко грамотно управлять шахтой, если бы кому-то было до этого дело. Но всем было плевать. Их задачей было обеспечивать безопасность, а не заниматься ремонтом. Но пока им платили, дергаться смысла не было.

Вокруг собрались поболтать работяги в красных комбинезонах. Несколько человек ели бутерброды и запивали их кофе.

Голландец повернулся и куда-то указал рукой.

— Эй, смотри.

Глядя в сторону северного въезда, мужчина увидел летящий к ним вертолет. Быстрее всего добраться в горы — это прилететь, но никто уже несколько месяцев не видел здесь вертолетов. Даже директора шахты приезжали на автобусах.

— Так и знал, что пожалею, что утром не захватил винтовку.

— Слышь, либо инструменты, либо винтовка. Так вышло.

— Это не объясняет того, что ты не взял свою.

— Не хотел, чтобы ты обижался.

Мужчина проверил пистолет — увесистый M1911 переместился за пояс — затем прошел мимо приятеля и спустился по лестнице. Он пробежал по машинной платформе, проскользнул под огромной наклонной конвейерной лентой, перепрыгнул через рельсы. Он прыгнул в штольни и прошел под землей. Следом за ним неотступно следовал Голландец.

Добравшись до нужного места, мужчина вытащил из груды хлама ящик и открыл его. Из ящика Голландец извлек дальнобойную винтовку PSG-1. За несколько секунд он проверил прицел, состояние и прикрепил к ней специальные сошки.

— Не взял винтовку, значит?

— Ну, я же не потащил её наверх.

— Сколько мы уже дружим, Голландец?

Голландец закончил осмотр и снаряжение винтовки и удовлетворенный закинул её за плечо.

— Достаточно, чтобы ты знал, что сейчас твоя очередь идти на точку.

Он хлопнул товарища по руке, затем обошел его и начал взбираться на холм. Человек смотрел на него, гадая, не переборщили ли они с паранойей. Но здесь не было ни полиции, ни каких-либо властей, только законы фронта. Так что, лучше оставаться параноиком.

Вертолет сел в тридцати ярдах от него, разбрасывая повсюду песок. Это была здоровенная машина, типа S-70, которые использовала Береговая Охрана в Штатах. Была вероятность, что это прилетела какая-то важная шишка, дабы проверить свои владения, но мужчина счел её слишком низкой. Он сделал шаг навстречу, как дверь вертолета открылась и оттуда вышла женщина! Женщина в мире полном одних лишь мужчин.

Он подбежал к вертолету, закрывая глаза от пыли. Женщина покачнулась и направилась навстречу ему. Он подбежал, чтобы помочь, но когда оказался рядом, она лишь ускорила шаг.

— Вы в порядке, мэм?

— Разумеется, в порядке. У меня мало времени. Мне нужен ваш начальник. Шеф охраны.

— Мой начальник?

— Мистер ЭйДжей Трентон. Знаете его?

Он улыбнулся. Она совсем не была похожа на обычную американскую городскую девчонку.

— Ну, это я, мисс. ЭйДжей, собственной персоной. И других начальников надо мной нет.

В её глазах мелькнуло нечто похожее на отвращение, затем тут же исчезло.

— Отлично. Значит, не придется вас искать.

2

Разговор между Кейт и Майклом этим утром был недолгим. Всё и так уже было ясно.

— Нужно, чтобы в команде был кто-нибудь из исполнителей. И я бы хотел, чтобы это был человек из вашего отдела, — сказал он, когда она вошла в его кабинет. — Для пресс-службы эта ситуация будет сущим кошмаром и хотелось бы видеть кого-то, кому можно доверять. И главное, этот человек должен уметь постоять за себя. Это будет обычный полевой выход, но, если мистер Брубейкер прав, придется ощутить себя в шкуре фоторепортера в Ираке, — он замолчал и посмотрел на неё. — Вы давно там работаете, Кейт и я доверяю вашему решению. Кого включать в команду?

Она уже знала, что скажет ещё до того, как Майкл закончит.

— Я поеду.

— Что?

— Я поеду. Если вам там нужен кто-то из пресс-службы, когда говно попадет на

вентилятор, то это буду я.

— О, — нахмурился он. — Не думаю, что это необходимо. Когда я говорил, что нужен человек из PR, я не имел в виду вас, — он рассмеялся. — Разумеется, нет.

— Я серьезно, — она и сама сомневалась в своих словах. Шок от произошедшего за последние сутки по-прежнему давал о себе знать.

— Не думаю, что это здравая мысль. Если что-нибудь случится...

— А кого отправлять? Лопеза? Гранта? Ни один из этих жирдяев не справится с поставленной задачей, мистер Лусиан. У меня есть немного, но смелости хватает. К тому же, я унаследовала 15 % компании, которые не заслужила. Почему вы не хотите дать мне возможность доказать обратное? Что бы там ни произошло, я выясню, что именно. Я удостоверюсь, что компания моего отца в безопасности. Наша компания.

Майкл сцепил ладони на затылки и кивнул, будто приходя к решению.

— Хорошо. Думаю, мистер Смит будет рад.

— Смит?

— Джоффри Смит, человек, который выступал внизу. Я думал послать его, если никто из вашего отдела не согласится.

Кейт посмотрела на него.

— Он лучше всех осведомлен о ситуации, к тому же, работает здесь уже 10 лет, — пояснил Майкл.

— Конечно, — ответила Кейт. — Уверена, он был бы отличной кандидатурой. Вы уже сказали ему?

— Ну, раз уж, вызвались вы, в этом нет нужды.

— Всё равно, надо ему сказать, — сказала Кейт, стараясь быть предельно серьезной. — Посмотреть на его реакцию. Я бы не хотела никому наступать на пятки.

Какое-то время Майкл молча смотрел на неё.

— Вы меня поймать хотите, да?

— Хочу, — ответила Кейт и улыбнулась. Несмотря на то, что она ощущала себя, как во время езды на "американских горках", она ещё не утратила чувства юмора.

Он вернул разговор к её персоне и какое-то время они обсуждали законные обоснования участия Кейт в предстоящей операции. Когда они закончили, она засобиралась уходить, понимая, что до отлета осталось совсем немного времени.

— И последнее, — сказал Майкл.

Кейт обернулась.

— Вы полетите не сразу на платформу. Сначала придется кое-куда завернуть.

— И куда же?

Майкл поморщился. Впервые, с момента их встречи, он выглядел непривлекательным.

— Вам нужно будет встретиться с человеком по имени ЭйДжей Трентон. Он американец, но работает в Чили. Отклониться придется на несколько сотен миль, но это не критично. Вы встретитесь с Брубейкером в Аргентине в назначенное время. Трентон для нас, своего рода, козырь.

— Дайте, угадаю. Он бывший начальник СБ "Вэлли Ойл"?

Майкл выглядел ошеломленным.

— Откуда вы знаете?

— У меня свои источники.

Прежде чем выйти из уборной, Кейт удалось подслушать, как Джонсон с кем-то

обсуждал этого человека. Его голос доносился из вентиляционной трубы.

— Понятия не имею, о чем они думали, когда решали вернуть Ангуса в дело. Этот парень ёбнутый и всегда был ёбнутым. Да я понимаю, что нельзя так отзываться о предшественнике, но, послушай. Что он, по их мнению, будет там делать? — У его собеседника были предположения, но Кейт не было до них никакого дела.

Это воспоминание вызвало у неё улыбку. *Умна, как оперативник ЦРУ, а до сих пор работаешь секретаршей.* Преувеличение, конечно, но Кейт нравилось быть в курсе событий, пусть для этого и приходилось постоять на унитазах, прижав ухо к стене.

— Вы правы, он работал на нас, когда строился "Эсхил" и дважды был на платформе. Он может быть единственным, кто отлично знает каждый её угол, как ни прискорбно это признавать.

— В смысле, то, что он уже на вас не работает? — поинтересовалась Кейт.

— Да. И ушел он при весьма неприятных обстоятельствах.

Кейт вздохнула.

— Значит, моя задача — убедить его поехать с нами?

— Верно. Я передам вам необходимые документы, нам он нужен как консультант.

— Теперь понятнее.

— Если он откажется, летите без него. Но, учитывая, сумму, которую мы ему предложим, сомневаюсь в этом.

— Простите, Майкл, но всё это кажется мне весьма необычным.

— Так и есть. Его участия затребовали на самом верху, поэтому мы тут только исполнители. — Кейт вопросительно посмотрела на него, но он не стал вдаваться в подробности. — Если у него будут какие-то условия, сделайте всё, чтобы их принять. Нам недвусмысленно указали на его чрезвычайную важность. Мистер Трентон изучил платформу вдоль и поперек. Он в курсе всех деталей и знаком с правилами безопасности, если что-то пойдет наперекосяк.

— Можно ли ему доверять?

— Совершенно точно, нет! Но на его знания и опыт можно положиться. Именно поэтому мы согласились его подписать.

Майкл ослабил галстук. Кейт, в очередной раз, отметила шикарный тайский шелк и сочетающуюся с глазами голубизну. Он, действительно, был весьма привлекателен.

— Уверены, что хотите лететь? Если останетесь, можем сходить пообедать и обсудить работу пресс-службы.

Кейт улыбнулась насколько могла очаровательно. Она больше не пресс-секретарь. С этим покончено.

— Увидимся, когда вернусь.

И вышла.

3

Кейт следовала за бывшим начальником службы безопасности, стараясь не обращать внимания на песок во рту. "Отлично произвела первое впечатление, детка" — подумала она. Но времени на извинения не было, Трентон шел очень быстро.

Они прошли под двумя горнодобывающими машинами. Кейт эти штуки показались самыми здоровенными хреновинами, какие она когда-либо видела. Несколько лет назад она ездила с отцом на мыс Канаверал, чтобы посмотреть на последний старт шаттла "Дискавери". Машина, которая доставляла челнок к месту старта, была размером с

небольшое здание, плоский тягач на двенадцати колесах. Но эти машины могли дать той громадине фору. Они стояли на двух гигантских подмостках, достаточно далеко разнесенных друг от друга, но соединенных чем-то, наподобие моста. Позади каждой из них размещалось несколько мощных двигателей, кабина управления и огромное колесо, похожее на самую большую в мире циркулярную пилу. Но вместо зубьев на ней были ковши, которые вгрызались в породу.

— Это называется роторный экскаватор, — сказал стоявший позади неё мужчина. — Самая большая в мире машина. Эти чуть больше тех, что используются в штатах. Впрочем, не такие большие, как в Германии. Бывали в Германии?

— Да, — ответила Кейт.

— Серьезно? — он выглядел удивленным. — А, ну да, нужно было догадаться, что вы много путешествуете. Надеюсь, вы сможете устоять перед моим иноземным очарованием, — он улыбнулся, обнажая ряд чистых белых зубов, которые могли принадлежать только американцу.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Вы такой же иностранец, как и я.

— Ну да? И откуда вы?

— *Cuantos anos ha estado viviendo en Chile?* (исп.) Сколько лет вы проживаете в Чили?

— А? — только и мог сказать он.

— *Ningun anos. Creo que aproximadamente diez meses que han estado aqui. Correcto? Eres un Americano, y un mentiroso pobre* — что означало "Вы тут всего 10 месяцев. Вы американец и, к тому же отвратительный лжец". Она могла сказать это и по-английски, но эффект был бы не тот.

— *Que sono es esto?* — выдавил он из себя. "Какого хера?"

— Говорите с акцентом, — сказала она утвердительно. — И этот ожог у вас появился незадолго до того, как вы загорели.

— Дамочка, вам придется поучиться манерам, прежде чем чего-нибудь от меня добиться.

— А с чего вы решили, что мне нужно от вас чего-то добиться?

— А зачем вы здесь тогда?

Они шли среди куч грязи в сторону заляпанных пылью грузовиков и передвижного вагончика. Когда они оказались на месте, она обернулась и не увидела вертолета. Она знала, что человек из "Блэк Шэдоу" уже выдвинулся к ним, но его нигде видно не было. Кейт почувствовала, как по шее начинает ползти холодный страх. Вокруг не было никого, ни рабочих, ни мастеров, ни охраны. Шахта пустовала.

ЭйДжей указал на один из трейлеров.

— Сюда, мисс — сказал он. — Тут мы и живем.

— Вы действительно не знаете, кто я?

— А должен?

— Наверное, но это даже к лучшему, что не знаете.

— Как скажете, дамочка.

Он открыл дверь и она вошла внутрь. Изнутри в трейлере не было ничего примечательного — только несколько столов и компьютер. Пахло застарелым потом. ЭйДжей закрыл дверь и тряхнул головой, избавляясь от пыли. Его волосы должны быть рыжими, но они были слишком грязными, чтобы говорить уверенно. Он прошел мимо неё и

сел за стол, ковыряясь пальцем в ухе. Кейт хмыкнула от отвращения.

— Ну, — сказал Эйджей, — вы наёмный убийца или вам от меня что-то нужно?

— Убийца? Вы о чём вообще?

Позади себя Кейт услышала металлический щелчок. Она много раз была на стрельбище, чтобы понимать, что это было ни что иное, как звук взводимого курка.

Из дальнего конца комнаты к ней шел мужчина с поднятыми руками. Он выглядел на несколько лет моложе Эйджея, но был одет в такую же форму. У него были русые волосы и простецкое незапоминающееся лицо, какое бывает у большинства мужчин среднего возраста, но Кейт посмотрела ему в глаза и поняла, что он не тот, кем кажется. Следом за мужчиной вошел пилот, держа в руках пистолет.

Мужчина повернулся к Эйджею и произнес:

— Он хитрый парень.

Эйджей вздохнул.

— Да, вижу. Ты настолько туп, чтобы попасть в засаду даже в таком крохотном помещении?

— Не. Он взял меня, когда я следил за вами у скал. Понятия не имею, как он меня отыскал.

— Думаю, разглядел блики от прицела.

— Ага. Он хитрющий чел.

— Думаешь?

Мгновение спустя, мужчина извернулся, схватил пилота за запястье и локтем ударил в нос. Его движения были настолько легкими, что казались обыденными. Через пару секунд он уже держал пистолет в руке, а пилот лежал на полу и стонал.

Кейт повернулась к Эйджею и увидела, что он тоже направил на неё пистолет. Всё это время он доставал его из стола, отвлекая её чесанием уха. Она тихо выругалась.

— Голландец, ты как? — спросил Эйджей.

— Нормуль, — ответил тот. — Я сказал "хитрый", а не "быстрый".

Пилот поднялся на колени. Из его носа текла кровь, но выглядел он, скорее, удивленным, нежели, страдал от боли.

— Вы в порядке, мистер Мартен?

— Да. Не трогай меня.

Тот, кого называли Голландцем посмотрел на Кейт.

— У вас хороший пилот. Но ему лучше держаться за штурвал, чем заниматься чем-то подобным. Не хватает скорости реакции.

— Захлопнись, — бросил Мартен.

Кейт уперла руки в бока.

— Но, ведь, он привел вас сюда с пистолетом у виска, а не наоборот?

Он улыбнулся ей и выглядел, при этом, совершенно жутко.

— Довольно, — прервал их Эйджей. — Рассказывайте, зачем вы здесь и что вам нужно.

4

К тому времени, как Кейт закончила, у неё пересохло горло. Она говорила быстро, ничего не утаивая.

— Всё? — спросил Эйджей.

— Да. И уберите уже эту штуку. Господи, — эти слова прозвучали намного храбрее, чем

она себя чувствовала.

Голландец посмотрел на приятеля, пожал плечами и сунул пистолет за пояс. Эйджей сделал то же самое, не сводя с неё глаз.

После этого она подошла к столу.

— Вот так вы встречаете гостей? Приводите сюда и приставляете ствол к затылку? Гандоны! — позади неё заржал Голландец, но она не обратила на него внимания. — Гандоны! — повторила она.

— Боже, ну простите, пожалуйста, — с сарказмом сказал он, будто, было очевидно, что она выглядит, как преступница.

— Согласитесь, всё это очень подозрительно, — продолжал Эйджей. — Ваш приятель шарится по округе с оружием. Схватил Голландца. Обычно, переговоры начинаются не так.

Грег Мартен выругался.

— Равно, как и сажать снайпера неподалеку от незащищенной женщины.

Эйджей пожал плечами.

— Мы не знали, кто вы.

— Я не незащищена, — парировала Кейт.

— Это уж точно, — согласился Голландец.

Кейт обхватила руками голову.

— Да, заткнитесь вы уже! — крикнула она. Что они и сделали, и на какое-то время комната погрузилась в тишину. — Может, вернемся к делам, а? — Они кивнули. В какой-то момент Кейт ощутила себя учителем начальных классов перед неуправляемой ватагой малышни, но сейчас она завладела их вниманием и не хотела его терять.

— Я здесь не затем, чтобы ломать кому-то жизнь. Я приехала с предложением и всё. "Вэлли Ойл" компенсирует вам все убытки и расходы. Они считают, вы не отлучитесь дольше, чем на сутки. Транспорт тоже не проблема. Вам нужно лишь сказать "да".

— Сколько?

Кейт повернулась к Голландцу.

— Какова сумма компенсации?

— Вам они ничего компенсировать не будут, мистер...

— Джонс. Генри Джонс.

— Ясно, мистер Джонс. Мне казалось, вас зовут Голландец.

— Это прозвище, — сказал он. — Понимаете, псевдоним.

Кейт моргнула.

— Понимаете, не все знают моего настоящего имени, — пояснил он.

— Охотно верю. Но предложение касается только мистера Трентона.

— Сколько? — спросил Эйджей.

Она обернулась.

— Может, обсудим это лично?

— Нет. Сколько?

Она посмотрела на Грега Мартена. Тот пожал плечами.

Когда Эйджей повторил вопрос, она назвала сумму. Голландец присвистнул.

— Неплохо, шеф.

— Я согласен, — сказал Эйджей. — Но требую столько же для Голландца. Он едет с нами.

— Я не уполномочена принимать такие решения!

— Господи, дамочка. Не надо орать.

Кейт протерла глаза.

— Слушайте, я не уполномочена распоряжаться тем, чем не владею. Я не какой-то исполнительный директор, я обычный пехотинец, как и вы. Просто делаю свою работу, а вы тут...

— Эй, эй, эй! — воскликнул Голландец. — Я не пехотинец. ЭйДжей, а ты пехотинец? — Он посмотрел на Кейт. — Кто тут пехотинец?

— Да, кем бы вы ни были, — ответила она. — Вы, ведь, не вправе распоряжаться финансами шахты. А я не вправе распоряжаться ресурсами вашего бывшего работодателя.

Голландец указал на приятеля.

— Его бывшего работодателя.

Кейт достала из рюкзака бумаги и швырнула их на стол. Звук шлепнувшейся о столешницу папки заставил остальных подпрыгнуть. Голландец выглядел, по-настоящему, напуганным. И этот человек несколько минут назад держал в руках пистолет? Она решила, что может сейчас забрать у него оружие, как игрушку у ребенка.

— Вот, контракт и бланк о неразглашении. Мне было приказано предложить работу только мистеру Трентону, но, в сложившейся ситуации, полагаю, мы можем сделать такое же предложение мистеру Джонсу. Но, позвольте внести ясность: второй платы не будет. Что вы будете делать с деньгами — не моя забота. Можете поделить их, если хотите. Так, что, либо подписывайте, либо идите на хуй!

— Ладно, ладно! — воскликнул ЭйДжей. — Не надо ругаться, дамочка.

— МакКриди. Меня зовут Кейт МакКриди, — при этих словах она ткнула ему в грудь пальцем. Происходящее казалось ей полным абсурдом, но она решила, если это поможет достичь цели, то так тому и быть.

ЭйДжей посмотрел на её палец, затем хмыкнул и пожал его.

— Рад познакомиться, Кейт.

Она убрала руку.

— Остановимся пока на "мисс МакКриди".

— Само собой, — ответил он, подписывая бумаги.

— Я тоже рада познакомиться, Ангус.

Голландец разразился хохотом. Когда все посмотрели на него, он смутился.

— Что? Кто?

— Боюсь, времени у нас мало. Даю вам полчаса на сборы и поиск замены, но не более. Мы и так тут задержались.

ЭйДжей поднялся.

— Нужно позвонить. Если делов всего на день, Стански и Ричардс нас прикроют.

Когда ЭйДжей поднял трубку, Кейт приняла это как повод выйти из вагончика. Снаружи было жарко, дул сильный ветер, кружа в воздухе маленькие торнадо из пыли. Голова гудела, но она была рада, что часть дела была выполнена. Она сильно устала, а мысль о том, что предстоит сутки провести в компании двух придурков, только усиливала головную боль. Но она выполнила указание, Майкл будет доволен. Эта мысль порадовала её. При её нынешнем положении в "Вэлли Ойл", никто её не уволит, но сама мысль об успехе приятно согревала. Полезно заводить друзей, особенно таких, как...

Открылась дверь вагончика и под палящее солнце вышел Голландец. Он помотал головой в поисках Кейт, затем двинулся к ней.

— Постойте. Без шуток, — хихикая, спросил он. — Его, действительно, зовут Ангус?

Глава 4: На борту "Адальгизы"

Киль, Германия. Декабрь 1938 года.

1

Молодой человек провел их по палубе.

— Вот здесь каюта старпома, там, дальше, кухня. Мы едим 5 раз в день, посменно. Здесь, в углу есть люк, — он взялся за ручку и дернул вверх, открылась лестница. — Когда все собираются на завтрак, начинается суший бардак, но, вон там, есть люк на главную палубу. Впрочем, при непогоде он задраен. После вас.

Доминик посмотрел на Софию.

— Спускайся, милая.

Она кивнула, не выпуская большой палец изо рта. Она не вынимала его с тех пор, как ушла Мэгги.

Когда они спустились вниз, то оказались в длинном коридоре с металлическими стенами. Из комнаты рядом с ними шел жар и Доминик выяснил, в чём причина, когда проходил мимо. Он увидел мальчика, который закидывал лопатой в топку черную пыль.

— Это Жерар, — представил мальчишку матрос по имени Карл. — Из-за дыма он слегка заторможен, поэтому почти не разговаривает.

Жерар посмотрел на них и коротко кивнул. Карл продолжил путь, ведя гостей мимо кают экипажа. Матросы занимались самыми разными делами — спали, играли в карты, писали письма. Двое даже курили в углу, заполняя помещение клубами сизого дыма. На гостей никто не обратил внимания, хотя София довольно громко начала кашлять. Доминик взял её на руки и прижал к себе.

Он заметил многочисленные ящики с бананами, персиками и другими фруктами. В углу даже висела связка сосисок, вокруг которой роились мухи. Возле кроватей была сложена одежда и другие вещи. Матросы старались занять каждый сантиметр свободного пространства.

— Обычно команда спит здесь, — сказал Карл. — Все в одной комнате. Чтобы всем хватило места, люди спят на гамаках, каждый по отдельности, и это здорово. Не знаю как вы, но мне неприятно лежать рядом с другими, — он указал пальцем на металлическую дверь. — Вон та дверь ведет к нижней части палубы, там ремонтная мастерская. А здесь, — он указал на последние две двери, — кладовая. — Он открыл дверь и их взорам предстали ряды коробок и ящиков с продуктами. Карл запер эту дверь и открыл другую, за которой не было никаких коробок. Там был человек.

Когда дверь открылась, пленник поднялся, его длинные волосы колыхнулись. Одет он был в грязную и рваную одежду, но Доминик, всё равно, решил, что основной работой этого человека был интеллектуальный труд.

— Ари, — сказал мужчина, протягивая руку. — Ари Квинтус.

Доминик ответил на рукопожатие.

— А как зовут этих милых дам?

— Люсия.

— Жоффия, — ответила София, не вынимая палец изо рта.

— Дом, милый дом, — проговорил Карл. — Места для кровати нет, но соломы хватит на всех.

Доминик заглянул внутрь и с ужасом оглядел крохотное помещение. Эта комната была не больше склада, который они видели чуть раньше, с низкими потолками и без окон. Карл не мог оставить их здесь.

— Жизнь на борту судна трудна, — сказал молодой человек. — Нам всем тут несладко. Вам, наверное, придется труднее, чем остальным, но вы, по крайней мере, сможете выжить.

— Вы же не всерьез, — тихим голосом произнес Доминик.

В этот момент рядом оказался лейтенант Дитрих. Он стоял, держа руки за спиной, его форма выглядела заново выглаженной. Доминик удивился, как ему это удалось повернуть во время качки. Карл кивнул и вышел. Как бы он ни относился к гостям, дальнейшее его не касалось.

Харальд сунул голову в комнату.

— Заходите.

— Вы не сможете нас заставить.

— Могу и заставлю.

— Кто приказал?

— Я, разумеется. Пока мы в пути и команда работает, вы не будете им мешать, — он замолчал, над чем-то задумался и добавил: — К тому же, я вам не доверяю. У вас был трудный день и вы немного не в себе.

Доминик был, отнюдь, не храбрецом, но он взбунтовался. Его лоб покрылся испариной.

— Трудный день, говорите? Вы, хоть, представляете, что с нами сделали? У девочек отняли мать, а у меня жену! Именно вы разлучили нас и теперь говорите, что у нас был трудный день?

Харальд слушал его с могильным спокойствием.

— В данный момент ваша жена сидит на заднем сидении комфортабельного автомобиля, который направляется в ваш родной город. Вам не о чем беспокоиться.

— А девочки? Стоит ли мне беспокоиться за них, запертых в этой мрачной коробке, которую вы зовете каютой? Без матери!

— Я могу вас связать и держать так до прибытия в порт, господин Камински. Говорите, пожалуйста, тише.

— Нет, не буду!

София потянула его за рукав.

— Папа. Папочка, пожалуйста, не кричи, — сказала она.

Он посмотрел вниз. Один лишь взгляд на неё сбил его с толку.

— Через час вам принесут еду и воду, — сказал Харальд. — Это всё, что я могу сделать.

— Неприятности, господин лейтенант?

Из полумрака появился высокий солдат, по имени Ян. Чтобы перемещаться по коридорам судна, ему пришлось согнуться, но даже в таком виде, он излучал угрозу. Задачей Яна было ломать любое сопротивление и Доминик не имел никакого желания вступать с ним в схватку в ограниченном пространстве.

Доминик издал протяжный вздох и повернулся к пленнику.

— Господин Ари, разрешите пройти.

Мужчина шагнул в сторону.

— Господин лейтенант, — заговорил он, когда Доминик с детьми прошли внутрь. — Я понимаю, что вам нужно возвращаться к служебным делам, но я хочу попросить об услуге. Небольшой, но очень важной.

— Я здесь не за тем, чтобы оказывать услуги, господин Квинтус.

— Я... — мужчина говорил очень быстро. — Я здесь уже довольно долго... и мне... мне нужно в туалет, — он заговорил тише. — Всего несколько минут.

— Это исключено, господин Квинтус.

— Умоляю вас! Эти люди очень милы и приветливы. К тому же, здесь дети. И я бы не хотел... делать этого при них. Прошу, я быстро. Я даже в гальюн не пойду, могу всё сделать через фальшборт. Можете поставить охрану, если хотите! Только не вынуждайте меня делать это здесь. Пожалуйста.

Харальд задумался, затем помотал головой.

— Нет, господин Квинтус. Придется терпеть, — он развернулся и взялся за дверь.

— Вы гад, — внезапно произнесла Люсия. Всё время она молчала. В её голосе звучала такая злость, какой Доминик за ней раньше не замечал.

Впервые Харальд выглядел почти расстроенным. Он закрыл дверь и запер её на замок. Доминик слышал, как по ту сторону вращается запорный механизм и понял, что выбраться отсюда у них не получится. Если судно начнет тонуть или загорится, они обречены. Если погибнет команда, они умрут от голода. Если этот человек, Ари, окажется каким-нибудь сумасшедшим, он может убить их во сне. Харальд прав, этот день, действительно, трудный.

Доминик оперся спиной о дальнюю стену и позволил себе упасть на пол. София уселась слева от него, а Люсия справа. Обе крепко прижались к отцу.

Ари уселся у стены напротив.

— Простите. Эти люди не отличаются теплотой и пониманием.

— Как долго вы здесь находитесь?

— С самого утра. Весь день провел в машине. Мне завязали глаза, так что, я даже не знаю, где мы находимся.

— Мы в Киле.

— О, значит, это объясняет перемены погоды. Днем заходил капитан и представился. Это был единственный человек, с которым я разговаривал за всё это время. Я искренне прошу прощения. У меня и так большой живот, а я тут уже так долго, что стало только хуже.

— Не нужно извиняться. Мы все здесь не по своей воле.

— Мне жарко, папа, — внезапно сказала София и скинула пальто.

Ари улыбнулся.

— Жаль, здесь нет окна. Полагаю, время от времени, сюда будет проникать морская вода, но я лично смогу это пережить.

Доминик помог дочерям устроиться поудобнее, затем сам снял пальто и ослабил галстук. Становилось, действительно, жарко. Его удивил контраст с холодной палубой снаружи, но он пришел к выводу, что в данном случае, всему виной близость к кочегарке и ограниченность пространства. София тихо кашлянула и он прижал её ближе к себе.

— Мне не нравится этот человек, — сказала Люсия.

— Какой? Офицер?

— Тот, которого я назвала гадом. Прости, папочка. Я совсем не хотела ругаться.

— Он и есть гад.

— Я скучаю по маме.

— Я тоже, но мы ничего не можем поделать. Придется играть по его правилам.

— Верное решение, — отозвался Ари. — Я знаю этих людей. У них Грандиозные Планы. Именно так, с большой буквы "Г". После Великой войны До начала Второй мировой

войны, Первая мировая в западной историографии называлась Великой войной. солдаты подавлены и готовы делать всё ради короля или страны. Мне жаль людей, вроде Дитриха. Они не понимают, что сейчас находятся под влиянием той же пропаганды, что и их отцы 20 лет назад.

— Вы воевали? — спросил Доминик.

— Нет, я был женат и занимался преподаванием. Слава богу, меня не призвали. Но сомневаюсь, что это может сыграть какую-то роль в моем нынешнем положении. Я готов отдать жизнь за Германию и, если Фюрер решил, что в данном положении от меня толку больше, то так тому и быть!

— Думаете, ему есть дело до таких, как мы?

Ари задумался.

— Трудно сказать. Гестапо последние годы играет в очень странные игры. К тому же, когда я был ребенком, их не существовало.

— Жестокость обычных людей бывает безгранична, — сказал Доминик. — Мою жену... — но он не закончил.

— Простите, — сказал Ари, глядя в пол.

— Я не понимаю, почему именно мы. Не понимаю, почему они так прицепились к нашей скромной семье. Мы же — никто.

— Я пытался разузнать. Когда на пороге моей лаборатории появились люди в черных плащах, я оказался настолько глуп, что решил, будто они ищут кого-то другого! Кого-то другого! Только представьте! Прежде чем осознать свою ошибку, мне накинули на голову мешок и сунули в машину. Меня привезли сюда в том, что было тогда на мне и всё. И, вот, я сижу здесь и жду ответов.

Раздался звук, похожий на гром и Доминик подскочил. Он подумал, что началась гроза, но София хихикнула и он понял, что это Ари пустил газы.

— Прошу прощения, — виновато произнес Ари, держась за живот.

— Чем вы занимались, Ари? — спросил Доминик.

— Я работал статистиком. Математическая физика, — поправился он. — Официально, я преподаю в университете имени Гумбольдта, но с тех пор, как партия взяла все школы под свой контроль, я много путешествую. Последней моей работой были исследования в Осло линейных ускорителей частиц. Но вам, наверное, это неинтересно. А чем занимались вы? Преподавали? Простите, но вы выглядите, как учитель.

— Я биохимик, — сказал он, глядя на Ари. Услышанное встревожило его. Конечно, можно было списать на совпадение, что Гестапо одновременно захватило двух ученых, но он в этом сомневался. — Мне интересно, чем вы занимаетесь. Расскажите поподробнее.

— Конечно! — воскликнул Ари, затем его лицо исказилось. Из его живота раздался урчащий звук. — Оооо... боюсь, я не могу уже терпеть, — он обхватил живот обеими руками и пополз в сторону стоявшего в углу ведра. Иногда он останавливался, будто, в сомнениях, затем продолжал свой путь. — Простите, ребята! Не могу терпеть, — выкрикнул он.

— Эм...

— Отвратительно, — произнес Ари, бесцеремонно стягивая штаны. Прежде чем Доминик смог прикрыть девочкам глаза, перед его лицом возникла волосатая задница. Люсия замерла, а София выглядела смущенной.

— Минутку, Ари, — сказал Доминик и отвернул дочерей лицами в угол. — Будем благодарны, девочки. Не станем смущать человека.

— Какая гадость! — воскликнула Люсия. Она выглядела болезненно бледной.

София прошептала так, будто бы надеялась, что Ари не услышит:

— Что он делает, папа?

Ари издал ещё один урчащий звук и в ведре раздался всплеск. Всё это сопровождалось стонами самого Ари.

Доминик, чьи щёки залила краска, начал смеяться. Сначала тихо, затем всё громче и громче.

— Думаю... думаю, дорогая, он пытается завести машину. Таковую, старой модели, с ключом спереди.

— Эй, я тут пытаюсь сосредоточиться! — крикнул Ари, его желудок не переставал урчать. Снова раздался шум и в ведре опять раздался всплеск.

— Нет, не так, — сказал Доминик. — Это самолет пролетает над нами и сбрасывает на нас бомбы.

София, которая до этого держала отца за руку, выпустила её и начала смеяться. Он не слышал её смеха несколько дней и этот смех оказался заразительным. Вскоре и Люсия присоединилась к сестре.

— А мне кажется, что это бегемот умирает, — сказала она сквозь смех. — Большой такой, как тот, которого мы видели в зоопарке.

Из глаз Доминика полились слезы, на этот раз от смеха. От хохота он едва мог говорить.

— Ари, здесь начинает пахнуть мертвым бегемотом!

— Прекратите! — воскликнул Ари. Затем в спину Доминику попал кусок хлеба. — Вот вам, за то, что не соблюдаете правила приличия!

Все призывы Ари к тишине потонули в очередном грохоте. Они стали невольными слушателями целой череды взрывов.

— Ари, я не знал, что вы играете на тромбоне! — сказал Доминик сквозь этот грохот.

От смеха они упали на пол и Доминику пришлось приложить усилие, чтобы девочки случайно не обернулись. В конце концов, подумал он, пока они вместе с ним, всё не так уж плохо.

2

— Думаете, они строят какое-то оружие? — спросил Ари, когда девочки уснули.

В прошлом году Ари опубликовал теорию — всего лишь, теорию — о возможности образования термодиффузии при расщеплении урана и Доминику стало стыдно, что он ничего об этом не слышал. Разумеется, он слышал об учителе Ари, великом физике Максе Планке. Было ясно, что Ари являлся одним из его последователей.

Доминик вздохнул.

— Всё равно, ничего не ясно. Я биохимик, а не физик. Если они хотят собрать бомбу, им нужен ваш учитель, а не я.

— А что, если они разрабатывают химическое оружие? Или биологическое?

Он согласился, что такое возможно, хотя предпочитал об этом не думать. Всего несколько часов назад его жизнь рухнула, и голову занимали совсем другие мысли.

Их диалог прервал судовой кок Бёрк и Доминик оказался избавлен от необходимости отвечать. В маленькую комнату вошел потный здоровяк. Доминик был настолько удивлен, что не сразу заметил, что дверь во внешний мир оказалась открыта нараспашку. Затем поймал себя на совершенно очевидной мысли: даже если они справятся с Бёрком, куда им

идти? Вокруг море, они были не только пленниками Республики, но и воды.

— София, Люсия, просыпайтесь, — сказал он. — Еда.

Ари решил узнать у него о последних новостях, но Бёрк грубо ответил:

— Не твоё, блядь, дело, — и Ари замолчал. Он задрожал и Доминик улыбнулся. Он понял, что Ари нравится ему. Он казался ему одним из тех социально дезадаптированных ученых, не способных на какой-либо обман или подлость. Доминик решил, что если и находиться с кем-то взаперти, то лучше, пусть это будет кто-нибудь вроде него.

— Ешьте, Ари.

Они поели, ещё некоторое время поговорили и заснули. Так и тянулись долгие часы — они ходили по камере, разминали ноги и спали. Пользовались ведром, играли в словесные игры и спали всё больше и больше. В какой-то момент, Доминик сунул руку в карман за часами, но вспомнил, что их изъял толстый гестаповец.

Думаете, они строят какое-то оружие?

Сидя во тьме, Доминик мысленно вернулся к этому вопросу. Вот к этому, значит, привели все его годы научной деятельности? Как преподаватель он, прежде, не задавался такими вопросами, равно, как он считал, и университет. Конечно, где-то на планете оставались места, где не думали о войне. Но тут он вспомнил о своих ежеутренних прогулках. Он вспомнил, что последние два года по пути на работу проходил мимо памятника 76-му пехотному полку. Это уродливое сооружение кубической формы возвышалось посреди живописного парка в университетском городке Гамбурга. Оно представляло собой скульптуру из группы солдат, двигавшихся строем друг за другом по кругу. Создатели этого памятника хотели отобразить гордость и славу солдат, но их круговое движение уничтожало всю заложенную метафору на корню.

Вот, во что превратилась эта страна.

Думаете, они строят...

Раздался стук в дверь и Доминик подскочил, гадая, сколько же времени он провел, сидя в полной тишине. Через мгновение в дверном проеме появилась фигура. Человек обеими руками держался за косяки двери и, казалось, что он был пьян или страдал от морской болезни. Но, судя по тому, что весь экипаж состоял из опытных моряков, Доминик предположил, что вероятнее всего первое.

— Ты понимаешь, что это моё судно, парень? — сказал человек. — Эй, я к тебе обращаюсь!

— Да, — ответил смущенный Доминик.

Человек кивнул.

— Точно, бля. Я капитан. Капитан Генрих фон Унгер и это моё судно. И никто мне тут не указ. Ты это понимаешь?

— Да, разумеется.

Капитан взглянул на Ари.

— А ты?

— Да, — нервно кивнул тот.

— Отлично. Тогда берите детей и за мной.

3

Вскоре Доминик оказался на верхней палубе, снова лицом к лицу с Дитрихом. Оказалось, что лейтенант был способен не только отнимать, но и давать. По настоянию

капитана, Доминику с дочерьми было разрешено дважды в день выходить наружу на прогулку. И хоть напряжение не покидало его, в глубине души Доминик немного успокоился. В первую очередь, его успокаивала мысль, что лейтенант согласился с требованием Генриха.

На какое-то время его опьянило чувство воображаемой свободы.

Глава 5: Полный рот песка

Побережье Аргентины. Наши дни.

1

Мейсон толкнул ворота церкви и шагнул в пыль. За горы закатывалась оранжевая громада солнца. Церковь больше походила на подвал, чем на зал для собраний. В воздухе висел запах моря и шум, издаваемый играющими на холме в футбол людьми. В отличие от остальных, он заметил, что тут довольно мило. И, опять же, в отличие от остальных, посещение подобных мест вызывало у него мысли об отставке. Этот день казался ему гораздо ближе, чем было на самом деле.

Он бросил сумки в пыль и потянулся, чувствуя, как по груди течет капелька пота. Оружие было весьма тяжелым, но никто не соизволил предложить помощь. Но всё было в порядке. Он любил побыть один. Любил запах пыли, оружейной смазки и ощущение смыкающегося над головой церковного купола.

В отдалении послышались шаги и он увидел, как навстречу шел падре Мануэль. Он кивнул ему. Падре кивнул в ответ.

Старый Мануэль пришел сюда не ради какой-то цели, он просто гулял, как и в те дни, когда Мейсон бывал здесь. Падре продолжил свой путь через кладбище в старый цветочный сад. Когда он проходил мимо послышался скрежет металлической шины на ноге, почти средневековой конструкции. Многие из биографии падре было покрыто тайной, но разбитая коленная чашечка к этим тайнам не относилась. Мейсон гадал, что же заставило его тянуть с операцией до самой старости.

Ход его мыслей прервался, когда он заметил спускавшегося с холма Райнера. Он, как и Мейсон, был без рубашки, красуясь загаром, полученным во время работы в Мексике. На нем была ковбойская шляпа и солнечные очки, которые могла носить только деревенщина. И Райнер носил.

— Вашу ж мать, командир. Молитесь богу и тащите патроны Райнер цитирует песню Франка Лоессера "Praise God and pass the ammunition", написанную в 1942 году, вскоре после нападения японской авиации на Перл-Харбор., - сказал он, пиная носком ботинка сумку.

— Глянь, если хочешь.

Так он и сделал. Мгновение спустя, он уже держал в руках штурмовую винтовку AR-15 и проверял затвор.

Мейсон стряхнул с брови каплю пота.

— Жалобы есть? — спросил он.

— У меня нет, командир. Что там ещё? — "Что" у него прозвучало, как "шо".

— Пара "Моссбергов", несколько 45-х. Ах, да, есть ещё две 50-ки. Один, наверное, поставим на вертушку.

— Думаете, понадобятся?

— Вряд ли, но лучше перестраховаться. И раз уж речь зашла о бесполезном грузе, у нас тут есть новая игрушка для Сен-Круа.

— Да, ну? — Райнер заглянул в сумку и достал оттуда гранатомет. — Боже, китайский что ли? Надеюсь, эта хрень не взорвется прямо в руках?

Мейсон рассмеялся.

— Ты же знаешь, он ведет себя, как ребенок перед Рождеством. Если у нас не найдется,

чего взорвать, он разыщет сам.

— Да уж точно, блин. Полагаю, ближайшее время на пути у него лучше не вставать.

— Хочу посмотреть, как он ухмыляется. Тогда он похож на обезьянку.

Райнер хмыкнул.

— Тебя же бесит эта ухмылка, командир.

— Ты прав, так и есть. Кстати, где он? С остальными?

— Ага, — кивнул Райнер, задирая шляпу на затылок. — Позвать его?

— Нет. Потом. Пока подождем цивиков, — он уже почти 10 лет как уволился из армии, но некоторые словечки застряли очень крепко. Людей далеких от армейской службы он, иначе как "цивиками" называть и не мог.

— Так, они уже здесь, командир. Я потому и пришел. Думал, ты слышал вертушку, — Райнер плюнул в пыль.

Мейсон вздохнул. Неужели он настолько глубоко погряз в собственных мыслях, что ничего не услышал? Неважно. Самоанализ полезен в терапевтических целях.

Он заглянул за церковь и увидел, как на холме стоит падре и смотрит в их сторону. Он смотрел на восток, в сторону пляжа и был похож на пугало.

— Этот чувак меня пугает.

— Прекращай, — ответил на это Мейсон. Впрочем, факт того, что ковбой видел Мануэля радовал. Когда Мейсон появился здесь впервые, он вообще сомневался, что падре реален.

— Хватай сумки.

— И за тобой?

— Нет. Неси их к вертушке. Проверь, чтобы она была заправлена. А я к нашим гостям.

Мейсон поднялся на холм и увидел пляж. Далеко идти не пришлось. Большинство его ребят продолжали перебрасывать мяч, но новенький, Николас, разговаривал с гражданскими. Почти со всеми из нынешней команды Мейсон работал раньше. Маркуса Райнера он знал 6 лет, Кристиана Виталле и Джина Таи 4 года, с пилотом Хэлом МакХалистером он летал уже 8 лет. А, вот, Николас Уорш был новичком. Начальство включило его в группу в последний момент и он ничего не мог поделать. Но его это не тревожило. Он справится, Мейсон не сомневался. Что же до остальных, придется знакомиться. Он пересчитал прибывших и нахмурился. Было на одного человека больше. МакКриди должна была привезти одного, а привезла двоих. Вот, что бывает, когда ставишь женщину руководить. Они всегда перебарщивают. Он пошел вниз с холма.

Мужчина, стоявший в центре, посмотрел на него.

— Мистер Мейсон Брубейкер. Смотрю, ты всё ещё в деле.

Мейсон кивнул.

— ЭйДжей.

Они обнялись, Мейсон хлопнул его по спине.

— Давно не виделись.

Кейт стояла с открытым от удивления ртом.

— Вы знакомы?

— Уже давненько. Да, ЭйДжей?

— Когда-то служили в одном подразделении, — ответил ЭйДжей. — Потом какое-то время работали в частном секторе. Дела давно минувших дней.

— Эй, а ты в курсе, что его звать Ангус? — подал голос Голландец.

— Ты кто? — спросил Мейсон.

— Генри Джонс, — ответила за него Кейт. — Он прилетел с ЭйДжеем. Тот согласился работать с нами на этом условии.

Мейсон посмотрел на старого приятеля.

— Это так?

— Когда я узнал, кто заказывает музыку, то решил, что без поддержки не обойтись. А, когда узнал, что на месте всем рулить будешь ты, то понял, что поступил правильно.

— Готов спорить, ты об этом первым делом спросил.

— Так и есть. Я знал, что работа, прежде всего. И нужно было озаботиться личной безопасностью.

— Я смотрю, ты при своих явился, — сказал Мейсон, указывая на заткнутый за пояс пистолет.

— Ну, раз не нужно проходить таможеню, то, почему бы и нет?

Мейсон с трудом сдерживал улыбку. ЭйДжей оставался всё тем же параноиком.

— Ты же понимаешь, что я об этом не просил. Это начальству взбрело в голову пригласить в наш круиз бывшего начальника СБ. Не знаю зачем, но деньги их. Думаю, если бы они на самом деле прислушивались к твоему мнению, тебя бы не уволили, да?

Лицо ЭйДжея вытянулось. Мейсон знал, как задеть за живое и он был рад, что некоторые вещи не менялись. ЭйДжей был неплохим парнем, но никак не мог найти своего места в мире. Он был хорошим солдатом, когда они служили вместе. Был хорошим стрелком, под огнем не впадал в панику. Умел обращаться с артиллерийскими орудиями. Мог водить танк. Но он был очень хитрожопым, а Мейсону не нужны были хитрожопые. Он потратил много лет, чтобы сколотить команду из людей, которым мог доверять, а ЭйДжей к таким не относился.

— Ты в курсе, что он раньше играл? — спросил Николас.

— Да, в курсе, — кивнул Мейсон.

— За кого ты играл? — спросил Ник.

— За "Нотр-Дам" Речь идет о футбольной команде "Notre Dame Fighting Irish" и одноименного университета... Третье звено. У меня всё ещё неплохой бросок.

Мейсон взглянул на Кейт. Она тщательно старалась скрыть своё восхищение. Происходящее ей, определенно, нравилось. Он обернулся и увидел, как Питер и Джин озверело борются за овальный мяч. Дружеская потасовка между настоящими мужиками... Вряд ли, конечно.

— Эй, Джин! — позвал Мейсон. — Джин Таи!

Техник остановился и посмотрел в его сторону. Его лицо блестело от пота.

— А?

— Хочешь разок сыграть с настоящим игроком?

Тот пожал плечами.

— Как скажешь, командир.

Кейт шагнула вперед.

— У нас мало времени. Нужно выдвигаться.

— Я сам решу, когда выдвигаться. И у нас есть время на игру между старыми друзьями. Что скажешь, ЭйДжей? Уже слишком стар для игр?

ЭйДжей посмотрел на Генри, затем на Кейт.

— Могу лишь повторить слова твоего бойца. Как скажешь.

Мейсон услышал за спиной слабое дуновение ветра. Это в церкви он был полностью погружен в себя, а сейчас начиналась игра, и во время игры он мог расслышать взмах крыльев голубя в полумиле от себя. Он резко повернулся и поймал мяч. Этому маневру позавидовал бы сам Джерри Райс Джерри Райс (р. 1962 г.) — бывший игрок в американский футбол.

— Я же говорил! С тебя 5 баксов, — сказал Сен-Круа.

Джин отмахнулся от него, но он был и рад проиграть спор. Вера в командира всегда должна быть непоколебима и Мейсон поощрял подобные проверки. Именно поэтому он был лучшим сотрудником "Блэк Шэдоу".

Он швырнул мяч ЭйДжею и тот поймал его в своей обычной манере.

— Конечно, — сказал он, глядя на Кейт и своего старого друга. — Конечно. Почему бы и нет?

2

— Ты, хоть понимаешь, куда лезешь? — спросила Кейт. — Они же намного здоровее тебя.

ЭйДжей двинулся на пляж.

— Я никогда не задумываюсь над тем, что делаю. Просто делаю.

Она поморщилась и он улыбнулся. Она ему нравилась, такая жесткая и неуступчивая. Разумеется, после года проведенного в горах среди пыли и механизмов, ему понравится любая женщина, особенно та, что предлагает деньги.

Тем временем, мужчины на пляже скептически его осматривали. Не считая Мейсона, их было восемь. "Блэк Шэдоу" обычно делила свои подразделения на две четверки, плюс, как правило, один пилот. Николас шагнул на его сторону, ЭйДжей кивнул.

Кто-то хлопнул его по плечу и он обернулся. Оказалось, это ещё один наёмник. Скорее всего, санитар.

— Чо, как, дружок? Ты ЭйДжей?

— Ага.

— Я Мелвин. Говорят, ты раньше играл?

— Давным-давно.

— Я тоже. В полузащите, — он прицелился в воздух из пальца и издал короткий выдох. Затем снял очки и передал их Мейсону, который прохаживался неподалеку.

— Говорят, ты был хорош. Но я тебе всё равно не доверяю, — он подмигнул, а ЭйДжей вздохнул. Похоже, ему предстоит играть с огромной мишенью на спине.

Он бросил Мелвину мяч и занял позицию позади него. Сегодня Мелвин играл по центру. Он не знал остальных товарищей по команде, не знал и во что именно они собираются играть. Но, судя по всему, эти неандертальцы решили просто идти напролом, так что неважно.

В противоположной команде играл пилот и трое бойцов. Даже вчетвером против пятерых они выглядели более угрожающе. Он заметил, как по лбу их центрального тёк пот. У него был безумный мрачный взгляд. Он уже, было, собирался спросить, что с ним не так, как Мелвин подал мяч. ЭйДжей поймал его на выдохе и сделал несколько шагов назад.

Почти всех четверых сразу накрыли, но Николас оказался свободен. ЭйДжей уже собирался отдать ему пас, как Мелвин упал на колени. Другой центральной подпрыгнул, взобрался на спину Мелвину и ракетой бросился на ЭйДжею. Он повернулся именно в тот

момент, когда стокилограммовая туша врезалась ему в грудь. Он упал на песок, в глазах потемнело от удара. Потребовалась минута, чтобы он вновь оказался на ногах. Он думал, что Мелвин извинится, но тот хохотал.

— Ох, бя! — сказал он, подходя к ЭйДжею. — Ты в порядке? Бля, прости, пожалуйста, — и снова рассмеялся. — Должен сказать, получилось неплохо, Вай. Чёрт.

Второй центральной поднял руку и Мелвин ударил по ней. ЭйДжей выплюнул изо рта горсть песка. Он обернулся и увидел протянутую руку. Это оказался Ник. Он протянул руку в ответ, но заметил, что даже он ухмылялся.

— Чего улыбишься?

— Не знаю. Просто, никогда раньше не видел, чтобы кого-то вот так сносили. Признай, удар вышел, что надо.

— Да, да, — отмахнулся от него ЭйДжей.

Чуть дальше, на пляже он заметил Кейт, которая стояла, уперев руки в бока. Она была похожа на его бывшую жену, когда та хотела сказать нечто глубокомысленное.

— Ладно, джентльмены, — сказал Мейсон, хлопнув в ладоши. — Пора собираться. Часики тикают.

— Нет, — сказал ЭйДжей.

— Нет? — удивленно переспросил Мейсон. — Мне кажется, не ты здесь командир, старичок.

— Ещё один розыгрыш.

— У нас нет времени...

— Всего 30 секунд. Если только твои ребята не боятся, что я надеру им задницы. Потому что теперь я знаю, кто умеет блокировать, а кто нет.

Мейсон помолчал, затем кивнул.

— Ладно, пусть тебя побыстрее похоронят.

— В прошлый раз, они играли нечестно, — сказал ЭйДжей, глядя на Мелвина. — В тот раз было 5 на 4. Один из наших должен уйти. Что скажешь, вождь?

Мелвин посмотрел на остальных и нахмурился. Он ушел с поля, пиная по дороге кучи песка.

ЭйДжей подошел к Николасу и тихо ему сказал:

— Можешь бросить?

— Ты что задумал?

ЭйДжей рассказал. Они выстроились в линию, имея, на этот раз, четкий план. Приятели Мелвина смотрели на ЭйДжея полными злобы глазами и он был не одинок. Но они не представляли, что их ждет. Двадцати лет было мало, чтобы стереть из головы ЭйДжея игровые наработки.

Николас вбросил мяч и тут же забежал ему за спину. ЭйДжей вернул ему мяч и вышел на середину. Мгновение спустя Ник швырнул мяч вперед над головами соперников. Бросок получился не очень, но дистанция была плёвая, так что ЭйДжей поймал мяч без особых проблем. Он рванул вперед, к куску топляка, обозначавшему зачетную линию. Кто-то бросился следом за ним.

ЭйДжей уже намеревался прыгнуть, как ему в спину влетела очередная мясная туша и он упал лицом в песок. Он приземлился прямо на мяч и кожаный снаряд ударился ему в грудь, выбив из легких весь оставшийся воздух. Он закашлялся и поднял голову, выплёвывая из глотки землю. Он заметил, что бревно находилось чуть правее от него. Он обернулся и

увидел, что приятель Мелвина поднимается с земли. Одурачить его не получилось, этот парень действовал на чистых рефлексах.

К ним бежал Николас.

— Вашу ж мать, отличный рывок!

ЭйДжей посмотрел на бревно.

— Ага.

— Неа, — в один голос с ним произнес Кристиан.

— Как по мне, вполне неплохо.

— Нет.

— Хочешь поспорить?

К ним подошел Мейсон.

— Ладно, завязывайте. Пора выдвигаться, — ЭйДжей собирался что-то сказать, но командир отряда его перебил: — Я сказал, завязывайте. Найди Маркуса. Выходим через 5 минут.

Взглянув на него напоследок, Кристиан побежал по пляжу.

— Неплохо для твоего возраста, — обратился к ЭйДжею Мейсон. — Ты ему не понравился.

— Полагаю, не ему одному.

— У тебя плохо получается заводить друзей, Ангус.

ЭйДжей кивнул.

— А у тебя плохо получается поддерживать дружбу.

Он выплюнул изо рта остатки песка и, не дожидаясь ответа, ушел. Николас оказался единственным, кто остался доволен представлением и поднял вверх большой палец.

— Ну, что, наигрался? — к нему подошла Кейт.

— Наверное, да.

— Хорошо. Тогда, будь добр, — она указала на берег.

— Мы полетим?

— Ага, — ответил Мейсон, подходя к ним. — Грег Мартен и я полетим на вертушке "Дельта". Вы с остальными на "Альфе". Обе машины заправлены и готовы. Пора лететь.

Кейт поморщилась.

— Я думала, мы поплывем на лодке.

— Зря, — ответил ей Мейсон. — Так доберемся быстрее, всего за пару часов.

— Почему на первом вертолете полетят только двое? — спросила она.

— До платформы лететь почти 300 миль. Есть вероятность, что заправщик там не работает. Нужно, чтобы хотя бы у одной машины хватило топлива на обратный путь. — Мейсон улыбнулся. — Всё равно, с вами тесно.

Он прошел мимо неё и Кейт снова поморщилась. ЭйДжей, практически, видел, как внутри у неё всё кипело.

Они пошли вместе, следом за группой наёмников, направлявшихся к хижине, которая служила заправочной станцией. Когда они проходили мимо, несколько солдат заухали, задрав футболки.

— Ты какой-то мрачный.

ЭйДжей повернулся и понял, что Кейт говорит с ним. Он кивнул в сторону солдат.

— Кучка придурков.

Он видел подобное множество раз — парни частенько хорохорились перед заданием.

Ни он сам, ни Мейсон так никогда не поступали, но они и живут дольше, чем большинство этих показушников. Когда они начинают погибать, вся эта кавалерийская удаль куда-то девается.

"Скорее всего, просто ЧП, сбой в радиостанции, — думал он про себя. — Легкая работа, легкие денежки". Даже если это было не так, он всё равно, ничего поделывать не мог. Он уже устал просто сидеть на заднице посреди пустыни. Когда он уходил в первый раз, ему хотелось просто исчезнуть из вида. Прошло больше года и многое изменилось. И когда эта девчонка предложила ему... что, второй шанс? Он не верил во вторые шансы, но что-то в этом было.

Пилоты завели моторы и двигатели взревели и завывли, сверкая лопастями на солнце. Мейсон стоял между машинами и смотрел, как грузятся его люди. К этому времени, они уже оделись и нацепили всё необходимое снаряжение.

Два часа в компании Мелвина и того ковбоя, который числился замом Мейсона. ЭйДжей сгорал от нетерпения.

Он залез внутрь и уселся на лавку. Когда он обернулся, то увидел, как на них с холма пристально смотрит священник. Падре стоял против солнца и не сводил с них взгляда.

3

Раньше Кейт считала себя очень дипломатичным человеком, но после двух часов полета с её лица не сходило выражение отвращения.

Напротив неё уселся ЭйДжей.

— Что-то не так? — спросил он.

— Думаю о том, как же ненавижу того человека, который втянул меня во всё это.

Майкл казался слишком нетерпеливым, когда согласился на её участие. Хотя, нет... конечно же, это не так. Он, действительно, пытался её отговорить. Разумеется, когда обнаруживаешь себя в ловушке, в которую завлек тебя твой собственный болтливый язык, на детали внимания не обращаешь.

— Ну, теперь-то вы здесь, — сказал ЭйДжей.

Голландец, сидевший рядом с ним, кажется, уснул. Ей было трудно понять, как люди способны засыпать при таком грохоте. Лопаста вертолета вращались с такой скоростью, что ей казалось, будто её сейчас унесет в океан. Она прижала ладонь ко рту и откинула голову, стараясь не стошнить.

— Не любите полёты, да?

— А у вас какая была первая реакция?

— Проблевался.

Она покраснела. Её мать всю жизнь ненавидела летать, даже на частном самолете. Кейт, видимо, унаследовала ту же проблему, потому что ей всегда становилось плохо во время полета. Но отец никогда не демонстрировал своих слабостей перед другими людьми и эта его привычка тоже досталась ей. И когда две эти привычки соединились вместе, хорошего не жди.

— Это вообще не проблема. Мою жену тоже всегда тошнило, но летать ей нравилось. Она любила путешествовать. Перед полетом она обычно принимала "драмамин" Драмамин — лекарство на основе дименгидрината, служащее для предупреждения последствий морской болезни... Вы пили его?

Кейт помотала головой.

— Она говорила, что это реакция на гистамин. Но вам эта информация, вряд ли, поможет.

Она прочитала досье Эйджея, но, всё равно, не представляла его женатым. Он постоянно менял место жительства, часто и подолгу бывал за границей, работал по 6 дней в неделю и спал там же — вряд ли такого человека можно представить в счастливом браке.

— Вы были женаты?

— Три года. Развелся незадолго до того, как "Вэлли Ойл" развелась со мной.

— И по какой причине?

— Им не понравились мои рекомендации. Особенно, когда понадобилось обеспечивать охрану зоны вокруг платформы. Слишком дорого. Они решили, что я, скорее всего, молчать не стану.

— Нет, я про жену.

— А, — он горько улыбнулся. — Скажем так, не сошлись.

Кейт, почему-то, это не удивило.

— Извините, что спросила. Не моё дело.

— Да, без проблем. Всё равно, когда всё кончилось, я получил работу в Чили. Тогда казалось, что настало время что-то менять.

Когда они начали разговор, проснулся Голландец и тронул приятеля за плечо.

— Гляньте туда.

Кейт выглянула в иллюминатор и увидела на воде пенные разводы. Под ними быстрым ходом шла стая каких-то морских созданий. На поверхности то и дело появлялись их черно-белые тела.

— Киты-убийцы? — спросила она.

— Крестовидные дельфины, — ответил Голландец. — Ужасно редкие твари.

Она снова посмотрела вниз. Одно из созданий выпрыгнуло из воды футов на 10 в высоту и нырнуло обратно. Она никогда не была в аквапарке, но знала, что помещенных в неволю морских животных можно было дрессировать. Поэтому, удивительно было встретить их на воле, таких изящных и красивых.

— Приближаемся к платформе, — подал голос пилот. — Пристегнитесь.

S-70 замедлился, а затем завис. Кейт посмотрела в иллюминатор и увидела, что вертолет, в котором сидел Мейсон делал то же самое. Через несколько секунд она расслышала радиопереговоры, которые для неё звучали, как какая-то тарабарщина.

Люди, сидевшие вокруг неё, которые на берегу вели себя, как дикие звери, сейчас сидели тихие и послушные, словно овцы. Все чувствовали повисшее в воздухе напряжение. Кейт никогда не могла усидеть на месте, когда чувствовала тревогу. Она отстегнула ремень и встала, балансируя в кабине болтающегося вертолета. Эйджей ухватил её за запястье, но она стряхнула его руку и начала ходить, придерживаясь за свисавшие с потолка стропы. Она прошла салон и подошла к кабине. Пилот обернулся.

— Мэм?

Она смотрела вперед в лобовое стекло.

— Это она, да?

Платформа всё ещё находилась в 2 милях от них, но уже, словно сжатый кулак из моря, возвышалась на горизонте. Она не была уверена, что ожидала чего-то необычного, но надеялась, что увиденное её удивит. Впрочем, в данной ситуации необычным было уже то, что платформа вообще была. С неё не шел дым и, как было видно, один кран всё ещё стоял

на месте. С основанием платформы было что-то не так, но что именно, с такого расстояния было трудно определить.

Она услышала позади себя шаги, обернулась, ожидая увидеть Эйджея, но это оказался один из солдат.

— Выглядит как-то не очень.

Она уже собиралась отшить его, но сказала:

— Думаете, они мертвы?

— Не знаю.

— Что ещё там может быть? Платформа не выглядит поврежденной.

Он пожал плечами.

— Да, скорее всего, радиовышка сдохла, они и перепугались все. Так командир говорит, по крайней мере.

— Но вы так не считаете?

Наемник улыбнулся и эта улыбка ей не понравилась.

— Ага. Надеюсь, она превратилась в могилу.

Она вздрогнула.

— Держись поближе ко мне, детка, и всё будет в порядке.

— Ты окончил медучилище, Мелвин? — спросил Эйджей, подходя к нему сзади.

Тот бросил на него мрачный взгляд.

— А что? Боишься, что тебя здесь подстрелят?

— Это не ответ.

— Я полевой медик. К чему ты клонишь?

Эйджей схватился за струю.

— Я к тому, что, раз уж у тебя нет докторской степени, то засунь своё мнение в жопу.

Ты пугаешь человека.

— Вот так, да?

— Ага.

— Ну, если тебя подстрелят, я не гарантирую, что вспомню свои навыки.

— Да, неужели?

Кейт вздохнула. Снова против своей воли она оказалась на чемпионате по мерянию пиписьками. Она удивлялась, как им удавалось устраивать подобное на ровном месте.

— Эй, — крикнул пилот. — Будете тут спорить — валите нахер из салона.

— И от меня подальше, — добавила Кейт.

Затем заговорила рация: "Никакой реакции, Хэл. По-прежнему, не отвечают. Попробуй ты".

Пилот переключился на передачу и, не обращая внимания на остальных, произнес:

— Понял тебя. Сейчас попробую, — затем он нажал какую-то кнопку и произнес: — Платформа "Эсхил", пожалуйста, ответьте. Это "Альфа-19", спасательный вертолет "Вэлли Ойл". Доложите обстановку. Прием. — Пилот подождал несколько секунд, затем повторил сообщение.

— Пора, — сказал Мелвин, проходя мимо Эйджея и садясь на место.

Кейт собиралась сделать то же самое, но не хотела, чтобы это выглядело так, будто Мелвин подал ей пример. Поэтому она осталась стоять на месте, чувствуя себя не в своей тарелке. Эйджей стоял рядом и смотрел на неё — нет, откровенно, пялился — и ей это не нравилось.

— Не надо.

— Чего не надо?

— Пялиться на меня.

— Я не пялюсь.

— Пялишься. Мне неприятно.

Он склонил голову.

— Я смотрю, тебе в этом мире многое неприятно, да?

— Да, и твой голос тоже. — Происходящее бесило её. Дома она могла просто встать и уйти. Но здесь, она была заперта в железном ящике на высоте 6 футов.

В кабине пилот снова щелкнул переключателем.

— Никак нет, командир. Никакого ответа.

Мейсон не замедлил с ответом: "Принято. Подлетим поближе".

Второй вертолет набрал скорость и двинулся прямо к платформе. Они летели достаточно низко и лопасти вертолета вспенивали воду. К тому времени, как поверхность океана успокоилась, вертолет уже умчался вперед.

Пилот повернулся к ней.

— Займите места.

Кейт осталась стоять.

— Живо!

Скорчив гримасу, она вернулась на свое место и пристегнулась. Все таращились на неё. Человек рядом с Мелвином наклонился к нему, что-то прошептал и улыбнулся. В этот момент, ей сильнее, как никогда прежде, захотелось убраться отсюда.

Вскоре все услышали в эфире голос Мейсона: "Альфа", заходите. Всё чисто. Садитесь. Прием".

— Что там? — спросил пилот.

"Посадочная площадка в порядке. Остальное, лучше увидеть своими глазами".

Вертолет набрал скорость и быстро начал приближаться к остову платформы.

4

Вертолет подлетел к "Эххилу" и первое, что хотелось сделать Кейт, когда она выглянула в иллюминатор — это закричать.

5

Нечто чёрное и готескное опутывало основание платформы. Оно росло прямо из воды, огромное и непохожее ни на что, виданное Кейт раньше. Эта штука казалась частью какого-то плотоядного растения. Складывалось впечатление, что опоры платформы поглотили какие-то щупальца.

— Что это за херня? — спросил кто-то.

— Не нравится мне эта штука, — ответил Мелвин.

Кейт заметила, что и на верхней части платформы произошли значительные изменения. Облетая вокруг, она увидела, что центральная вышка была не повреждена, но стоявший рядом кран завалился на бок. Он свисал с края платформы, как оторванный палец. Блюдце антенны искореженное валялось рядом, сметенное той же силой, что повалила кран. Были видны и другие следы повреждений — разрушенные переходы, сломанные лестницы, на буровой палубе виднелись покореженные металлические части.

Ничего этого не было видно на снимках со спутника, и во время облета Кейт поняла, почему. Спутник смотрел, практически, вертикально вниз. Ни захватившей основание органики, ни поломанных переходов и лестниц не было видно с такого ракурса.

И ни единого человека.

Кейт не знала, было ли в мире ещё что-то более удручающее. Наверное, только валяющиеся повсюду трупы могли с этим сравниться. Это означало бы, что бы тут ни произошло, оно в прошлом. Конечно, встретить группу выживших с белым флагом было бы наилучшим раскладом, но она не была столь наивной. Кейт поняла, что количество загадок только увеличилось. Неясно было, выжил ли кто-нибудь и прячется на нижних палубах или нечто поглотило всю команду и утащило в океан.

Посадочная площадка на верхней платформе "Эсхила" была достаточно широка, чтобы вместить два вертолета, но немалую часть в данный момент занимал обгорелый остов какой-то машины. Кейт поняла, что это был вертолет, который она видела на снимках из отцовского конверта.

Их пилот Хэл МакХалистер приземлился рядом с ним и, как только вертолет коснулся площадки, заглушил двигатели. Она издала вздох облегчения, когда платформа не рассыпалась под их весом. Странно, но с земли картина разрушений не выглядела такой мрачной.

Рядом с ней Маркус Райнер снял солнечные очки и задрал на затылок шляпу.

— Оставайтесь здесь, милочка. Всем остальным — вы знаете, что делать.

— А нам что? — спросил ЭйДжей, имея в виду себя и Голландца.

— Держитесь позади нас. И пушку достань. Пока тихо, но хрен его знает, что там дальше. Ясно?

ЭйДжей кивнул.

Все вышли из вертолета с оружием наизготовку. Всё произошло очень быстро — Кейт только моргнула, а они уже ушли. Они разбежались по площадке, контролируя окрестности через прицелы автоматов. Несколько человек, включая Мелвина, заняли позиции у сгоревшего вертолета, используя его остов как прикрытие.

Вертолет, на котором летел Мейсон не мог приземлиться, он завис в нескольких метрах над платформой и командир отряда спрыгнул прямо с него. Он прошел в центр площадки и встретился с Райнером. Они обменялись парой фраз и Райнер бросился к зависшему вертолету. Он подошел к самому краю платформы, подтянулся на руках и бесстрашно завис над самой водой. Затем он забрался внутрь и закрыл дверь изнутри. Вертолет тут же взмыл ввысь и улетел.

Мейсон подошел к Кейт.

— Здесь безопасно, можете выходить.

Не сразу, но она вышла на платформу. Её не покидало странное чувство. Её не должно было быть здесь. Ноги едва не подкосились, когда она сделала несколько шагов.

Кейт не боялась высоты, но голова закружилась, как только она оказалась на посадочной площадке. Эта площадка была самой высокой точкой нефтяной платформы, и с неё можно было видеть весь "Эсхил". С двух сторон она обрывалась в воду, а с двух других её обрамляли похожие на кости металлические ограждения.

Мейсон свистнул и покрутил указательным пальцем в воздухе. Четверо оставили позиции и побежали к центру. Кейт заметила, что у одного из них был гранатомет и тревожно вздрогнула, когда подумала, что может натворить подобная штука на нефтяной

платформе.

— Короче, слушать сюда, — сказал Мейсон. Все замерли. — На вышке чисто. Единственный путь — вниз. Будем идти медленно и зачищать сектор за сектором.

— Никогда бы не подумал, что буду рад увидеть джихадистов, — сказал один из бойцов. — Тут какая-то полная хрень творится.

Мейсон качнул головой.

— День другой — дерьмо всё то же. В любом случае, вы знаете, что делать.

— Что именно вам сказали? — спросила Кейт.

Мейсон безучастно посмотрел на неё.

— У нас своё задание, у вас своё. Когда мы здесь приберемся, докладывайте, что хотите. Это же ваша работа? Докладывать о случившемся акционерам?

Кейт уперла руку в бок.

— Всё немного сложнее, но, в целом, так.

— Как и у нас. И, если позволите, мы займемся делом. — Он повернулся к ЭйДжею. — Отсюда вниз ведет только одна лестница?

Тот кивнул.

— Верно. Ведет прямо на главную палубу. Оттуда она разделяется на три. Северо-западная ведет к жилым помещениям и хозпостройкам, юго-западная к складам. Бурильная установка уровнем ниже. Восточная лестница ведет к рубке службы безопасности и генераторам. Все сходятся в самом низу у причала. Так что, неважно, куда именно вы пойдете.

Мейсон кивнул.

— Всё, как на планах. Считаешь, для охраны верхней палубы четверых будет недостаточно?

ЭйДжей посмотрел на Голландца.

— Учитывая, что мы не знаем, с чем имеем дело, полагаю, да.

Мейсон вздохнул. Затем он махнул рукой, направляя четырех человек к ближайшей лестнице.

Кейт взглянула на ЭйДжея и заметила, как тот напряжен.

— Ты в порядке?

— Не совсем. Не думал, что поездка сюда так сильно меня заденет.

— Заденет?

Он пожал плечами.

— Это моё дитя. Не я строил платформу, но я делал всё, чтобы она ожила.

— Она была бы твоей, если бы ты всё ещё работал здесь, — сказал Голландец.

ЭйДжей сплюнул, Кейт поморщилась. Отвратительное зрелище.

— Ага и это меня бесит.

Мейсон вернулся с лестницы.

— По ней пути нет. Переходим к плану Б.

— Кроме как по лестнице, спуститься негде, — сказал ЭйДжей.

Мейсон хлопнул в ладоши.

— В этом-то и состоит твоя проблема, старичок. Ты никогда не умел выходить за рамки.

Затем он повернулся к бойцам.

— Веревки здесь и здесь. Готовы?

Те кивнули, снимая с поясов смотанные нейлоновые канаты. Эти канаты были тонкими, но прочными, на каждом конце был закреплен карабин.

— А ты не слишком ли тяжел для них? — спросил Эйджей у здорового парня, который сбил его на пляже.

Парень щёлкнул карабином и оскалился.

— Мамка твоя тяжелая, — ответил он и прыгнул вниз.

Падение было не свободным, но близким к этому. Бойцы без особых проблем спускались вниз, отталкиваясь от стен. Когда они достигли нижней платформы, то быстро разбежались по укрытиям. Мейсон последовал за ними и не было заметно, чтобы возраст сказывался на его ловкости.

Кейт наблюдала, как наемники разбегаются по палубе и занимают позиции у грузовых контейнеров. Их тактика была превосходной — каждый прикрывал товарища, весь отряд двигался вперед своеобразными волнами. Добегая до очередной точки, боец занимал позицию и тогда начинал двигаться следующий.

— Извините, — проговорил Мелвин, легонько расталкивая Кейт и Голландца и цепляя карабин за перила.

— Бросаешь нас одних? — спросил Голландец.

К ним подошел новый приятель Эйджея, Николас.

— Всё нормально, браток. Скоро вернемся. К тому же, Хэл тоже здесь, — он указал в сторону вертолета, рядом с которым стоял и курил пилот.

— Ник? — спросил Эйджей. Тон его был предельно серьезным. — Что там, внизу?

Парень мрачно улыбнулся.

— Ты не хочешь этого знать.

Они с Мелвином спрыгнули вниз. Глядя на перемещение команды, Кейт решила, что проверка всей платформы займет минут 10. Но прошел целый час, когда они вернулись.

6

Райнер заметил остров раньше пилота. Он хлопнул Мартена по руке и сказал:

— Вон он. Здоровенный, блин.

Пилот щёлкнул переключателем на панели управления и проговорил:

— "Альфа"-лидер, это Дельта, прием. Вижу цель.

Рация тут же отозвалась искаженным помехами голосом Мейсона.

— "Альфа"-лидер, повторите.

И снова, ничего, кроме помех.

Мартен вздохнул и посмотрел на Райнера.

— Твоя очередь.

— Давай, глянем сначала.

Мартен прибавил оборотов и громада острова начала ещё больше увеличиваться, приближаясь. Даже с дальнего расстояния Райнер разглядел, что весь остров был покрыт какими-то черными извивающимися нитями. Их человек в "Вэлли Ойл" предположил, что это какой-то организм, оказавшийся на поверхности, в результате смещения тектонических плит. "Аномалия плиты Скотия". Но, насколько он знал, случившееся было вызвано падением метеорита. Расскажи он об этом среди военных и его бы осмеяли, но он был уверен, что его товарищам сейчас совсем не до смеха.

"Мы не знаем, как эта аномалия — чем бы она ни была — связана с пропажей

команды, — сказал их связной в "Вэлли Ойл". Он говорил это уверенно, будто сам верил в свои слова. — Мы можем, лишь, предположить, что они испугались того, что вылезло и сбежали. Вы же знаете, какие они суеверные. Но возможно, что эта штука создает какие-то помехи со связью. Или на них напали террористы, а появление этой штуки просто совпало. Мы не знаем. Знаем, что там небезопасно. Нужно её устранить и доставить сюда всех, кто с ней контактировал. Мы могли бы послать своих ученых туда, сразу, как только она появилась, но пока там не решен вопрос с безопасностью и пока мы не вывезем оттуда всех рабочих..."

"Если только мы найдем их, — перебил его Мейсон. — И если они живы".

Связной улыбнулся.

"Да, конечно, но, давайте, не будем делать скоропалительных выводов. Нужно, чтобы вы оценили повреждения, нашли сотрудников и сделали всё, чтобы больше никто на платформу не пробрался. Без действующей связи ситуация становится напряженной".

Райнер ухмыльнулся. "Ситуация". Так вы говорите, когда посылаете 9 человек, вооружив их так, что они способны сравнять с землей небольшой город? Ещё и посадили троих гражданских, а это совсем уже грязные штучки. Впрочем, Райнер повидал и сделал достаточно, чтобы не переживать из-за этого. Жизнь жестока.

Вертолет приближался к острову. Мартен поднял машину повыше. В центре острова возвышались горы. Горы! Даже география здесь была чужой. Поверхность острова состояла из песка, который переходил в травяные заросли, которые заканчивались скалами. Как будто Господь не знал, из чего бы ему сделать этот остров и постоянно экспериментировал.

— Это оно? — спросил пилот.

Райнер достал из кармана упаковку жвачки, предложил одну Мартену, тот отказался. Он указал вниз на ряд строений на берегу.

— Узнаешь? — спросил пилот.

Всё было, как на снимках: бетонные дома, стальные бункеры, кучи гнилого брезента. Чуть дальше вдоль берега должны быть склады и небольшая фабрика, давно заброшенные. Но им нужно не туда. Они направлялись... к источнику, если его можно так назвать.

Было сказано, что на морском дне они обнаружили с полдюжины новых трещин. Самая большая из подводных трещин проходила непосредственно под "Эсхилом". Самая большая вообще — тот самый источник — находилась на острове. Райнер не знал, была ли эта аномалия самой большой и единственной в мире и были ли где-то ещё подобные, ему, в общем-то и не было до этого никакого дела. Их задачей было посмотреть, этим они и занимались.

И когда вертолет пересек ряд холмов, он увидел.

Мартен замер с открытым ртом.

— Святой боже...

Эта штука на острове совсем не была похожа на разлом. Она, скорее, походила на кратер, только без дна. Там, где должна быть земля, зиял непроглядным мраком провал. Казалось, он идет к самому центру земли.

— Это невероятно, — произнес Мартен. Его лицо было белым, как мел. — Здесь должно быть озеро. Эта штука тянется много ниже уровня моря... насколько? Как будто, земля просто... провалилась.

— Сколько там до материка? — спросил Райнер. Он даже не пытался скрыть дрожь в голосе.

Мартен тряхнул головой.

— Миль 200 или около того. До берега недалеко, но толку?

Райнер смотрел на кратер и начинал понимать, что, возможно, действительно, никакого толку не было. Скалы исчезли, на их месте была дыра, из которой лезли черные щупальца. Они облетели вокруг, стараясь держаться повыше и по другую сторону холмов. Но и с такой позиции всё выглядело огромным.

— Аномалия плиты Скотия, — произнес Райнер. Вслух это звучало даже более безумно. — Ну, нахер.

— Чего? — спросил Мартен.

Райнер тряхнул головой.

— Неважно. Вызывай командира.

Мартен щёлкнул переключателем и остановил машину в воздухе. Они оказались прямо над центром провала, море едва было видно из-за холмов. Пилот включил рацию, но тут же её выключил — из динамиком раздавался оглушительный треск. Он попытался ещё раз, но с тем же результатом.

Райнер скинул наушники.

— Твою ж мать, а!

Он заметил нечто странное. В вертолете становилось слишком жарко. Они с Марتنем были одеты для прохладной погоды — на этой широте воздух не прогревался выше 25 градусов по Фаренгейту — это, примерно -3 по Цельсию., даже, несмотря на лето — но Райнер ощутил, как по телу течет пот. Казалось, эта штука внизу дышала. Он заметил, как лицо Мартена покраснело.

Они уставились друг на друга, приходя к одному выводу.

— Валим отсюда.

— Ага, — согласился Мартен. — Хорошая мысль.

Он переключил тумблер на панели и нажал педаль в полу. Райнер услышал, как завыл двигатель.

— Давай!

Мартен посмотрел на него. Краска почти полностью спала с его лица.

— Не двигается!

Райнер выглянул в окно. Он видел, как вращаются лопасти, чувствовал, как машина пытается тронуться с места, но безуспешно.

Снизу послышался шум, похожий на шипение. Затем вертолет по спирали начал падать вниз, вращаясь вокруг своей оси. Райнер закричал.

За несколько секунд вертолет исчез в провале и, глядя на кратер, нельзя сказать, что он вообще тут когда-то был.

Глава 6: Глубоководье

Где-то в Атлантике. 1938 год.

1

— Ты идешь? — спросил Ян.

"Он знает, — подумала Люсия. — Знает, поэтому хмурится". Она уже хотела, было, отказаться и остаться внутри, но в последний момент поднялась на ноги.

— Конечно, иду. Только пальто возьму. Там же холодно, болван.

Она ожидала, что он ответит, но Ян промолчал и улыбнулся. Не потому, что она его забавляла, решила Люсия, а потому что он чувствовал разочарование.

Отец и Ари уже вышли. Она склонила голову и вышла вслед за ними, не желая, чтобы они видели её лицо. Если они увидят его, решила она, то обязательно решат, что, что-то не то и обязательно спросят. А она, конечно, им скажет. Отец обязательно заметит, что лоб у неё горячий не просто так. Он, может даже решить, что вся её повышенная эмоциональность связана с женскими проблемами. А с чего ей не быть эмоциональной? Всё становится хуже с каждым днем. Ей нужно было с кем-то поговорить, но единственный человек, которому она доверяла, находился в тюрьме по другую сторону океана.

Как только она поднялась на палубу, Ян захлопнул крышку люка и ушел заниматься своими делами. Прошлым вечером она видела, как он пишет письмо. Кому, интересно? Он — странный человек, но это не значит, что остальные лучше. Толстяк — Силер или Сэйлер — неважно, как там его звать — пугал её. А лейтенант... ну, трудно было его понять. Ей казалось, он единственный, кто имеет представление о хороших манерах, а это что-то, да значило.

К ней подошел отец.

— Люсия, с тобой всё в порядке?

— Всё хорошо.

— Не отходи от меня далеко. На этом судне многие мужчины очень долго не были со своими женами. Ты в том возрасте, когда... — он замолчал, смутившись, затем сказал: — Не отходи далеко, ладно?

Учитывая обстоятельства, это звучало смешно, но она кивнула. Если он собирался сказать, что эти мужчины не способны контролировать себя рядом с миловидной молодой девушкой, то у него не вышло. Мать выражалась более ясно:

— Всегда будь внимательна, когда остаешься одна, милая, — говорила она. — Мужчина под властью страсти становится бесчувственным, подобно псу.

Что сможет сделать отец, если на неё нападут? Немногое, с грустью подумала она. Она отвернулась от него и посмотрела на нос судна, где стояли Ари и София.

— Видишь это созвездие? — спросил Ари у девочки.

— Где?

Ари указал пальцем и София посмотрела на фиолетовое облако.

— Это созвездие похоже на большой стол, оно называется Менса. Видишь? Звезды образуют форму стола. Благодаря Магелланову облаку, его всегда можно найти на небе. Один португальский поэт назвал его Духом Мыса, Адамастором Адамастор (порт. *Adamastor*) — мифический персонаж, гигант, выведенный португальским поэтом Луисом

Камозэнсом... Он предвещал бурю, что уничтожала любое судно, которое зайдет слишком далеко на юг. Конечно, никто не заходил настолько далеко, чтобы убедиться в этом лично.

— Ты говоришь смешно, — сказала София.

Ари покраснел.

— Разве? Ну, наверное. Полагаю, улыбка лучше, чем испуг.

— Мне страшно.

— Мне, пожалуй, тоже. Его видно только в южном полушарии. Знаешь, что это значит?

София помотала головой. Палец, сам собой, оказался во рту.

— Это значит, что мы очень далеко от дома.

Люсия задрожала. Они и, правда, очень далеко от дома.

Когда отец решил к ним присоединиться, она отошла в сторону и взобралась на лестницу, ведущую в рулевую рубку. Наверху было холоднее, но открывался чудесный вид на море. Когда она поднялась на ступеньки и посмотрела вниз, вода внизу казалась, даже, манящей.

— Аккуратней там. Если упадете за борт, замерзнете раньше, чем мы успеем вас выловить.

Люсия испуганно обернулась и увидела, как из рубки вышел лейтенант Дитрих. Он был без шляпы, обнажив по-военному остриженную голову. Сделал ли он это из-за ветра или ради того, чтобы привлечь её внимание, понять было невозможно.

— Вы меня напугали.

— Прошу прощения. Я этого не хотел, — он схватился за перила. — Я лишь хотел убедиться, что вы не упадете. Не все осознают, как здесь опасно, когда такая качка.

— А вам до этого какое дело?

— Понимаю, в это трудно поверить, госпожа Камински, но мне хотелось бы, чтобы все вы прибыли в пункт нашего назначения живыми и здоровыми. Вы очень важны.

— Что значит, "важны"? Почему мы для вас важны?

Какое-то время Харальд молчал, затем произнес:

— Ваш отец — очень особенный человек. Он пытался покинуть страну, когда та сильно в нем нуждалась. И это разозлило моих руководителей.

— Он не особенный. Он не работал уже три года. Когда он знакомится с новыми людьми, он даже не представляется своим настоящим именем, будто стыдится его. Вы считаете это "особенным"?

Харальд взглянул на её руки. Костяшки пальцев побелели, так крепко она схватилась с перила.

— Я делаю это не по своей воле, госпожа Камински. Я полагаю, мои начальники знают, кем был ваш отец в прошлом и надеюсь, вскоре вы получите все желаемые ответы.

— Какие ответы?

— До прибытия, боюсь, эта информация засекречена. И мне искренне жаль. Пока вы с отцом сотрудничаете с нами, вам ничего не угрожает. Как и вашей матушке.

— И чем вы хотите, чтобы он занимался?

— Там, куда мы направляемся, есть и другие люди со специфическими знаниями. Мы полагаем, Доминик сможет объединить их умения. Если у него получится, вся ваша семья будет вознаграждена. Даю слово.

Люсия нерешительно посмотрела на него.

— Жизнь на борту судна трудна. Моряки едва ли чувствуют себя лучше. Они спят в

тесных душных каютах, а когда не спят, то выполняют опасные работы, требующие нечеловеческой ловкости. Вы же, несмотря на то, что сидите взаперти, освобождены от всего этого, — Харальд сунул руку в карман мундира и вынул бумажник. Он извлек оттуда небольшую фотографию и протянул ей.

На снимке была изображена молодая девушка. Первой мыслью Люсии было выбросить её в море, но, вместо этого, она сказала:

— Симпатичная.

Харальд кивнул.

— Пожалуй, даже слишком симпатичная. Вокруг неё полно мужчин, готовых занять моё место. Мы несколько месяцев проведем вдали друг от друга. Как видите, у меня, как и у вас, тоже нет выбора. Я завишу от вашего отца, как и он от меня. Когда он закончит, я смогу вернуться домой, к своей невесте. До тех пор, я разделен с нею, как вы со своей матерью и подругами.

— Разве военные не проводят всю жизнь в движении?

— Чаще всего, да. Но в мирное время гораздо проще оставаться на месте. Я мог бы ездить на машине, хоть это и довольно трудно.

— Вы умеете водить? — спросила она. Люсия ездила на машине всего несколько раз и у её родителей не было собственного автомобиля.

— Нет. Когда вы так же важны, как и я, приходится привлекать к этому других людей, — ответил он, затем убрал руки с перил и скрестил их на груди. — Пора возвращаться к работе, госпожа Камински. Если вам что-нибудь потребуется, дайте знать.

Люсия задумалась, затем сказала:

— Зовите меня Люсия. Не надо никаких "госпожа Камински". Так обращаются к моей маме.

— Хорошо, — ответил он, улыбнулся и развернулся к ней спиной.

— Постойте! — выкрикнула она, схватив его за рукав. На мгновение она замерла в нерешительности. Лейтенант не был её другом — она не была настолько глупа, чтобы так думать — но если он, действительно, хотел показать своё радушие, такую возможность упускать было нельзя.

— Если желаете помочь, у меня есть одна просьба.

— Да?

— Ну, — начала Люсия, её лицо покрылось багрянцем. — Я знаю, что выгляжу гораздо моложе, но я в том возрасте, когда... Боже, это омерзительно... В определенные периоды времени мне могут понадобиться кое-какие вещи. Очень деликатного свойства.

Харальд покраснел, и ей немного полегчало.

— Да? — повторил он.

— Уверена, что на корабле, полном мужчин, нет гигиенических средств для женщин. Но одно мне нужно очень срочно. Этим вечером, — добавила она с нажимом. — Я молю вас о снисхождении. Этот разговор с вами дался мне очень непросто, — она посмотрела вверх, на луну, надеясь, что он поймет её намеки.

— Понимаю. Прошу прощения, что не принял этого во внимание. Вы правы, сказав, что на борту нет ничего для женщин. Я могу достать для вас несколько чистых тряпок и порезать их лоскутами. Вас это устроит?

— Может, найдется, что-то ещё? Что-нибудь помимо бумаги в кладовой?

— Хорошо. Встретимся здесь, когда ваша прогулка будет подходить к концу.

Она кивнула, радуясь той мысли, что, возможно, эта ночь не превратится в катастрофу. Люсия решила, что из всех мужчин на борту, этот человек сможет сохранить её тайну.

Харальд надел шляпу и ушел. Люсия надеялась, что он сдержит слово и принесет обещанные тряпки. Если она сможет сохранить достоинство на протяжении всего плавания, это будет чудом. Она взглянула вниз, на черную воду, бившую о борта судна. От неё повеяло опасностью и холодом и, внезапно, ей расхотелось приходить сюда снова.

2

Доминик наблюдал за этой сценой с носа судна, стараясь не пялиться. Он не слышал, о чем они говорили, но тон этого разговора ему не понравился. Дитрих опасен, и, если он задался целью втереться в доверие к одной из его дочерей, то он опасен двойне.

— Я хочу вниз, папа! — крикнула София. Он придерживал её за плечи, когда она ходила по канату. Они с женой водили её на выступление цирка "Сарассани", сразу после Олимпиады, два года назад и, с тех пор, София была одержима. Она хотела стать самым маленьким канатоходцем и выступать в розовом платице и тренировалась при каждой возможности. Она жила этим больше года, но здесь, где не было Мэгги, она об этом забыла. Доминик попытался напомнить ей об этом, но затея провалилась.

— Опустите меня!

Он послушался и, оказавшись на палубе, она поцеловала его. Ребенком или взрослая, она останется его дочерью.

— Выпьете?

Доминик поднял голову и увидел приближавшегося капитана с блестящей серебряной фляжкой в руке. Несмотря на то, что он не представлял угрозы, Доминик инстинктивно задвинул ребенка себе за спину.

— Давайте, ну же.

Неохотно, Доминик выпил. Он отвинтил пробку и сделал глоток, надеясь, что во фляжке яд. Он вернул её капитану и тот отпил из фляжки, как ни в чём ни бывало.

— Я заметил, как вы осматривали мой топор.

— Что, простите?

— Топор, — капитан указал на нос. — Вы осматривали его.

Доминик повернулся и заметил между перилами дубовую рукоятку с надетым на неё красным лезвием. Действительно, прежде чем обратить внимание на Люсию, он смотрел в ту сторону.

— Вы образованный человек и, наверняка, читали в книгах о чудовищах.

— К сожалению, ничего об этом не знаю.

— Ой, да, ладно. Вы же слышали о троянском чудище Посейдона, Мидгардском Змее и Левиафане?

— Да, об этом я слышал.

— Уверяю вас, они не идут ни в какое сравнение с тем, на кого мы охотимся.

— Неужели?

— Мы направляемся в самые холодные воды мира. Там полно крохотных островков, которые могут разнести любое судно на части. Один неверный поворот и всё. Если человек выпадет за борт, его уже не спасти. Он мгновенно коченеет и уходит на дно. Если же ему удастся всплыть — воздух слишком холоден, чтобы им дышать, — он указал на море. — Мы замечаем их метров со ста, иногда меньше. Серые громадины среди льда. Они длиной метров 20 и всегда плавают группами. Вы всю жизнь прожили в городе, и представить не

можете, какво это? Если бы им нравился вкус металла, они бы проглотили нас в один присест. Понимаете?

— Послушайте, — Доминик попытался прервать этот поток. — Я...

— Нет, ты слушай! — злобно сказал Генрих. — Молчи и слушай, когда говорит капитан.

— Папа, — заволновалась София.

— Всё в порядке, милая, — Доминик сел и усадил дочь на колени. Когда он взглянул на капитана, то не смог сказать, удивлен он или оскорблен.

— Знаете, как мы их добываем? Взрываем им брюхо, — Генрих указал на гарпун. — Шведы первыми додумались швырять в них гранатами. Мы цепляем одну на гарпун, стреляем и — бах!

Доминик не был уверен, но ему казалось, что передовиками в ловле китов были норвежцы, а не шведы.

— Мы их не убиваем, прошу заметить, они сами тонут. Слыхали когда-нибудь, как дюжина человек кричит, когда падает в воду? И не захотите, поверьте. В любом случае, рана оказывается достаточно обширной, чтобы эти твари начинали тонуть. Если гарпун попадет выше — он отскочит. Если ниже — то попадет в хвост. Даже если попадаешь четко, куда надо, не всегда всё идет по плану. Вот тогда в дело вступает топор.

— Хотите сказать, вы их рубите?

Генрих захохотал.

— Нет, дружище! Нет! Топор нужен, чтобы рубить канат, который привязан к гарпуну. Если тварь начинает плыть не туда, куда надо, или канат путается, мы его обрубам. Он толщиной с кулак — кухонным ножом тут не обойтись. Либо топор, либо судно идет ко дну.

Доминик посмотрел на топор.

— Расскажите о канате?

Капитан передал ему фляжку. Доминик глотнул.

— Канат привязывается к орудию и уходит под палубу, — капитан указал себе под ноги, затем на отверстие в палубе. — Проходит здесь, затем, через шкив на мачте. Видите? — на корме судна не было видно ничего, кроме дымоходов и руля, но Доминик кивнул. — Образуется треугольник. Понимаете? Вершина треугольника на мачте. В этом вся штука. Канат сцепляется со стальным тросом, этот трос проходит через ещё один шкив, затем соединяется со стальным аккумулятором под палубой, — капитан произнес "аккамаллятор", но Доминик его понял.

— Мачта здесь в роли якоря, — продолжал Генрих. — Неважно, с какой силой тянуть, весь вес уходит вниз. Без каната и мачты происходит вот это, — он щёлкнул пальцами. — Долбаные шведы, — он сплюнул за борт.

Доминик лишь однажды был в берлинском зоопарке, когда был молод и из морских животных, не видел ничего крупнее котика, но он считал всю затею смехотворной. Дело было не в том, что Генрих зарабатывал на жизнь добычей ворвани и амбры. Он был одержим. Доминик задумался о роли капитана в их похищении и о том, насколько этот человек был опасен.

— И что вы обо всём этом думаете?

— О чём?

— Об этом. — Доминик махнул руками, имея в виду судно. — У вас угнали лодку.

Капитан пожал плечами.

— Они неплохо платят, но я никогда не был в восторге от Рейха, если вы об этом.

Полагаю, что вам он нравится ещё меньше, даже не окажись вы здесь. — Он сделал очередной глоток и рассмеялся.

Доминик вздрогнул. Нет, смех капитана не был злобным. Просто, шутка оказалась неудачной.

— И что вы будете делать потом?

Капитан снова пожал плечами.

— Отправлюсь на промысел.

Доминика пронзил холод и ему захотелось уйти. Когда он встал, голова закружилась. Что бы ни было во фляжке у Генриха, штука эта оказалась крепкой. Он удивился, как он вообще может разговаривать, когда постоянно к ней прикладывается.

— Кажется, вы бледнеете, мой друг. Присядьте, выпьем.

— Зачем вы так много пьете? — спросил Доминик.

— Здесь страшно. Часто происходит такое, с чем трезвым сталкиваться совсем не хочется.

Вскоре капитан встал и ушел проверять работу экипажа, оставив после себя запах соли и потного тела. Доминик наблюдал за ним и гладил Софию по голове. После его ухода, он осознал, что кое-что ускользнуло из его вида во время разговора — спасательная шлюпка. Он заметил её ещё прошлой ночью, но не обратил внимания. Несколько минут ему казалось, что сбежать на шлюпке было хорошей идеей. И вне зависимости от того, хотел его напугать Генрих или нет, он решил её реализовать.

Позже, он долго не мог заснуть, а когда всё же уснул, ему снился ледяной хаос и какие-то огромные черные твари под водой.

3

Следующим вечером, он оставил девочек с Ари, и принялся ждать, пока не исчезнут лишние свидетели. Он прогуливался по корме, среди лестниц и дымовых труб. Он прислушивался, но стояла тишина, только вода билась о борт, да скрипели канаты на мачтах. Затем увидел её — единственную спасательную шлюпку на судне. Другая лодка лежала на палубе по неизвестным ему причинам. "Никакая тюрьма, никакая лодка, ни один человек не сможет нас удержать" — снова подумал он.

— Лодка небольшая, но плыть будет, — послышался голос. Доминик подскочил. Он взгляделся во тьму и заметил оранжевый огонек сигареты. Как он раньше его не увидел, непонятно. Задумался, наверное.

— Вопрос в том, куда вы поплывете? Вы не имеете ни малейшего понятия, в какой стороне и как далеко земля, — из темноты бесшумно вышел высокий солдат, Ян.

— Ищущий да обрящет, полагаю.

Ян кивнул, поворачиваясь к перилам и глядя в море.

— Вам есть, ради чего жить. Я бы на вашем месте ни во что не ввязывался.

Доминик смотрел на него. Он решил было, попросить у него сигарету или защиты от лейтенанта, но не стал. Ян швырнул окурок в воду и собрался уходить.

— Я никому не скажу. Но вам лучше вернуться к семье, пока никто не нашел вас тут и не избил.

Доминик решил последовать его совету.

"Эсхил". Наши дни.

1

К жилому блоку на северо-восточном краю платформы вели две дорожки. Мелвин взглянул на ту, что не была разрушена и тряхнул головой.

— Не нравится мне это.

— И что ты собираешься делать? — спросил Кристиан.

— Что с рацией?

— Сплошные помехи.

— Слишком много для нас двоих. Согласен?

Его напарник кивнул, затем произнес:

— Ага. Я на разведку.

Мелвин понимал, что нужно продолжать двигаться, но ноги словно приросли к полу. Вся платформа опустела. Последний раз он испытывал нечто подобное во время первой командировки в Кандагар. Его отряд получил приказ зачистить пещеру в трех милях от города. Противника они не обнаружили, зато наткнулись на братскую могилу, где лежало 17 тел — взрослых мужчин и подростков. У двоих были отрезаны головы. Большинство бойцов его подразделения тогда впервые увидели трупы. Мелвин с тех пор видел убитых не раз, но тогда он впервые испугался. Тела были аккуратно сложены в яму, будто сигары в коробку. Ему тогда показалось, что он уменьшился до крохотных размеров и вот-вот окажется раздавлен. Такое же ощущение он испытывал сейчас. Он чувствовал себя одиноким. Он подумал, что найти здесь массовое захоронение стало бы хорошим знаком, даже если там будет лежать двести тел, вместо семнадцати.

Кристиан указал в сторону.

— Глянь-ка.

— Что там?

— Здесь тело.

"Накаркал".

Мелвин приготовился к худшему. Когда он подошел ближе, он увидел, что находка совсем не походила на человеческое тело. Оно было черным с головы до ног, покрытое каким-то грибком. Будто та дрянь снизу поймала этого беднягу и проглотила. Выглядело всё это мерзко.

Кристиан коснулся тела облаченной в перчатку ладонью.

— Горячее.

— Лихорадка?

— Не знаю.

Мелвин снова тряхнул головой. Обстановка становится всё безумнее. Покойники не нагреваются, это даже дети знают.

— Убери от него руки, блин.

Кристиан отряхнул ладонь о штанину.

— А там что? Похоже на сырую нефть.

Так и было. Впереди Мелвин увидел стены жилого блока, забрызганные нефтью.

Радио разорвало тишину треском помех. Оба бойца от неожиданности вздрогнули.

— Кто-нибудь... всё ещё... здесь... кто-нибудь... там? — трудно было разобрать что-то ещё.

— Похоже, это тот мудила Трентон.

Мелвин кивнул.

Кристиан нажал пальцем на наушник, но помехи оказались настолько сильными, что ему пришлось вытащить его из уха.

— Ну его на хуй, я сваливаю, — заявил Мелвин. — Нужно больше людей.

2

Кейт расхаживала по площадке. Отец что-то знал и последние сутки она провела за тем, чтобы выяснить, что именно. Она всё ещё не понимала, почему он выбрал именно её, почему не поделился своими знаниями с разведслужбами. Затем ей в голову пришла страшная мысль: а, что если, поделился? Что если вся заваруха случилась из-за того, что провалился какой-то тайный эксперимент ЦРУ? Что если, все свидетели были убиты, чтобы скрыть случившееся? Нет, это абсурд. Когда она была моложе и её отец впервые занял высокий пост, ей постоянно приходилось сталкиваться с различными конспирологическими теориями. "А как же Розуэлл? Было ли 11 сентября результатом заговора? Действовал ли Освальд в одиночку?" Её отец был вторым человеком в государстве и если бы кто-то и имел доступ к государственным секретам, то это был бы он. Пожалуй, идея того, что комитет начальников штабов садился напротив новоизбранного вице-президента и рассказывал ему обо всех грязных и тайных делишках страны, словно выполняя некий ритуал посвящения, была не менее абсурдной, но Кейт ничего не могла с этим поделать. Ей хотелось знать слишком многое. Стэн МакКриди ограждал свою дочь от любых подобных вещей, кроме одной. Он обнял её, поцеловал и, хотя ей был уже 31 год, усадил рядом, будто ей было 5.

— Правительством управляют люди, — сказал он тогда. — В нем много людей. Умных. Но в большинстве своём, люди не очень умны. Строго говоря, они глупы. Когда услышишь, что случилось нечто странное, помни, что сделали это люди.

Его слова разочаровали Кейт, но она понимала, что отец прав. А теперь она начала сомневаться. Отец хотел, чтобы она нашла что-то, что не попало на снимки. Наросты у основания платформы были частью этого. И она сомневалась, что только лишь частью. То, что произошло здесь, ещё не закончилось.

— Есть там кто? — Кейт подняла голову и увидела у вертолета Эйджея, кричавшего в микрофон. К нему бежал пилот.

— А ну, уйди отсюда! Хули ты там делаешь, вообще?

— Выйдите кто-нибудь на связь! Кто-нибудь может хоть что-нибудь пояснить по ситуации?

Хэл оттолкнул Эйджея и тот упал на пол.

— Я тебе сказал же, радио не работает!

Рядом тут же оказался Голландец. Он немедленно поднял товарища.

— Нормально всё, — отозвался Эйджей и посмотрел на Кейт. — Задолбало всё. Какого хера вы нас во всё это втянули?

— Я не знала. Я...

Позади них, Хэл сделал несколько шагов назад. Он стоял наизготовку и был готов к бою.

— Эйджей! — крикнула Кейт.

Затем они слышали выстрелы.

3

Они появились из генераторной.

Сначала Мейсон почувствовал, как над головой что-то пролетело, затем услышал выстрелы. И тут же воздух взорвался тысячей вспышек. Николас вскрикнул и упал на землю, часть его колена исчезла в алом тумане.

— Ложись! — заорал Джин. — Ложись, бля!

Мейсон забежал за ряд металлических труб, таща за собой Ника. Он осторожно высунулся и подсчитал количество противников. Как минимум, пятеро. Двое у будки охраны, ещё двое у стены, один на лестнице.

Над головой просвистела пуля, судя по звуку, из М-16. Кем бы они ни были, вооружены они неплохо.

Джин начал стрелять в ответ и Мейсон присоединился к нему из своего укрытия.

— Вертушку сюда! Живо! — кричал он.

Джин прижался щекой к наушнику, но вскоре откинул его, отрицательно мотнув головой.

— Ничего.

Мейсон заметил впереди, как две тени сместились влево.

— Обходят с фланга. Нужно уходить!

— Что с Ником?

Мейсон посмотрел вниз.

— Парень, тебе придется изобразить покойника.

— Не бросайте меня! — крикнул тот. — Не смейте меня бросать!

Мейсон отмахнулся от его вытянутой руки. Иногда люди сходят с ума, когда получают ранение. Если парень заткнется и будет лежать спокойно, его шансы выжить повысятся.

— Лежи и не двигайся. Это приказ. Мы тебя прикроем сверху.

— Нет!

Пуля попала Джину в плечо и куртка окрасилась красным. Шок на его лице не был вызван болью. В него стреляли с неизвестного направления. Значит, был кто-то ещё. Их окружили и кольцо сжималось. Если они не начнут действовать, их всех перебьют.

Мейсон сменил магазин и тут позади него раздался взрыв. Два тела взлетели в воздух, приземлились на краю платформы и медленно сползли вниз. Мейсон слышал грохот дробовика и человека на лестнице разорвало на части. Позади него появился один из своих. Это был Мелвин с "Моссбергом". Рядом с ним стоял Кристиан. Они заметили двоих в будке охраны и спрятались за дверью. Люди внутри скрылись. Мелвин достал гранату, сорвал предохранительное кольцо и швырнул гранату в проём. За несколько секунд до взрыва оба вражеских бойца выбежали наружу. Кристиан расстрелял их в спину. Тут взорвалась граната, разбивая уцелевшие окна и разнося будку.

Остался один.

Он отступал по проходу, стреляя в них из пистолета. Мейсон заметил Питера Сен-Круа, с отсутствующим видом перезаряжавшего гранатомет. Он улыбался знакомой обезьяньей улыбкой, которая делала его похожим на серийного убийцу. Сегодня эта улыбка была сродни лучу света во тьме.

Противник отбросил пистолет. Нет, не так. Он отшвырнул пистолет. Он начал

размахивать руками, орать и трясти ногами. Он вёл себя, словно бык. "Драться собирается" — подумал Мейсон. Безумная мысль, но так и было. Складывалось впечатление, что он собирается броситься на заряженное оружие. Питер тоже всё видел и его ухмылка стала шире.

Затем человек побежал. Он бежал, не переставая кричать и размахивать руками.

— Не убивай его! — крикнул Мейсон, но было поздно.

Питер выстрелил и попал бедняге в живот. Кинетическая сила заряда швырнула его на 20 футов прямо в будку охраны. Взрыв разнес тело на части. Останки разбросало по всей округе, досталось даже Кристиану. Он поднял руки и крикнул Питеру.

— Какого хера, блин?

Питер пожал плечами.

— Для китайского говна совсем неплохо, — на лицо вернулась обезьянья улыбка.

4

— Назад — раздался из-за двери глухой голос. — Осталось 5, 4, 3...

ЭйДжей взглянул на Кейт.

— Прикрой-ка уши.

— Чего? — переспросила она.

В следующий миг дверь на лестницу сорвало с петель и швырнуло вниз. Она громыхнула о перила, затем о ступеньки уровнем ниже и исчезла в океане. Таким образом, путь с посадочной площадки оказался свободен.

ЭйДжей убрал ладони с ушей.

Кейт посмотрела на него... с презрением? Нет, он ей нравился.

— Козлина! Ты зачем подпустил меня так близко?

"Потому что ты сама хотела этого и не стала бы меня слушать" — хотел сказать он, но промолчал. С некоторыми дамами будешь неправ всегда — делаешь ты что-нибудь или нет.

— Не молчи!

Он указал пальцем на ухо и мотнул головой.

— Не слышу тебя, — произнес он. Затем необычайно громко сказал: — Шумно вышло.

Она с отвращением хмыкнула и вернулась на посадочную площадку.

— Что это с ней? — спросил Голландец.

Прежде, чем ЭйДжей смог ответить в дверном проеме появился Мейсон. Он прошел мимо них, остановился и осмотрелся, будто ожидал неприятностей. Учтывая, через что они недавно прошли, ожидать их стоило. ЭйДжею требовались ответы, но давить он не собирался.

Мейсон взглянул на Хэла.

— Есть вести от Райнера?

— Нет. Радио вообще плохо работает. Даже здесь, наверху.

— Телефоны?

ЭйДжей указал на поваленную башню.

— Сломана. Сигнала отсюда не будет.

— Я не с тобой разговариваю.

ЭйДжей увидел ярость в его глазах — явное свидетельство послебоевого стресса — и не стал развивать конфликт.

Мейсон снова посмотрел на пилота, но тот лишь качнул головой.

— Он прав.

— Забирайте с вертолета оружие. Пулемет тоже. Встречаемся на второй палубе. И убедитесь, что никто не потерялся, — он оглядел всех.

ЭйДжей подошел к перилам посмотрел вниз. Оттуда он видел склонившуюся над Ником лысую голову Мелвина, затем Кристиана и Сен-Круа, осматривавших трупы. Тела валялись по всей палубе в таких позах, что с дальнего расстояния можно было сказать, будто они спят.

Когда они прилетели сюда, он думал, что всё дело в упавшей башне, но решил, что они не стали бы вызывать его, если бы всё было так просто. Им нужен был кто-то, кто знал платформу вдоль и поперек. Кто-то, кто наизусть знал все чертежи, кто мог, в случае необходимости, перекрыть любую часть сооружения. Нужен был кто-то, кто умел стрелять.

— Ты как, братан? — рядом оказался Голландец.

— Нормуль. Кажется, день катится в пизду.

— Верно. Готов свалить отсюда?

Оказавшись внизу, чувства ЭйДжея обострились. Никто из отряда "Блэк Шэдоу" не спустился, чтобы помочь Нику.

— И пропустить всё веселье?

Он повернулся и заметил, что парень смотрит на него. Мелвин перевязал его колено и был занят тем, что накладывал на ногу шину из металлических штырей. Даже со своего места ЭйДжей видел, что весь пол вокруг них был залит кровью.

— Мы их сделали! — сказал Ник. — Кем бы они ни были, что бы тут ни делали, мы их сделали!

— Ты сам-то как?

— Нормально, вроде, — ответил парень. — Док сказал, танцевать я больше не смогу.

— Если ты танцуешь так же, как и играешь в футбол, это не самая большая потеря.

Николас показал ему средний палец, но улыбнулся. Затем его лицо искривилось, когда Мелвин затянул узел и он вскрикнул.

— Как он? — спросил Мейсон.

Мелвин посмотрел на него и помотал головой.

— Стоять не сможет. Его нужно успокоить.

— Нет! — воскликнул Николас. — Всего одна пуля. Одна. Я справлюсь.

Мелвин взглянул на Мейсона, который лишь пожал плечами. Мелвин достал из аптечки ампулу и ввёл её Нику. Тот вздохнул, расслабился и задышал ровно и глубоко.

— Ну, вот, — сказал Мелвин. — Будешь страдать херней, у меня ещё есть. Понятно?

— Ага, — ответил парень. — Спасибо.

ЭйДжей осмотрелся. Остальные уже закончили осматривать убитых и собирать трофеи. Они расположились по периметру, но их было слишком мало, чтобы контролировать всё.

Он сунулся в будку охраны. От неё осталось немного. Выяснить, что здесь произошло не представлялось возможным, впрочем, решил ЭйДжей, выяснять, в чём дело — это задача Кейт. К тому же, он не мог ничем помочь. Учитывая, что, в результате разговора наверху, Мейсон не очень-то нуждался в его советах. Он поморщился. В конце концов, у девчонки светлая голова. А в данных условиях, это как нельзя кстати. Он обернулся и заметил её возле одного из тел.

Когда он подошел к ней, она подняла голову.

— Не трогай там ничего.

— И не собирался.

— Глянь сюда, — сказала она, толкая носком ботинка тело.

— Погоди, ты же его не касалась?

— Взгляни.

ЭйДжей прищурился.

Кровь, растекшаяся по спине убитого, была темного цвета, как из вены, только слишком черная. Но это было не единственным странным явлением. Чтобы понять это, ему понадобилось несколько секунд: дело в запахе. Тело странно пахло, будто сорванными цветами.

— Похоже на... на те шгуки внизу, да?

— Чем бы это ни было, оно мне не нравится. И, раз уж мы здесь играем в доктора, зови меня ЭйДжей.

— Эта хреновина внизу продолжает расти, ЭйДжей. Как будто, она захватила эти тела.

— Ты не права, — возразил он. — Эта жижа вытекла из тела. Значит, оно попало в тело ещё до того, как его убили.

Они посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, отошли на пару шагов. По коже ЭйДжея поползли мурашки. Он ничего не понимал в биологии, и, раз уж, эта хрень селилась в людях, то и не хотел понимать.

— Ещё кое-что, — сказала Кейт. — Взгляни на форму. Узнаешь нашивки?

На шевроне на рукаве убитого были изображены два скрещенных якоря.

— О, боже.

— Что?

— ВМФ Аргентины.

— Что? — переспросила она, будто не расслышав.

— Это совершенно точно никакие не террористы.

— Хочешь сказать, это хорошие ребята?

— Вы там о чём? — спросил Мелвин. Он оказался у них за спинами. Рядом с перевязанным плечом стоял Джин Тай.

ЭйДжей отошел в сторону.

— Посмотри сам.

Мелвин посмотрел, но увиденное не произвело на него впечатления.

— Это ещё ни о чём не говорит.

— И что? Аргентинцы решили захватить нефтяную платформу?

Мейсон, который ходил в отдалении, наконец, что-то учуял. ЭйДжей помнил, что у него был превосходный нюх и не удивился, когда здоровяк подошел к ним.

— Что здесь?

— Ты нам скажи, командир, — подал голос Мелвин. — Это не джихадисты. Так, что мы тут делаем?

Стоит отдать ему должное, Мейсон умело изобразил удивление.

— Всё, что я знаю, так это то, что они начали первыми и получили по заслугам.

— Это не аргумент, сэр, — возразил Джин.

— А вы тут чего шаритесь? — спросил Мейсон. Переключил внимание на них с Кейт. Умно.

— Вы, кажется, сказали, чтобы я нашла то, о чём можно доложить акционерам, — ответила девушка. — Этим я и занимаюсь. И мне кажется, вы только что поубивали полдюжины аргентинских моряков.

— Моряков, значит? — недоверчиво произнес Мейсон.

В этот момент на лестнице появился Хэл. Складывалось впечатление, что он сбегал вниз и вернулся. И, судя по пропотевшей одежде, впечатление это было верным.

— Она права. Там, у причала, только одна лодка. И на ней маркировка СБР.

Кейт вопросительно взглянула на Эйджея и тот пояснил.

— Силы Быстрого Развертывания. Типа, спецназ флота.

— Вроде "котиков"?

— Да.

— А остальные? — спросил Мейсон. — Судя по всему, там внизу должно находиться с полдюжины лодок.

Хэл помотал головой.

— Это шторм, — сказал он. — Концы перерезаны. На поверхности ничего нет. Как по мне, остальные лодки затоплены.

— Как это?

Хэл пожал плечами.

— Снимкам со спутника больше суток. Лодки были здесь, теперь их нет.

Воцарилась тишина. В голове Эйджея всё перемешалось. СБР могли быть здесь по множеству причин, и ни одна не внушала радости. Более важным было то, что именно знал Мейсон и что скрыл от остальных. И где команда "Эсхила"? Насколько Эйджей знал, никого из них пока не нашли.

— Ладно, мы тут ещё не закончили, — нарушил тишину Мейсон. — Сектора с 1 по 4 и 6 зачищены. На северо-западе ещё небезопасно.

— Где жилые помещения? — спросил Хэл.

— Так точно. Северный мост уничтожен, а нижняя лестница завалена. Таким образом, путь у нас только один. Верно, Калле?

Мелвин кивнул.

— Верно, командир. Только через мост.

— Так что, хорошо страдать хернёй. На главной палубе мы столкнулись с вооруженным сопротивлением, значит, оно ожидается и далее. Вы знаете, что делать. Будьте начеку. Выдвигаемся парами. Вай и Сен-Круа охраняют мост. Остальные идут под их прикрытием. Джин?

— Да.

— Доставай пулемет и будь готов к неожиданностям. Мы ещё не нашли тела.

5

"Тела"

Кейт вздрогнула. Они с самого начала не ожидали найти здесь выживших. Откуда им было знать? Кто-то что-то недоговаривал. Она взглянула на руки и увидела, что они тряслись. Подошел Эйджей и накрыл их своими. Его руки были теплыми и, неожиданно для Кейт, приятными. Из-за его плеча она видела, как Джин тащит на палубу огромный пулемет. Другой мужчина занял позицию у моста, ведущего к жилому блоку.

Осознание своего положения пришло к ней, она посмотрела на Эйджея и увидела в его глазах то же самое.

— Мы же будем держаться вместе?

— Полагаю, что да.

— Мы не с ними. Так было с самого начала. Они что-то скрывают, да?

Он посмотрел на остальных и кивнул.

— В Пуэрто Айсен ты сказала, что никто не знает, что здесь произошло, так? Что тебе известно только о пропаже рабочих.

— Да. Мне казалось, что так.

— Как по мне, это не очень похоже на поисково-спасательную операцию.

Она помотала головой.

— Держись поближе ко мне и Голландцу.

На её лице появилась улыбка.

— Что?

— Просто подумала о том, что бы сказала на это час назад.

Он ухмыльнулся.

— Я долго запрягаю, но быстро еду.

Ей показалось, она поняла, что он имел в виду. Может, он не так уж и плох. Но её всё равно трясло. Она не могла припомнить, когда последний раз ей было так страшно.

— Держись рядом со мной, — повторил Эйджей. — Что бы они та ни нашли, не отходи далеко.

6

Мейсона что-то тревожило. Что-то здесь было не так, он понимал это, но выявить это "что-то" было непросто. Только что они нейтрализовали целое отделение противника, отделившись только одним раненым, и им оказался именно новичок. Мейсон, хоть и постарел, но интуиция у него осталась. Он уволился со службы, потому что чувствовал, что стал медленнее. Он продолжал командовать своими людьми и они побеждали, как всегда. Но здесь оказалось, что вместо спонсируемых ДЗП партизан они столкнулись с аргентинскими СБР и это тревожило. Ну, они выглядели, как СБР. Насколько Мейсон знал, террористы вполне могли украсть форму. Такую картину принять было легче, но они уже облазили три четверти платформы и до сих пор не получили нужных ответов. Что если их послали сюда за тем же, за чем и "Блэк Шэдоу"? В таком случае, они вполне могли выкинуть трупы, затопить лодки и оставить "Вэлли Ойл" в дураках. Почему, нет? Без твердых доказательств невозможно сказать, были ли здесь вообще СБР или нет. Он был уверен, что "Вэлли Ойл" они понадобятся. Их человек дал понять это с самого начала, ещё до того, как они сюда прилетели. Так что он решил вернуться к первоначальному плану: осмотреть местность, обеспечить защиту, восстановить связь.

Ничего сложного.

Осталось осмотреть только одно место. В жилых блоках они найдут выживших, или их тела и всё будет кончено. "А как же ответы?"

— Ответы, — пробормотал он и усмехнулся.

Пусть разгадкой тайны их исчезновения занимается эта девка, МакКриди. Мейсон был любопытным человеком, но не более. Выяснение причин не входило в его задачи. Он сталкивался с этим множество раз в самых разных местах. Они сталкивались с трудностями, преодолевали их и шли дальше. Ответы, какими бы они ни были, никогда не влияли на их цели и задачи. Что касается той дряни внизу, пусть этим занимаются специалисты. Пусть хоть расфасуют по коробкам и начнут продавать в МакДональдсе.

Поэтому он сосредоточился и избавился от этого тревожного, скребущего чувства. Ему

было о чем беспокоиться. Он посмотрел на Трентона и МакКриди и вспомнил об ещё одном неприятном приказе, который шел от старого адвоката. Сказать по правде, его это не сильно волновало. Либо берешь деньги, либо сосешь хер. Так всё устроено в этом мире.

— Кто на позиции, командир? — спросил Сен-Круа.

— Ты и Вай. Мы с Калле идем дальше. Джин и Хэл прикроют нас с главной палубы. Ясно?

Сен-Круа кивнул, огромным пальцем снимая оружие с предохранителя.

Они медленно двинулись по мосту, высматривая малейшее движение. Проход к зданию был только один, но дверей в нем было две. Мейсон и Мелвин остановились у одной, Питер и Кристиан встали у другой. Если повезет, через 10 минут они закончат и отправятся пить пиво.

Мейсон подошел к двери. Она представляла собой прочный кусок металла с вентилем посередине. Такие двери запирались герметично, как на подводных лодках, но сути это не меняло. Если не получится открыть, у них было с собой достаточно взрывчатки, чтобы взорвать её к чертям. Но, не пришлось.

Он дернул за рукоятку и толкнул дверь. Внутри было темно и пришлось включить крошечный фонарик под стволом. Свет фонаря осветил комнату отдыха, прямо как на чертежах. Там царил разуха. Шкафчики были открыты, по полу разбросан мусор и бумага. В углу валялась разбитая кофе-машина. Мейсон шагнул вперед, хрустя стеклом под подошвами.

— Есть тут кто? Мы спасатели с "Вэлли Ойл"! Если кто-нибудь есть, выходите!

Когда он подошел к двери, в нос ударила вонь. Он не был уверен, но по прикидкам, в зале лежало около двадцати тел.

— Командир, ты видишь то же, что и я?

Мейсон всякое повидал в жизни, но это ввело его в ступор. Что это? Что это, блядь, такое? Человек в углу лежал с засунутым в глаз другого большим пальцем. Тот, в свою очередь, валялся на полу, из его разбитого черепа вытекали мозги. У ног Мейсон обнаружил женщину, которая умерла, вцепившись в глотку мужчине. Были и другие и выглядели они гораздо хуже. Все эти люди — простые трудяги, работающие и ответственные — выглядели так, будто хотели разорвать друг друга на куски.

Мелвин встал над одним из тел и сказал:

— Гляньте сюда.

Мейсон присмотрелся и увидел, как из ушей и носа у покойника росло нечто, похожее на цветок.

— Кажется, нам триндец, — прошептал Мелвин.

Мимо пронеслась какая-то тень. Мейсон вскрикнул и начал стрелять. Тьма озарилась оранжевыми вспышками, по стенам зарикошетили пули. Он шагнул назад, ноги скользили по кровавым лужам.

— Мать вашу! — крикнул он. — Смотреть в оба!

Мелвин мгновенно бросился вперед. Мейсон вышел, на ходу вытирая перчатки о штаны. Он был в ярости, сердце бешено колотилось в груди. Он попытался убедить себя, что виноваты нервы, но это было не так. Это было нечто первобытное.

"Ответы, — снова подумал он. — Никогда не заботился их поиском". Он нервно хохотнул, голос эхом отозвался во тьме.

Затем он услышал что-то ещё.

— Северное крыло осмотрено. Вы здесь, сэр? Мы слышали стрельбу.

Это был Сен-Круа. Они появились из комнаты отдыха, на их лицах читалась тревога.

Вскоре из двери в дальнем конце зала появился Мелвин.

— Никого нет.

— А человек?

— Никого, сэр.

Мейсон ощутил холод. Он был уверен, что кого-то видел. Уверен. Другой вариант — что он просто испугался темноты — был невозможен.

— Вы всё осмотрели?

— Так точно, — ответил Сен-Круа. — Только трупы. Все мертвы.

— Все до одного?

Вай кивнул.

Все трое смотрели на него и их вид ему не понравился. Было похоже, как когда вы оказывались в окружении и противник превосходил вас числом 4 к 1.

— Что здесь, вообще, случилось, командир? — спросил Мелвин.

Мейсон открыл, было, рот и собрался сказать им, что не их дело — работать следователями. Не их дело выяснять, от чего умерли эти люди. Их задачей было обеспечить безопасность. Этим они и занимались. Он подумал, что если, как следует, сосредоточится, то скажет это, не рассмеявшись. Внезапно, в конце зала послышался грохот.

Обернувшись, Мейсон увидел дверь, которую подпирало кресло. Дверь тряслась, будто кто-то толкал её с другой стороны. Внизу, сквозь щель, высунулось лезвие ножа и начало двигаться влево-вправо. Он задержал дыхание и приготовился пристрелить любого, кто появится.

Глава 8: Буря и натиск

Где-то в Атлантике. Январь 1939 года.

1

Харальд стоял на палубе "Адальгизы" и смотрел, как на горизонте вырастал Кейптаун. Город находился между двух гор, расположившись в широкой долине. Сейчас в этих широтах стояло лето, поэтому склоны гор были покрыты зеленью и выглядели бы красиво, если бы не облепившие их ярко-оранжевые здания. Несмотря на то, что их южно-африканские друзья внушали доверие, Харальд не хотел бы здесь останавливаться. Но нужно было пополнить запасы. И, вот, корабль постепенно заполнялся коробками с провизией. На борт даже пронесли ящик с оружием. Винтовки "К-98" Mauser 98k (*Маузер 98k*) — немецкая магазинная винтовка, официально принятая на вооружение в 1935 году. пришли с подковообразными нащёпками на стволах, призванными снизить яркость бликов на солнце. Определенно, у Рейха были на счет них чёткие планы.

Впрочем, не всё проходило гладко. Когда Харальд отдал приказ о немедленном выходе в море, он столкнулся с сопротивлением Генриха. Последние пару недель они ругались всё чаще и чаще. "Суточная увольнительная на берег" — вот чего требовал капитан. Харальду казалось, что всё делалось ради показухи, глупостей, вроде "никто не будет указывать моей команде, что делать". Он был настолько зол, что хотел пристрелить Генриха. В конце концов, им удалось достичь компромисса: 12 часов увольнительной и не более. Когда африканское побережье начало потихоньку исчезать за горизонтом, он, наконец, успокоился.

— Мило, — произнес появившийся Ян.

— Заключение на палубе?

— Как вы и приказали.

— Они более послушны, чем Генрих. Как они?

Ян пожал плечами.

С последнего разговора Харальда с Люсией, они всё меньше были склонны к жалобам. И это к лучшему. Он терпеть не мог жалоб.

— Чертов капитан будет у меня...

Но что именно будет капитан Генрих, Харальд договорить не успел. Над водой вспыхнул прожектор. Раздался крик:

— Судно по левому борту!

Палуба тут же ожила. Харальд бросился к перилам и заметил быстро движущееся судно. Оно было вдвое меньше "Адальгизы" и быстро приближалось. Он услышал, как сверху крикнул капитан:

— Сесил!

— Да, капитан!

— Определить тип и принадлежность судна.

Матрос прильнул к биноклю и вскоре доложил:

— Патрульный корабль, на дизельной тяге... флаг ВМФ ЮАР, сэр.

Генрих посмотрел вниз.

— Все на нижнюю палубу! Сейчас всё выясним. Снимите фуражку, — обратился он к

Харальду.

— Что?

— Фуражку снимите! — Капитан сорвал её с головы Харальда и швырнул в сторону. —

Застегните пальто. Нельзя, чтобы они заметили китель. Я всё улажу, понятно?

Харальд подавил выкрик.

— Объясните, что происходит?

— Это не военные. Делайте, что сказано.

В ночи раздался треск пулемета, им пришлось пригнуться. Первая очередь ушла в воду, но вторая попала в корпус.

Кто-то закричал:

— У них на борту "Шварцлозе" Пулемёт Шварцлозе (нем. *Maschinengewehr Patent Schwarzlose M.07/12*) — стандартный станковый пулемёт австро-венгерской армии, изготовленный по системе немецкого конструктора Андреаса Вильгельма Шварцлозе.!

Корабль был уже достаточно близко и Харальд смог разглядеть старый крупнокалиберный пулемет, чей широкий ствол смотрел прямо на них. Позади него он видел лишь пару злобных безжалостных глаз. Кожа этого человека была черной, как ночь.

На "Адальгизе" подняли белый флаг.

— Вы что, сдаётесь? Как вы вообще допустили, что он к нам подкрался?

— Заткнись, — огрызнулся Генрих.

С борта корабля раздался усиленный громкоговорителем голос. Харальд не понял смысла сказанного, но, видимо, понял Генрих — он встал и поднял руки. Ян принялся искать в кармане пистолет, но Харальд взглядом остановил его. Уже поздно, их могут срезать одной очередью.

В тишине он прошептал Зайлеру:

— Идите вниз. Проверьте тайник.

— Я сам их всех убью.

Харальд не был уверен, наблюдают за ними или нет — у него не было на это времени. С подошедшего корабля начали кидать веревки с крюками, цепляться за борта "Адальгизы". Кто-то перебросил между судами широкую доску. По ней перешли четверо, вооруженные, как во времена Великой войны. У одного из них — тощего черного мужчины в тюрбане — не было огнестрельного оружия. Вместо этого он сжимал в руке огромное мачете. Скорее всего, их главарем был здоровяк с пистолетом-пулеметом. Он встал перед Генрихом и ухмыльнулся, щеря ряд металлических зубов. Он сказал только одну фразу, которая могла и ничего не значить и нести угрозу. Язык был очень похож на французский, но не совсем.

— Бёрка сюда, — приказал Генрих.

Пока Железзубый ждал, трое его сопровождающих ходили по палубе, вытаскивали припасы.

— Где он? — выкрикнул Генрих.

— Здесь! — подал голос появившийся Бёрк.

Главарь выдал несколько коротких фраз, на этот раз в них чувствовалась явная угроза.

— Говорит, в Кейптауне вы подняли на борт ящик с оружием. Где он?

— Покажите, кто-нибудь джентльменам, где ящик. Сесил.

— Есть, капитан.

Харальд встревожено взглянул на Яна.

— Он не посмеет! — прошептал он.

Сержант, который не выражал ни согласия, ни отрицания его слов, только нахмурился.

Мимо них прошел матрос по имени Сесил. Он спрыгнул вниз и позвал двоих захватчиков. Те проследовали за ним. На палубе остались только главарь и господин Мачете. Харальд прикинул возможности и понял, что, в случае нападения, будет совершенно бесполезен.

Долго ждать не пришлось. Вскоре из люка появились все трое, африканцы тащили ящик. Их тощие руки вытянулись под его весом.

Капитан безучастно следил за происходящим.

— Господин Бёрк, не поможете нашим гостям перетащить груз на другой борт?

— Э...есть, капитан.

Кок прошел по палубе и шагнул на доски. Главарь снова улыбался, блестя зубами. Свой "Маузер" он закинул за спину.

За спиной Харальда тихо, словно убийца, появился Зайлер. У него с собой была граната "М-24", её длинная рукоятка торчала из-под куртки. По лбу Харальда начал течь пот.

Те, кто несли ящик, поскользнулись и упали, их груз рухнул прямо на доски. Железнодорожный выругался и начал кричать. Только после этого Харальд понял, что их момент настал. Человек за пулеметом завертел головой, не понимая, что главарь обращается к нему. Он был ближе всех к борту, а ящик с оружием был готов вот-вот соскользнуть в воду. Неохотно, он оставил свой пост.

Харальд шагнул вперед, на ходу вынимая пистолет.

— Давай! — крикнул он.

2

Граната, описав дугу, исчезла во тьме. Она снова появилась уже на борту корабля захватчиков между настилом и пулеметчиком.

Генрих бросился к перилам с криком:

— Нет!

Граната взорвалась, палуба исчезла в дыме и огне. В воду, кувыркаясь, упало горящее человеческое тело. Послышались выстрелы, захватчики слепо палили по сторонам.

Бёрк развернулся на настиле на 180 градусов и дернулся. Пуля попала ему в живот, он вскрикнул и упал.

Двое пиратов пытались затащить ящик с оружием на свою палубу. Они бросили эту затею, когда один из них упал, сраженный пулей. Харальд и его люди открыли ответный огонь. Он полностью разрядил обойму своего "Люгера", стреляя в сторону вражеского корабля, не надеясь, что его выстрелы достигнут цели. Он не сразу понял, что патронов в обойме больше нет. Он укрылся и принялся шарить по карманам в поисках запасной. Когда он поднялся, последний пират — господин Мачете — бросил оружие и побежал. Он забежал на настил, осторожно балансируя. Харальд поднял руку с пистолетом и трижды выстрелил. Третья пуля достигла цели, попала ему в правое бедро, бандит покачнулся и упал на ящик. Вместе с ним он соскользнул в воду. Зайлер подбежал и пинком скинул деревянный настил.

Двигатель вражеского корабля взревел и он пришел в движение. Генрих, который всё это время пролежал на палубе, вскочил и заорал:

— Веревки! Рубите концы!

Он побежал вперед, но поскользнулся на крови Бёрка. Кок лежал и выл, держась за живот.

— Пулемет! — крикнул Зайлер. — Они идут к пулемету!

Харальд прищурился и сквозь дым разглядел человека, подбиравшегося к "Шварцлозе". Он прицелился и нажал на спуск, но пистолет отозвался сухим щелчком. Обойма была пуста.

Судно погрузилось в хаос. Всюду бегали матросы, они оттаскивали раненых, стреляли. Генрих был занят отвязыванием крюков. Харальд осмотрелся в поисках оружия, его взгляд упал на гарпунную пушку на носу.

На борту вражеского корабля пират добрался до пулемета и дернул затвор. Харальд даже с такого расстояния и при таком шуме вокруг услышал его клацание. Без раздумий он бросился к носу "Адальгизы" и встал за орудие. Оно заряжено? Конечно, нет. Какой идиот станет заряжать гарпунную пушку, если не собирается охотиться? Но оно было заряжено — из жерла пушки торчал крюк гарпуна Харальд прицелился, направив ствол прямо меж глаз пулеметчика.

Он нажал на спуск и гарпун, подобно молнии вылетел из пушки. Харальд от неожиданности моргнул, а когда открыл глаза, человека за пулеметом уже не было. Он был припилен к переборке собственного корабля, из его груди торчал гарпун. Какое-то время Харальд стоял и смотрел на происходящее с открытым ртом. Затем он заметил, что улыбается, пираты же, видя, что стрелок мертв, спешно уходили. Он хотел, было, узнать, не нужна ли кому-нибудь помощь, но не мог проронить ни звука и убрать с лица эту чертову ухмылку.

— Канат!

К нему бежал, вытянув руку, капитан.

— Руби канат! Живее!

Харальд отвлекся от мыслей о своей победе и посмотрел вниз. Что-то дернуло и потянуло его вперед — канат всё ещё был привязан к гарпуну.

— Они тонут! — крикнул Генрих. — Тащат на вниз!

Пиратский корабль заваливался на бок, подобно гигантскому зверю, заглатывая пробоиной воду. Граната Зайлера не повредила пулемет, но нанесла ощутимый ущерб другим частям.

— Генрих, я...

И тут капитан завопил. Канат обмотался вокруг мачты, обвил его руку и притянул её к дереву. Харальд и представить не мог, что человек способен так кричать. Но он вопил, словно, сбитое машиной животное.

Лейтенант схватился за канат и понял, что он туго натянут. Он посмотрел на экипаж, но те, словно, замерли.

— Что мне делать? — выкрикнул он.

— Руби... канат... — сквозь зубы прошипел Генрих. — Руби!

Харальд вспомнил о топоре. Широкий топор находился под перилами и был предназначен как раз для этой цели. Он ухмыльнулся. Ночь принадлежала ему и ничто не могло его остановить.

Когда он повернулся туда, где должен был быть топор, ухмылка исчезла с его лица. Топор исчез.

Платформа "Эхил". Наши дни.

1

Гидеон очнулся во тьме. До его слуха донеслись выстрелы. А выстрелы означали, что тут люди.

Какое-то время он пытался понять, где находится. На камбузе. Он всё ещё был заперт на камбузе. Он коснулся затылка и ощутил шишку в том месте, где получил прикладом. Она чертовски болела. Он резко поднялся. Слышались голоса — в жилом корпусе были люди. Ну или, по крайней мере, они звучали, как люди.

Он поднял с пола чистую тряпку, разорвал её надвое и один кусок обмотал вокруг головы. Выглядела повязка, конечно, неважно, но он и не стремился принять представительный вид. В запертом пространстве он чувствовал собственную вонь. Сколько он тут? Неделю? Он считал по пальцам дни, проведенные здесь, но сбился. Он думал о том, что случилось после того, как пропала аргентинская спасательная команда. Кто-то ещё приходил. Возможно, расправился с бешеными аргентинцами. Что потом? Потом они ушли. И он ушел. Гниль найдет свой путь к цивилизованным местам и распространится по миру. Она поймет, что за морем есть целый мир.

Обиднее всего было то, что он не помнил, каково это — жить за этими стенами. Он не был женат, у него не было домашних животных, ни трёхэтажного особняка в пригороде. Весь его жизненный опыт укладывался в промежутки между сменами. Отпуска, клубы, девочки, деньги... другие положительные стороны жизни высокооплачиваемого специалиста. Вся его настоящая жизнь проходила здесь. И теперь все его друзья были мертвы. Все его коллеги были мертвы. Весь его труд — недели работы с анализами нефти и сборы данных — всё пущено по ветру.

Он схватился за голову и принялся раскачиваться взад-вперед, ожидая, что дверь взорвется и не придется принимать никаких решений. Это, хотя бы, будет быстро. Быстрее, чем его рана начнет гноиться, эта дрянь проникнет в него и он сойдет с ума, как остальные. Но сидеть смирно он не мог. Гидеон встал и толкнул дверь. Заперта. Он огляделся по сторонам и увидел своё отражение в зеркале между холодильными камерами. Щёки ввалились, но повязка, хотя бы, не выглядела слишком уж ужасно.

— Ты — это всё ещё ты, — сказал он отражению. — Ты — это всё ещё ты и ты прекрасен, парень. — Он улыбнулся той ослепительной улыбкой, от которой все девчонки в Рио выпрыгивали из трусов. Зубы были на месте, ровные и белые.

Нет... нельзя отвлекаться. Нужно найти путь наружу.

Он начал рыться в шкафчиках в поисках спичек. Он уже был готов сдаться, когда в углу нашел что-то маленькое и красное. Он схватил эту штуку — это оказался фонарик — и нащупал кнопку включения. Узкий луч света озарил помещение — батарейки были целы.

— Воистину, боги улыбнулись этому смертному. — "Прекрати! Ты сходишь с ума!" — он снова посмотрел в зеркало.

— Псих! — произнес он. — Совсем с катушек съехал. Напрочь. Полностью свихнулся, Леонард! — он заметил, что звук его голоса исходит откуда-то из живота.

Он лег и посветил фонариком под дверь, пытаясь выяснить, что же было так похоже

на 4 прямо стоящие палки. Сначала, он не понял, но потом до него дошло — это стул. Кто-то прислонил стул к двери с той стороны. Если бы его спросили об этом неделю назад, он бы сказал, что подобный трюк работает только в кино, но сейчас, был совершенно иного мнения. Стул действовал не хуже замка.

Впрочем, возможно, не столь надежно.

Он подошел к ряду раковин, радуясь, что оказался не в спальне или ванной. Кухня была большой и обставлена по последнему слову техники. Тут были плиты, посудомойки, раковины, полки с посудой... и инструментами. Он нашел несколько разделочных досок и ряд широких мясницких ножей рядом с ними. Он вытащил огромный тесак, способный одним ударом отрубить свиные голову. Держа его в руке, он думал о том, смог бы он справиться с теми, кто запер его здесь. Ему хотелось надеяться, что да. Гидеон всего один раз участвовал в драке, когда ему было 10, и тогда он проиграл. Джимми Таггерт прилюдно отругал его и с тех пор, он никогда не дрался. Но он был умен и он выжил. Умные парни всегда побеждают на длинной дистанции, так, ведь? Блин, его зарплата была в два раза больше, чем у бурильщиков и в три раза выше, чем у разнорабочих и он не боялся, говорить, что думает.

Снова оказавшись на полу, он попытался лезвием сдвинуть в сторону ножку стула. Сложность была в том, что он не мог одновременно смотреть и работать ножом. Некоторое время Гидеон провел в поисках удобного положения. Он четыре раза взмахнул ножом. Затем ещё раз. И ещё. Только на этот раз нож коснулся чего-то твердого. Стул сдвинулся. "Готово!"

Но дверь, всё равно, оставалась подпертой. Стул лишь сдвинулся, но, по-прежнему, поджимал рукоятку двери.

— О, ладно, перестань! — В отчаянии, Гидеон подпрыгнул и пнул дверь. — Открывайся! Открывайся, ёб твою мать!

Он услышал грохот снаружи. Там что-то было. Он схватил нож и прижал его груди. Затем он понял, что это был за звук. Стул. Стул упал.

Прошло немало времени, прежде чем он осмелился и повернул ручку. Та повернулась без каких-либо проблема. Дверь открылась и он увидел труп возле кресла. Он хохотнул и, на этот раз, смех не был похож на хохот сумасшедшего.

В глаза ударил яркий свет прожектора. Перед ним появилась фигура.

— Назад! — выкрикнул он, размахивая ножом. — Назад или зарежу!

Что-то схватило его за запястье и ударило в нос. Лезвие звякнуло по полу и Гидеон упал, истекая кровью. Когда зрение немного восстановилось, он понял, что это был не аргентинец. Мысль о том, что он может выбраться отсюда живым захватила весь его разум и он поднял руки. Гидеон не видел никакой иронии в том, что вел себя точно так же, как и когда его избил Джимми.

— Не надо, — пролепетал он. — Я сдаюсь! Сдаюсь!

2

Когда они вернулись к центру платформы, Мейсон с любопытством осмотрел новичка. Он был одет в серый костюм, черные волосы были спутаны, а сам мужчина был слишком высок для своего веса. Мейсон прикинул, что росту в нем не меньше 6 футов — неплохо для боксера, но не для офисного работника. Он был долговяз с острыми коленями и локтями. Возможно, в иной ситуации, подобные дрищи смотрелись неплохо, но сейчас об этом было трудно сказать.

— Как тебя зовут, парень?

— Э... Грей, — пробормотал тот. — Гидеон Грей, — и добавил: — доктор Гидеон Грей.

— Как самочувствие?

Человек оглядел собравшуюся вокруг него группу наёмников.

— Да, да, спасибо. Полагаю, нормально. Нам всем нужно отсюда выбираться.

Мейсон протянул ему свою фляжку.

— В своё время. Держи.

— Нужно немедленно убираться отсюда! Немедленно!

Мейсон положил ладони ему на плечи и вынудил присесть на ящик. Под одеждой он ощутил торчащие кости и подумал, что легко смог бы сломать их. Гидеон, вероятно, подумал о том же, поэтому замолчал.

— Калле, будь так любезен.

Мелвин воткнул в руку мужчины шприц. Лицо Гидеона не изменилось, но он начал дышать ровнее и, когда Мейсон убедился, что он не вскочит и не убежит, то убрал руки. Затем он вновь предложил ему фляжку и мужчина взял её.

— Благодарю.

Остальные, по идее, должны были обеспечивать безопасность по периметру, но они собрались в круг и приготовились слушать.

"Ответы" — снова подумал Мейсон и прикусил губу.

— Короче, слушайте. Мы с добрым доктором тут поговорим, а вы займитесь делом. Мы и половины ещё не сделали.

— Что здесь творится? — спросил Сен-Круа.

— Да, командир, какая-то непонятная херня тут происходит, — подхватил Калле, держа доктора за руку.

— Вы все имеете право знать, что здесь случилось. Но нужно быть настороже.

— Настороже? — переспросил Калле. — Блин, командир. Мы даже не знаем, от чего нам нужно быть настороже.

Хэл сплюнул на пол.

— Он прав, командир. Мы не знаем, что тут стряслось. Из двухсот пятидесяти человек мы нашли только около двадцати, да и те — трупы. Понятия не имею, что случилось с остальными, но такого я раньше не видел.

Мейсон посмотрел на Джина и Кристиана. Те молча смотрели на него, но в их взглядах читалось то же самое.

— Так, что будем делать, Мейсон? — спросил Калле. — Предлагаю выбить из этого пидараса всё, что он...

Рука Мейсона метнулась к горлу Мелвина.

— Для тебя я — командир Брубейкер, ясно? И следующими словами, которые выльются из твоей гнилой глотки, будет: "Какие будут указания, сэр?". Усёк?

Какое-то время Мелвин дергался и Мейсон усилил нажим. Глаза медика выпучились, дужка очков сползла с одного уха.

— Сэр, — сдавленно проговорил Мелвин. — Какие будут указания, сэр?

Мейсон оглядел остальную группу, свободной рукой держась за нож на поясе. Они не двигались. Значит, они не зашли настолько далеко. Он их командир и, господь свидетель, они будут его слушаться.

— Понимаю, мы не этого ожидали, — сказал он, отпуская Мелвина. — Но, именно поэтому, нужно оставаться в форме. Я побывал в ситуациях и похуже и, судя по тому, что вы уже давно выбрались из песочницы, могу сказать то же самое о вас. Мы ничего не знаем, но разведка не входит в наши обязанности. Наша задача — обеспечить безопасность на платформе и я настаиваю на её выполнении. — Он кивнул в сторону доктора. — Мы с ним тут поболтаем и, может быть, найдем нужные ответы. Но, до тех пор берем себя в руки. Мы не можем себе позволить небрежности. От слаженной работы зависят наши жизни. Верно? Господи, парни, это же основы.

Он оглядел отряд и понял, что его слова достигли цели. Некоторые выглядели смущенными. Это хорошо. Мораль нужно строить, как мост. Когда всё связано вместе — конструкция крепка. Когда одна из опор падает, рушится и всё остальное.

Мейсон обратился к пилоту:

— МакХалистер!

— Сэр?

— Возвращайся на площадку. Нужно узнать, что случилось с вертушкой "Дельта". Джин Тай?

— Я! — откликнулся тот.

— Как рука?

Парень пожал плечами.

— Жить буду.

— Отправляйся к антенне и попытайся её оживить. У нас ни радио, ни телефонов, вообще никакой связи с материком. Справишься?

— Буду стараться, но ничего не обещаю.

— Вай?

— Ага, — отозвался Кристиан.

— Собери гражданских. На всё, про всё тебе 10 минут. Понял?

Тот кивнул.

— Сен-Круа, отправляйся с Джином. Поможешь ему.

— Есть, командир.

Мейсон осмотрел остальных. Николас лежал на коробках. Его лучше оставить в покое.

— А мне что делать? — спросил Калле. Из его голоса исчезла обычная насмешка.

— Со мной останешься. Только ушами не хлопай. Уяснил?

— Да, командир.

— Хорошо. Итак, док?

Гидеон в отчаянии поднял глаза.

— Э... да?

— Начинай рассказывать.

3

Когда Кристиан привел гражданских, те уставились на доктора, будто впервые видели таких, как он. МакКриди собралась, было, что-то сказать, но Гидеон опередил её:

— Оно проникает прямо в мозг. Как в кино. Только, намного хуже. Уж вы поверьте.

— Это вирус, док? Потому что, если...

— Нет, не вирус. Грибок. Бластокладиевый. Ну, или, нечто подобное. Не похож ни на что, виденное мною прежде. Настоящее произведение искусства. Выживальщик, вроде

тараканов. Питается падалью.

— Чего? — переспросил Мелвин.

— Тараканов, — повторил доктор. Он приложил ладони с оттопыренными указательными пальцами ко лбу, изображая усики. Наверное, это должно было выглядеть глупо, но у Мейсона сжалась кожа на черепе. Он ненавидел насекомых, всегда давил жуков и тараканов с самого детства. А учитывая ту штуку под "Эсхилом"... Она расползалась. Он не понимал, как такое возможно, но именно так и было. Она расползалась.

— Я назвал её Гнилью, — продолжал Гидеон. — Название не совсем верное. Оно скорее, само питается плотью, чем состоит из неё. Понимаете?

Никто не ответил.

— Забавно, но если посмотреть на неё под микроскопом, выглядит она совершенно нежизнеспособной. Её основная цель — вырабатывать тепло. И я тоже, кстати. В смысле, видел её под микроскопом.

— На чем вы специализируетесь, доктор? — спросил Мейсон.

— Микробиология окружающей среды. Изучаю молекулярный состав сырья. Чтобы выяснить его чистоту и пригодность к использованию. Это предварительные работы перед нагреванием и очисткой...

— Я понял, — отмахнулся Мейсон. — И мне насрать. Почему бы вам не рассказать то, что мне нужно, — интонация не была вопросительной.

— Что?

— Он про ту херню, что внизу. Гниль, или как там её, — ответил за командира Мелвин. — Она опасна?

Мейсон раздраженно посмотрел на своего бойца, затем вернулся к доктору.

— Вы же выжили, доктор Грей. Расскажите об этом?

— Две недели назад случился пожар. Сразу после того случая с Уитменом. Помните?

Мейсон выудил из глубин памяти папки с документами. Хэнк Уитмен был промышленным альпинистом и сорвался во время чистки противоударного балласта. В полете он ударился головой, упал в море и утонул. Доклад об инциденте был засекречен, но Мейсон с ним ознакомился.

— Помню.

— Ну, вот. Он упал во время очистки стальных ферм на нижнем уровне. От чего он, по вашему, их очищал?

— Неужели...

— Сначала появились небольшие пятна. Он спустился вниз, чтобы рассмотреть получше и внезапно оказался в воде. Мы не слышали криков. Ничего. Только звук удара его головы о ферму и всплеск. Четверо парней подняли его. Ужас был.

Мейсон скептически посмотрел на него.

— Так, к чему вы ведете, Грей? Что этот парень потерял сноровку из-за грибка? Или, что похуже?

Доктор взглянул на него пустыми глазами.

— Нет, мистер Брубейкер. Не из-за Гнили. То была, либо случайность, либо ему кто-то помог.

— Чего? — снова подал голос Мелвин.

— Пожар, — пояснил доктор. — Вот я о чём. После того, как достали тело, кто-то спалил медлабораторию. Она полностью выгорела. Полагаю, что и его падение было с этим

как-то связано. Понимаете?

Мейсон поморщился.

— Я ничего не читал о пожаре.

— Разумеется, не читали, — ответил Гидеон. — Готов спорить, что вы не читали и о диверсии на передающей башне. О том, что кто-то сломал один из кранов. Или о том, что кто-то принес Гниль в жилой блок и убедился в том, чтобы заразились все.

— Спокойнее, — произнес Мейсон. — Бессмыслица какая-то. Ваша передающая башня не работает, сколько? 36 часов?

Гидеон нервно усмехнулся.

— Вам так и сказали? Спорю, они всё пытаются выставить, как случайность.

Мелвин посмотрел на Мейсона не сулящим ничего хорошего взглядом. Он спиной чуял, что остальные смотрят на него точно так же.

— Нам неважно, что здесь, как и почему, доктор. Наша задача — обеспечить безопасность платформы до прибытия экологов из "Вэлли Ойл". — "Снова старая мантра, да?" — промелькнула в голове мысль. Звучало, как ложь. И, чем сильнее он хотел, чтобы это было правдой, чем чаще повторял эту мысль себе, тем сильнее она звучала, как ложь.

— Нужно выбираться отсюда! — Гидеон указал на повязку на голове. — Я не могу тут больше оставаться. Слышите?

— Погодите, — осадил его Мелвин. — Значит, весь этот бардак устроили диверсанты? Вы это хотите сказать? Кто-то специально всё это начал?

— Именно! — воскликнул Гидеон. — Поэтому они сожгли лабораторию. На понимание этого у нас ушло несколько дней. Что это не была случайность. А к тому времени, как мы это поняли, эта штука уже была повсюду. Гниль выросла прямо из воды. Она распространяется. К тому же, саботаж — единственная логичная версия. Иные просто безумны.

— Да, ну?

— Гниль проникает в вашу центральную нервную систему и начинает вырабатывать тепло. Понимаете? — Гидеон, практически, сорвался на крик. — Начинается, как лихорадка. Затем, в течение дня или двух, температура повышается. Человек начинает потеть. Мозг раздувается. Мыслить человек не прекращает, но лобные доли... это передняя часть мозга, — он постучал сухим пальцем себе по лбу. — Они начинают плавиться. И ещё. Я не могу этого доказать, но считаю, что она оставляет что-то внутри. Послание. Троянский вирус, червь, который прогрызает тело и захватывает все системы жизнеобеспечения. Будто... будто пытается выжить, — он посмотрел на них. — Другая версия, господа, состоит в том, что Уитмен уже был заражен, когда его подняли из воды. Другая версия в том, что он дождался, пока его принесут в медлабораторию и спрячут в мешок. Затем он дождался, пока всё не стихнет, выбрался из мешка и поджег лабораторию и себя с ней. Видите ли, после пожара мы так и не нашли его тело.

В воздухе повисла тишина. Мейсон растерялся — ему хотелось то ли рассмеяться, то ли ударить доктора. Ведь, все понимали, как это звучало. "Абсолютно, по-ебанутому звучало".

— Он стал первым, — продолжал Гидеон. — Такова моя теория. Затем, начали заражаться остальные. Мы решили, что это простой грипп. Парней лихорадило. Их тела нагревались, понимаете? У одного парня температура была 108 градусов по Фаренгейту равняется, примерно, 42 градусам по Цельсию... 108 градусов, но он продолжал ходить, представляете? Если бы мне кто-нибудь сказал о таком раньше, я бы отправил этого

идиота в цирк.

Кулаки Мейсона сжались. Ему захотелось ударить его, заткнуть. Его нужно было заткнуть. Но он просто стоял, будто приклеенный, как и остальные.

— Пришлось перестраивать смены. Больных предоставили самим себе, но затем начали происходить странные вещи. Сначала, по мелочи. Исчезли запасы длительного хранения, пропали аптечки первой помощи. Потом, хуже. Вырубались подводные передатчики и мы остались без связи, — он рассмеялся и смех этот был похож на хохот безумца. — Вам, наверное, интересно, как это случилось? А затем... появилось оно. Всего через пару дней после пожара.

— Что значит "появилось оно"? — спросил Николас. Он стоял на ногах. На своих ногах! Он был бледен, едва держался от боли, но, по его виду, даже дьявол не был способен его остановить.

— Взорвалось одно из хранилищ, — пояснил Гидеон. — Внутри него всё это время рос грибок. Если бы я не был столь рассеянным, я бы заметил скачки давления и смог всё предотвратить. — Он уткнулся взглядом в пол. — Было слишком поздно. Щупальца росли прямо из воды. Они опоясали все опоры. Окружили нас.

Все осмотрелись, словно чувствовали тяжесть того, что было внизу. Мейсон представил, что там творилось и вздрогнул.

— До замены оставалось несколько дней, — сказал Гидеон, — но мы решили, что с нас хватит. Те, кто не был заражен. Затем взорвалась передающая башня, — он изобразил звук взрыва, и стал, при этом, похож на ребенка. — Кто-то... короче, она разлетелась на куски. Вы должны были её заметить. Но как им удалось повернуть подобное при таком уровне безопасности? — ответом на его собственный вопрос стал очередной смешок. — Всё произошло, практически, одновременно. Наверняка, вам сказали, что всё произошедшее — случайность.

— Бессмыслица какая-то, — произнес вспотевший Мейсон. Этот человек был либо безумцем, либо лжецом, либо всё сразу.

— Большинство решило переждать. Скоро должна была прибыть смена и они смогли бы убраться отсюда. Но, полагаю, у "Вэлли Ойл" были другие планы. Не уверен, что заговор был всеобщим, но кто-то должен был что-то знать. Они должны были запросить снимки. Им нужно было дождаться времени пересменки, чтобы объявить тревогу. Затем они связались с вами, рассказали об упавшей башне и несчастном случае, так, ведь? — он осмотрел присутствующих так, будто его сказанное полностью его оправдывало. — Они, поди, даже не надеялись, что здесь хоть кто-то выжил. Вас отправили сюда, чтобы удостовериться в этом.

Все смотрели на доктора.

— Они настроились против нас. Команда изменилась. Оно растёт прямо внутри вас. Прорастает прямо из черепа.

— Чего? — спросил Мелвин.

— Мы заперлись в жилом блоке. Поначалу, они не могли до нас добраться. Если не верите, у меня есть документы. Прежде чем забаррикадироваться, я стащил на камбуз всё, что мог. Там полевые отчёты, соображения службы безопасности, показания посетителей из "Вэлли Ойл". Они были здесь незадолго до гибели Уитмена. Вы знали об этом?

Женщина хотела что-то сказать, но её опередил Эйджей.

— Что ещё они сказали?

Гидеон его, будто, не услышал.

— Мы могли бы продержаться, но кто-то... кто-то разбрызгал по стенам и по полу сырую нефть. Ей именно это и нужно. Ей нужна мертвая плоть, чтобы питаться. Она не может распространяться по металлу и бетону. Но её пронесли внутрь. Принесли нам. Они работали вместе, Гниль и те, кого она захватила. Мы могли бы спастись, но были сильно напуганы. И не знали, как защититься.

— Говори внятно, — сказал Ник.

— Мы были напуганы! — выкрикнул Гидеон. Он был не в себе. — Несколько человек выбрались. Они отправились на ближайший остров.

— Какой остров? — спросила Кейт. Она внимательно смотрела на доктора. — Тот, что на востоке? На тот остров?

Мейсон стиснул зубы. Он понял, что именно туда направился Райнер. Они там что-то нашли. Или этот что-то нашло их.

— А что с остальными?

— Мы были голодны. Адам и Джерри отправились за едой и пропали. Затем появились аргентинцы. Когда они нашли меня, то заперли на камбузе. Они не знали, с чем столкнулись. Оно заразило их, как и остальных.

Мейсон зашевелил челюстью. Затем произнес:

— Довольно.

— Вы, кажется, сказали, что это не вирус? — сказал Мелвин.

— Так и есть. Вирусы не бывают многоклеточными. Гниль — это нечто, вроде, защитного механизма, который выделяется в случае угрозы. И именно этим они занялись в первую очередь — попытались навредить ему. Попытались срезать и оно опрыскало их. Они и обратились и первыми. Когда вы ранены или больны, процесс проходит быстрее, — он судорожно смотрел то на одного, то на другого. — Среди вас нет раненых? Никто не порезался? Отвечайте!

Ник улыбнулся.

— Ну, меня подстрелили, — сказал он, указывая на ногу. — Значит, у меня проблемы?

Гидеон посмотрел на парня, будто видел его в первый раз. Наверное, так и было. Он был весь на нервах, видимо, не смог бы разглядеть и того, что у него под самым носом.

— Назад. Держись от меня подальше! Все вы!

Мелвин положил руку ему на плечо, но, видимо, это вышло у него слишком резко, доктор отпрянул в сторону и попытался его ударить.

Все, как будто, пришли в чувство, Мейсон бросился вперед.

— Держите его, мать вашу!

— Посмотрите на него! — кричал доктор. — Посмотрите, нет ли у него жара!

Мелвин пришел в себя, схватил тощего Гидеона и повалил на пол.

— Разумеется, у него жар, еблан ты тупорылый! Он чуть полноги не потерял!

— Вы не...

Закончить он не смог. Мейсон вдавил его голову в пол. Это не вырубил его, но здорово вышибло дух.

— Вы что творите? — выкрикнула Кейт.

— Отойди, — рявкнул Мейсон. Он оглядел остальных и увидел сомнение в их глазах. Сомнение не в рассказе этого человека, а в нём самом. Сомнение в их задании. Он снова удивился, как такое легкое начало оборачивалось бардаком.

— Калле, осмотри его.

— И что потом?

— Успокой, господи боже. — Приходилось каждому говорить, что делать. — Пора заканчивать. Я хочу, чтобы на платформе было безопасно. Чтобы была восстановлена связь. И хочу, чтобы нашли уже второй вертолет!

— И как нам всё это делать? — спросил Николас.

— Тебе ничего не нужно делать, парень. Ты не здоров.

— Чего?

— Ты слышал доктора и я не намерен рисковать. Ты, всё равно, не способен нормально передвигаться, так что никаких возражений! Ясно?

Парень не ответил и Мейсон удовлетворенно кивнул. Затем он повернулся к Кристиану.

— Виталле, найди ему теплое место.

— Где?

— Ну, учитывая, что большая часть платформы заражена, я бы предложил медотсек или посадочную площадку. Но медотсек сгорел.

— Я выбираю площадку, — сказал Ник. — Не собираюсь весь день дышать гарью, пока вы где-то ходите.

— Верная мысль. Но подниматься будешь сам.

— Мне это не нравится, — подал голос Эйджей.

— А мне плевать, что тебе там что-то не нравится.

Тот кашлянул и что-то пробормотал, но Мейсон сделал вид, что не расслышал.

— Сделай полезное дело, Эйджей. Проверь лодку внизу.

Настал момент истины: согласится ли он, или начнет устраивать проблемы?

— Хорошо. Проверю.

— Нужен полный осмотр. Удостоверься, что она на ходу и что топлива в баках хватит до острова.

Эйджей вздохнул и направился к лестнице. Возле неё он обернулся.

— Полагаю, день обещает быть не из приятных, Мейсон. Как считаешь?

— Он ещё не кончился, — ответил тот.

4

"Ты не виноват, парень. Просто не повезло. Ты получил неприятную рану в неудачный день".

Эйджей не помнил первой командировки с Мейсоном, но помнил последнюю. Ему было 26, он был ещё слишком молод, чтобы что-то понимать, но уже слишком стар, чтобы оставаться наивным.

Они сопровождали высокопоставленную цель вдоль пакистанской границы к западу от леса Чапри. Состав отряда тогда был иным, но люди — люди — были теми же самыми. Моча им так ударила в головы, что на какую-то внятную мыслительную деятельность просто не осталось места. Эйджей был не единственным среди них, кто учился в колледже, так что это тоже не могло сойти за оправдание. Всё, как обычно. Одна командировка за другой, щедрые гонорары, короткие отпуска. От попок в Стамбуле до заплывов в багдадской грязи. Одни командиры воспитывали в своих подчиненных дисциплину, а другие вскармливали зверя. Мейсон выращивал самых свирепых зверей. Но пока он заботился о своих людях, это не имело значения. Эйджей понял это, когда они попали в засаду в горах Бехсуд.

Они вели пленника задними дворами мимо старой бани и хлюпких домиков. Когда отряд уже покидал город, сверху, со скалы по ним открыли огонь трое моджахедов. Особой точностью они не отличались, но и достать их было, весьма, проблематично. Пулю получил только один — и им оказался их пленник. Рана оказалась не смертельной, но пуля задела бедренную кость. Это означало, что он не сможет бежать, что, в свою очередь, означало, что пленник терял всякую ценность.

— Ты не виноват, парень, — сказал тогда Мейсон, подходя к нему с ножом. — Просто не повезло.

Их пленник был не моложе Мейсона, но тем утром, он выглядел гораздо моложе. Он не был пожилым шейхом или муллой с бородой до колен. У него была современная стрижка, одет он был в европейский деловой костюм. Мейсона, впрочем, это не смутило. Он прирезал его, как свинью на ферме и отрезал палец в качестве доказательства. Они прошли по хребту и больше никто не пострадал, но день, всё равно, выдался неудачным.

"Очень неудачный день"

— О чём задумался? — спросил Мейсон.

Полет мысли Эйджея прервался.

— О прошлом.

Тот посмотрел на него, затем кивнул. Эйджей понял, что всё написано у него на лице и Мейсон без труда это прочитал. Когда через пару недель после той вылазки он уходил из отряда, то даже не потрудился попрощаться. Та жизнь — жизнь вольного наёмника — была не для него. Жизнь вообще не должна быть такой трудной. Брубейкер считал, что Эйджей предал своих братьев, но это глупости. Люди вроде Мейсона всегда горячи, но они неспособны унять свой пыл, равно как и неспособны уйти. И всегда завидовали тем, кто способен.

Эйджей отряхнул руки.

— Лодка в порядке. И топливо, всё ещё, есть.

— Значит, пора осмотреться. Поедешь с нами.

— Так и знал.

— Ты знаешь всё вокруг. Поэтому тебя сюда и взяли.

Так и было. Ещё до строительства, вместе с главным геологом они пару раз обсуждали этот вопрос. Но ему, всё равно, от происходящего было не по себе.

— Я здесь, потому что знаю "Эсхил", а не потому что знаю всю округу.

— Ты там бывал?

— На острове? Нет. Что ты там собираешься искать?

— Выживших, — ответил Мейсон. — И вертушку.

И то и другое, казалось логичным, но Эйджей уловил в его интонациях что-то ещё. Любопытство? Раньше Эйджей никогда бы не заподозрил своего бывшего командира в интересе к побочным сторонам задания. Но зрелище ужасных наростов на "Эсхиле" взбудоражит любой ум.

Мейсон перелез через перила и уселся в лодке рядом с Кристианом. Затем повернулся и внимательно посмотрел на Эйджея.

— Так, ты с нами?

— Пожалуй, нет.

Мейсон недовольно шевелил челюстью, словно прожевывал его ответ. Казалось, он был не в том настроении, чтобы слышать отказ.

На лестнице появилась Кейт.

— Эй, куда это вы?

— Отойдите, мисс МакКриди. Вы останетесь здесь, с моими людьми.

— Прошу прощения, но вы не командуете гражданскими, мистер Брубейкер!

— Мэм, отойдите от причала. Это вопрос безопасности. Остров недалеко, но мы не знаем, что там. Я ответственен за вашу сохранность и не собираюсь рисковать гражданскими, тем более, если это сотрудники "Вэлли Ойл".

— Разумеется! А эти двое? — она указала на Эйджея и Голландца, которые стояли у перил неподалеку.

Мейсон вздохнул. Он знал, что она поедет с ними. Знал, потому что сам её надоумил.

Эйджей взглянул на Кейт.

— Что ты собираешься...

Но, прежде чем он закончил, она спрыгнула с причала и приземлилась на носу лодки. У неё почти получилось. Одна нога сорвалась и она начала скользить в воду, когда Мейсон схватил её за руку и затащил на борт. Эйджей удивился, насколько же здоровым он был — его ладонь целиком обхватила бицепс девушки.

— Спасибо, — сказала Кейт. Из-под её рубашки вылезла бретелька лифчика и она отвлеклась, чтобы её поправить. Когда она посмотрела вверх и встретилась взглядом с Эйджеем. "Что ты творишь?" — читалось в нём.

— Свою работу, — ответила она на этот невысказанный вслух вопрос. — Их нужно найти!

Кристиан нашел замок зажигания и двигатель ожил. Он нажал на газ и они, обогнув торчащее из воды щупальце, умчались в море.

Когда они отдалились, к Эйджею подошел Голландец.

— Да, ладно тебе, братан. Всё равно бы не получилось. Это её выбор.

— Я ему не доверяю. Их там что-то ждет.

— Ну и пусть.

Эйджей согласился. Но ощущение неудачно сложившегося дня, всё равно, не отпускало его.

Глава 10. Один в поле не воин

Где-то в южной Атлантике. Январь 1939 года.

1

Он услышал крик Генриха и замер на замахе с топором в руках.

Ари крепче прижал к себе девочек.

— Ещё раз, Доминик!

Веревка гарпуна натянулась и их судно качнулось, топор выпал из рук и воткнулся в палубу в миллиметре от ноги Доминика. Концы, за которые была привязана спасательная шлюпка, были перерезаны только наполовину, а время стремительно уходило.

— Ещё раз! — крикнул Ари. — Ещё!

Пришлось потратить немало усилий, чтобы убедить Ари в успехе своей затеи, но сейчас он стоял и орал на Доминика, как сумасшедший. Во тьме реальная опасность не так заметна, и здесь и сейчас, в шаге от свободы, её воздух опьянил его, как и остальных. Глядя на него, трудно было поверить, что этот человек в чём-то когда-то сомневался.

— Ещё раз!

В этот момент Доминик заметил тень. В тумане и брызгах он распознал силуэт человека. Силуэт этот был толст и одет в серую форму Гестапо.

Борис Зайлер поднялся на палубу с пистолетом в руке. Судно трясло и раскачивало, но он продолжал идти вперед.

— Вы пытаетесь сбежать. Нельзя сбежать. Наказание за попытку побега — смерть.

Доминик ничего не видел, но был уверен, что он улыбается. Он помнил, что Зайлер убил их водителя на мосту в Киле, а тот был ещё, практически, ребенком.

С криком он бросился на гестаповца. Будь он проклят, если сегодня из-за него кто-нибудь умрет.

На лице Зайлера появилось нечто похожее на удивление. Он поднял пистолет и в его черном стволе Доминик увидел собственную судьбу. Но тут пиратский корабль пошел ко дну и "Адальгиза" качнулась за ним. Зайлер ударился о перила и пистолет выпал из его руки. Затем он упал на спину и над ним возник Доминик. Бывший пленник поставил ногу на грудь Зайлеру и был уже готов покончить с ним.

— Доминик! — донесся до него окрик Ари.

Он обернулся и увидел, как его товарищ стоял лицом к лицу с лейтенантом. Удивительно, как Дитрих умудрился подобраться к ним незамеченным. Прежде чем он смог что-либо сделать, Ари схватил его за запястья.

Доминик понимал, что медлить нельзя и занес топор над Зайлером. Он мог одним ударом перерубить ему шею и сбросить тело в море.

— Нет! — закричал гестаповец. — Не убивай меня!

Топор замер. Доминик хотел изо всех сил опустить руки, но они не слушались.

— Я не собирался стрелять! — проговорил Зайлер. — Я хотел вас только напугать!

Доминик слышал щелчок, перед тем, как пистолет отлетел в воду, но не был уверен, действительно ли он не был заряжен или случилась осечка.

— Мы уходим отсюда, — услышал он собственный голос. — Ты понял меня? — Зачем он вообще разговаривает с ним? Один удар и они уже на полпути к свободе.

— Камински, отдай топор! — крикнул Дитрих.

Он обернулся и заметил, что лейтенант, по-прежнему, находился в объятиях Ари, но попыток нанести ему вред не предпринимал. Казалось, он просто пытался вырваться.

— Мы сейчас опрокинемся! — крикнул, практически, даже, взвизгнул, он. — Отдай топор! Нужно перерезать веревку! Отдай!

И, словно, в доказательство его слов, судно сильно качнулось и Доминик услышал вскрик, такой же холодный и полный безнадежного отчаяния, как и вода за бортом. Он снова поднял топор, но на этот раз, он смотрел на Харальда. В стороне, в тени он заметил силуэты дочерей, которые следили за каждым его движением.

— Ради бога, Доминик, делай, что собирался! — выкрикнул Ари.

— Мне нужно освободить его! — сказал Харальд. А затем, попытался успокоить его: — Ты не сделал ничего предосудительного! Просто, позволь мне спасти нас всех!

Доминик представил, как опускается топор. Представил, как Зайлер вскидывает руки, как лезвие разрубает запястья и врезается в череп. Представил, как повсюду разлетаются брызги крови, как отлетают в стороны похожие на крошечных рыбок отрубленные пальцы.

Эта картина предстала перед ним на какое-то мимолетное мгновение.

— Папа! — закричала София.

Он посмотрел на неё и увидел, как она вышла из тени и направилась к нему. Она, всё ещё находилась позади Ари, но тянула к нему тонкие ручки и от этого зрелища собственные руки Доминика стали нестерпимо тяжелыми.

Глядя ей в глаза, он опустил топор и передал его Харальду.

2

Лейтенант освободился от объятий Ари и подхватил топор. Ему очень хотелось огреть мелкого говнюка деревянной рукояткой, но времени на это не было. Вместо этого, он развернулся и побежал к носу, качаясь на ходу вместе с корпусом судна. Волны выплескивались на палубу, грозясь смыть в море всех, кто был на судне. Мимо пролетел огромный ящик, ударился о борт и разлетелся на мелкие щепки. Харальд пробежал мимо него, слыша непрерывные крики Генриха. Вокруг капитана собрались несколько человек, пытавшихся освободить его от прижавшего каната. Один даже лежал на полу.

— Разойдись! — закричал Харальд. — Разойдись! В сторону!

Распихивая толпу руками, он подошел к капитану. Трудно было сказать, в каком он находился состоянии. Его кожа была мертвенно бледной, а лицо мокрым. Его предплечье было прижато к швартовочной тумбе, оно было как-то странно повернуто, сквозь кожу торчал осколок кости. Харальд вспомнил наставления старого друга: "Нужно перерезать канат, как можно ближе к узлу, иначе он отпружинит назад". Смысл в этих словах был, но времени на точный удар не оставалось. Он подумал о том, что бы сказал Генрих, если бы знал, что от его совета будет зависеть его собственная жизнь.

— Аккуратнее! — крикнул позади него Карл. — Ради бога, не порань его!

Харальд замахнулся и ударил. Удар получился хорошим — канат удалось перерубить наполовину. Затем судно снова качнулось и он упал.

— Сейчас опрокинемся! — крикнул кто-то.

Харальд снова поднял топор и понял, что не может замахнуться — угол наклона стал слишком крутым. Он опустил топор и начал молотить по канату мелкими частыми ударами. Шли долгие секунды, но нити каната начали рваться.

На палубе разбилось ещё несколько ящиков. Кто-то заскользил на животе за борт. Ему

удалось зацепиться за лестницу на передней палубе и уберечь себя от падения. Глаза несчастного блестели от страха.

Харальд продолжил бить по канату, слушая, как рвутся нити. Генрих перестал кричать и лейтенант уже не был уверен, что капитан жив.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

И тут канат порвался. Треск и его разорвало надвое. Судно тут же качнулось в обратную сторону, вслед за ним полетели люди и груз. Харальд потерял равновесие и снова упал.

— Вырвались! — закричал он. — Вырвались!

Тело Генриха проскользило по палубе и отлетело к стене. Оно перекувыркнулось через фальшборт и исчезло в ледяных водах.

— Нет! — выкрикнул Харальд. — Нет!

Вскоре судно успокоилось и воцарилась тишина. Капитан исчез вместе с пиратским кораблем.

3

Тишина, воцарившаяся с гибелью Генриха, окутала судно, словно покрывало. "Адальгиза" превратилась в бездушный механизм, который шел мимо мелких островов, неся на борту только призраков. Ремонт занял 12 часов и, с тех пор, не было никаких происшествий.

Для Доминика эта тишина не была никак не связана с капитаном. Вместе с семьей он безропотно вернулся в кладовую, ожидая заслуженной кары. Часы проведенные во тьме, сводили его с ума. Его план провалился, и из-за этого, под угрозой оказались их жизни. Несмотря на все его угрозы, он понимал, что его дочери не так защищены, как бы ему хотелось думать. Ему доводилось видеть, как в Рейхе пытали заключенных. Они отняли у него Мэгги. Наверное, теперь отнимут и Софию с Люсией.

Он плакал, сидя в темноте.

Вскоре они пришли за ним, за девочками и за Ари. Какое-то время они стояли, обнявшись.

Только София смогла что-то сказать.

— Всё в порядке, папа, — произнесла она. — Мы любим тебя.

Он рассмеялся от её слов. Затем задумался. Задумался над тем, что они подумают, если лейтенант вернется и уведет его. Будут ли они столь снисходительными?

Вскоре он уснул и его сны были полны отчаяния. Во сне он стоял на палубе с топором в руке. Только, вместо Зайлера у его ног лежала София. Когда судно качнулось, она сползла за борт. Это было самое ужасное видение — тонущая София.

Когда он очнулся, то понял, что находится в камере один.

— София? — позвал он. — Ари?

В приступе паники он поднялся на ноги. Покачиваясь, он вышел в коридор, к каютам экипажа. Там находилось несколько человек. Они сидели на лавках и смотрели на него голубыми арийскими глазами.

— София? — выкрикнул он. — Люсия?

Он осмотрел комнату, надеясь, что не заметил их за лавками или за телом мертвого матроса.

Кто-то схватил его за локоть, последние остатки сна исчезли и он увидел лежавшего в гамаке сержанта Айхмана. В другой руке он держал переведенный на немецкий том

"Энеиды". Трудно было представить подобную книгу в этой руке. Доминик привык считать, что его захватчики были тёмными и неграмотными.

— Где мои дочери? — прошептал он. Он понимал, что вопрос звучал глупо, потому что иной причины находиться здесь у него не было.

Вместо ответа Ян освободил его локоть и указал на потолок. "Наверху".

Доминик бросился к лестнице. Он подумал, как же он устал от всего этого. Время, проведенное в заключении многое меняет в голове. Заставляет на многое смотреть иначе. Это привело его к другой мысли: оставил бы он Зайлера в живых, если бы они провели на судне день, вместо месяца? Испытывал бы он сострадание, был бы настолько истощен? Он вздрогнул. Лучше перестать об этом думать, пока эти мысли не захватили его.

Он взбежал на палубу.

— София?

И тут он увидел их, всех троих, стоявших у фальшборта. Если рядом и был Зайлер или лейтенант, поблизости никого из них видно не было. Возможно, неудавшаяся попытка бегства прибавила им самоуверенности. А почему нет? Мысли о бегстве теперь вызывали только грусть и тоску.

Девочки обернулись на звук его голоса и улыбнулись. Доминик обнял их.

Когда он отпустил их, Ари произнес:

— Взгляни-ка. Мы на месте, Дом.

Когда Доминик посмотрел, куда указывал Ари, то замер с открытым ртом. Открывшаяся перед ним картина не была похожа ни на одну, из виденных ранее. Он увидел песчаный пляж, испещренный крошечными озерцами голубой воды, с осколками льда в них, которые блестели на солнце. За пляжем Доминик разглядел черную землю, которая образовывала холмы, покрытые, будто, вытолкнутыми прямо из ядра планеты скалами. Вершина самого высокого холма была покрыта облаками и было неясно, где заканчивалась снежная шапка и начинались тучи. Окажись тут верующий человек, он бы, наверное, решил, что это путь в рай, возведенный Господом, но Доминик подумал, что эти допотопные скалы были выстроены предками христианского бога и вели в Вальхаллу или на вершину горы Олимп.

Вид этих скал, пустого пляжа, мерцающих вод никак не соответствовал привычным ожиданиям, поэтому он мог только стоять и смотреть. Если ему предстоит умереть в заключении, более подходящего места не найти. Из транса его вывел голос Люсии.

— Что? — переспросил он.

Одной рукой она взяла его за руку, а другой указала в сторону берега. Он посмотрел туда и увидел причал и несколько разваливающихся строений. Несмотря на то, что зрение у него было слабым, он различил на причале несколько замерших в ожидании фигур.

— Мы тут не одни.

Глава 11. Руины

Нефтяная платформа "Эсхил" и остров. Наши дни.

1

Кейт смотрела на приближающийся берег, но, в отличие от Люсии, не видела на нем никакого движения.

"Что ты хотел, чтобы я увидела, папа? Что хотел, чтобы я нашла?"

Острова не было ни на одном из снимков, но она, каким-то образом, чувствовала, что он связан с произошедшим на платформе. И все её мысли были связаны только с этим. Работа, прошлая жизнь, крестный со своими загадочными увещеваниями — всё это оказалось где-то в другом мире. Ей было трудно принять всё, что рассказал доктор Грей, поэтому она сделала то, что всегда делала, когда не понимала и не принимала полученную информацию — систематизировала её. Она позволила своему подсознанию сделать собственные выводы. Она была уверена, когда начнется заваруха, у неё будут самые крупные неприятности. Трудно было поверить, что "Вэлли Ойл" ответственна за произошедшее на платформе, но если они виновны в ухудшении ситуации, если они допустили ту самую роковую ошибку, которая привела к гибели людей, она всё это просто так не оставит. Начнется такое, чего даже Готфрид предотвратить не сможет. Потому что, теперь у неё была власть. А сейчас нужно сосредоточиться. Отец дал ей зацепку, и она не собиралась её терять, неважно, какими, при этом, будут последствия для всего бизнеса.

Но она слишком торопилась. Единственное, о чём ей нужно было думать — это рассказы голодного доктора и щупальца, опутавшие платформу, которые он назвал Гнилью.

— Вон, — подал голос сидевший рядом Мейсон. — Тот причал ещё цел.

Лодка повернула и двинулась в указанном направлении. Кроме негромкого рокота двигателя, никаких звуков не было слышно. Ни щебета птиц, ни всплеска воды, ни, даже, жужжания насекомых на ветру. Только тишина заброшенной деревни, да скрежет деревянного настила на причале.

— Заглуши двигатель, — приказала Кейт.

Кристиан удивленно посмотрел на неё, но подчинился и какое-то время они по инерции скользили в сторону пристани.

— Слышите?

— Что?

— Ничего, — пояснила она. — Там ничего нет.

Мейсон поднялся на причал и принялся осматривать округу. Когда лодка уткнулась в пирс, он прервался, чтобы пришвартоваться к баку, затем вернулся к осмотру. Кристиан сбросил якорь и их небольшое судно замерло.

Мейсон обернулся.

— Ну, по крайней мере, в нас никто не стреляет. Хорошее начало.

— Чисто? — спросил Кристиан.

— Ни лодок у причала, ни признаков жизни на берегу, — он пожал плечами. — Я тут стоять не намерен. И ты тоже.

— Я с вами, — сказала Кейт.

— Я так и понял.

Когда они поднимались по пирсу, он предложил ей руку помощи, но она отказалась и

он ухмыльнулся.

Вскоре они обнаружили несколько металлических крюков и труб. Кейт решила, что это какие-то рыболовные снасти, но инструменты выглядели как-то слишком примитивно и, на взгляд Кейт, жутковато. У берега стояла хижина цвета выцветшей бумаги и через открытые двери она увидела ножи, молотки и контейнеры для отходов размером с автомобиль. Подул ветер и до них донесся звон потревоженных им цепей.

Мейсон знаками приказал ей оставаться на месте, а сам вместе с напарником двинулся вперед. Повторяя в миниатюре то же, что делали на платформе, они осмотрели пляж и близлежащий дом. Кейт шла за ними на небольшом отдалении. С последнего склада так воняло, что она и шагу не могла ступить, не закашлявшись. Закончив осмотр, они вернулись к центру, зажимая носы. Мейсон что-то сказал и Кристиан побежал к холмам.

— Я сказал вам стоять на месте, — произнес Мейсон, когда она подошла.

Кейт проигнорировала его замечание.

— Они... они там?

— Рабочие? Нет. Что бы там ни было, оно мертво уже очень давно. — Он осмотрелся. — Но что-то, всё равно, не так. Чуете?

Кейт кивнула. Она не могла сказать, что именно было не так, но ощущение было именно такое. Она могла описать происходящее вокруг только одним словом: "неправильность".

— В деревне есть следы обуви. Современной обуви. Полагаю, это кто-то из выживших.

Кейт принялась осматриваться, но ничего не обнаружила. Мейсон, определенно, знал, куда смотреть.

— И куда они ушли?

— Туда, на скалы. Самый лучший вариант, как по мне. Не переживайте, мы их выследим.

Кейт обошла его и принялась внимательно оглядывать округу. Какое-то время она просто ходила, остановившись, наконец, у хижины с открытой дверью. Внутри обстановка была такой же, как снаружи: металлические стены, ржавые полки, гнилой линолеум под ногами. Под линолеумом просматривался слой бетона. Он был таким шершавым, что Кейт сквозь обувь чувствовала все выпуклости. С потолка свисал одинокий крюк, назначение которого осталось в прошлом. Никаких признаков жизни не было. Не было ни записей, ни учетных книг, ничего, что могло бы рассказать о прошлом. Как и причал, это место было мертво.

Она уже собиралась выходить, как заметила на полу какую-то тряпку. Когда-то она была красной, но с годами выцвела. Она подняла её и поморщилась, ругая себя за то, что не захватила перчатки. Тряпка оказалась флагом и, когда Кейт развернула его, она замерла. Символ в его центре был старым, но вызвал у неё более сильные эмоции, чем она ожидала.

— Командир!

От звука голоса она вздрогнула и выронила флаг. С холма спускался Кристиан и жестами подзывал их к себе.

— Ты нашел вертолет? — спросил Мейсон. Он тоже занимался осмотром местности, но, судя по всему, не преуспел.

— Нет, сэр.

— Нашел дорогу?

— Вон там, — он указал в сторону.

Они замерли. Путь на противоположную сторону острова зарос щупальцами Гнили. Они были толстыми и непроницаемо черными, ничем не отличаясь от почвы, из которой росли.

— То же, что и на платформе, — сказал Мейсон. — Тут мы не пройдем. Надо возвращаться.

Дыхание Кейт участилось.

— Нет. Тут что-то есть.

— Ничего тут нет.

— Есть. — Она чувствовала. Место было очень старым, тут уже были люди. Давным-давно. Не нефтяники, не сотрудники компании, а солдаты из другой эпохи. Если они стали жертвой того же, что и "Эсхил", она должна найти выживших, пока не поздно.

Мейсон посмотрел вниз. Затем нагнулся, поднял с земли камешек и швырнул его в одно из щупалец. Камень отскочил от его поверхности.

— Мы опоздали.

— А следы? Ваш вертолет? Как же они?

Мейсон молча смотрел на неё.

— Я выясню, что случилось со всеми людьми. Не хотите помочь — я найду дорогу сама. Он посмотрел на Кристиана, но в его взгляде был не гнев, а веселье.

— Это решение приведет вас в могилу, милочка. Всё равно, я пошутил, — он проверил оружие. — Отец гордился бы вами.

— В следующий раз держите мнение о нем при себе, — ответила она, но в душе понимала, что он прав. И была рада этому.

— Обойдем вокруг. У побережья мелко, так что будет несложно.

Кейт выпрямилась. Мелководья она не боялась.

2

ЭйДжей старался забыть немало вещей. Начало работы с "Блэк шэдоу" было одной из них. День, когда он осознал, что его брак рухнул, тоже. Но самое мерзкое ощущение оставил тот день, когда его уволили с последнего места работы. Эта сделка высосала из него все силы, как через соломинку. С этого момента у него всё пошло не так. С этого момента он потерял веру во что бы то ни было. Теперь он начал понимать, что тот день значил на самом деле, но всё равно пытался его забыть.

— Опять этот странный взгляд, — сказал Голландец.

Они прогуливались по средней палубе, оценивая повреждения бурильной установки. Райнер и Мартен пропали, Мейсон и Виталле уехали на остров, так что следить за ними стало некому.

ЭйДжей остановился и посмотрел на высеивающий вал. Он видел его во время строительства, но сейчас, в рабочем положении он выглядел неворотно. Защищенный стальными балками и сеткой, вал уходил вверх до самой вышки, а внизу исчезал в морских глубинах, где вгрызался в океанское дно на много сотен футов. Сырая нефть выкачивалась с помощью ряда насосов и поступала прямоком в нефтехранилище.

— Всё это было построено на материке. Бывал когда-нибудь на таких стройплощадках? Наши роторные экскаваторы, по сравнению с этим — детские игрушки.

Голландец, будто, не слушал.

— О чём задумался, старик?

— Всего этого бы не случилось, если бы я остался в должности. Поэтому меня и уволили. Помнишь?

— Ты, как-то, рассказывал. Помню.

— Эти мысли грызут меня, Голландец. Перед девчонкой стараюсь этого не показывать, но, когда вижу всё это, от мыслей никуда не деться.

— А, ну-ка, погоди. Всё это — не твоя вина. Но ты можешь всё исправить, если ты об этом.

— Не, я о другом. То, о чём рассказал доктор, навевает мрачные мысли, не так ли? А что если исправить уже ничего не получится? Что если им никогда не следовало бурить здесь?

Голландец пожал плечами.

— Не знаю, старик. Меня тут не было.

ЭйДжей не хотел пересказывать историю своего увольнения. Он верил Голландцу и, раз тот говорил, что помнил её, то, так оно и было.

Когда проекту "Эсхил" был дан зеленый свет, понадобилась целая куча подписей и согласований: с властями, с комитетом по бюджету, с агентством по защите окружающей среды, с международными организациями, с инженерами, со службой безопасности. И последний пункт представлял из себя проблему. Он сам представлял эту проблему. Когда в производство сооружения вкладываются 2 миллиарда долларов, оно должно быть построено, несмотря ни на что. И единственной задержкой выступали безопасники и геологи, но последние, в итоге, отступились.

В конце концов, ученые согласились, что показания температуры воды согласуются с их прогнозами относительно полезной нагрузки земной коры. Это было верно. Но они не учли того факта, что данные о замерах температуры вокруг острова были скрыты. Не учли, что температура воды между островом и местом строительства платформы за последние 10 лет резко выросла, что говорило о серьезном геологическом феномене. ЭйДжей решил, что виной всему было движение южно-американской тектонической плиты. Или извержение геотермальных источников на дне океана. Или последствия сброса отходов с какой-нибудь аргентинской АЭС. Но точно он не знал. Да и не должен был. Но расследования и выяснения не начинают без причины. Поэтому, из-за этой задержки его и уволили. Его. Стоит отдать должное, кое-кто посчитал данные интересными, но не столь интересными, как 2 миллиарда долларов. В любом случае, производство продолжилось, а ЭйДжея отпустили на все четыре стороны.

Вопрос, который не давал ему покоя, был не в том, почему его уволили. Это-то, как раз, было ясно. Его волновало, зачем его вызвали обратно. Говно уже попало на вентилятор и причина всего случившегося, отнюдь, не в геотермальных источниках.

— Ты слышал, как док сказал, что собрал все бумаги, связанные с происшествием? Я не видел, чтобы кто-то ходил на кухню, а ты?

Голландец не ответил, но ему и не требовалось. ЭйДжей оглядел платформу, подсчитывая остальных. Мелвин с доктором на уровне выше. Джин работал с передатчиком внизу. МакХалистер и молодой тащились на посадочную площадку и Ник, должно быть, был вынужден слушать рассказы о "старых добрых временах". Остался только...

— Сен-Круа? Где он?

— Я слышал, как он спускался к Джину, но это было несколько минут назад.

— Что думаешь?

— Я с тобой, при любых раскладах, старик, ты же знаешь. Но соваться, куда не следует — это дело девчонки, не твоё. И не моё.

— Ага, — согласился Эйджей. Он подумал о Кейт, которая осталась наедине с двумя самыми опасными типа из всей группы. Он мог лишь надеяться, что она в порядке. — Её здесь нет, а мы можем упустить реальную возможность, когда они вернутся. Может, док и не понимал до конца, что там за бумаги, но Кейт, точно, должна быть в курсе. Надеюсь, она достаточно умна для этого.

— Может быть.

— Согласен.

— Думаешь, ей можно доверять?

— Она хочет во всем разобраться, Голландец. Не знаю, почему, но для неё это важно. Не говори, что сам этого не видишь.

Его друг какое-то время молчал.

— Может быть. Считаешь, нас попытаются остановить?

— Если бы Мейсон был здесь, никаких сомнений.

— Но его здесь нет.

— Его здесь нет — не нужно было упоминать, что Эйджей чувствовал свою персональную ответственность за происходящее. Он не считал нужным объяснять это вслух.

Голландец вздохнул.

— Ладно. Что мне делать?

3

Поверхность острова была скалистой и, довольно, труднопроходимой. Они двигались по песку, когда была возможность и прыгали по скалам, когда иного пути не было. Какое-то время им, даже, пришлось преодолевать водную преграду — путь преграждал огромный кусок скалы. Вода оказалась тёплой, даже неестественно тёплой, но, кроме Кейт, никто этого, кажется, не заметил.

По пути, Кейт заметила недалеко от берега островок. Он был покрыт зеленью и старым пометом. На нем должны были селиться птицы — или пингвины с котиками, — учитывая, как далеко к югу они находились. Но сейчас остров пустовал. Весь берег представлял из себя пустынную серую полосу, омываемую водой.

— Вон там, — сказал Мейсон, остановившись прямо перед ней.

Поначалу, она не смогла ничего разобрать. То, на что указывал мужчина выглядело слишком обычным для местного пейзажа. Затем дымка рассеялась и показалась стена. Она не была монолитной, но состояла из нескольких полукружий, каждое в высоту 15 футов и длиной в 20–25. В промежутках, там, где стены установить не было возможности, тянулся забор и колючая проволока. Раньше она ничего подобного не видела. Это была крепость, но построена она была из отдельных блоков, нагроможденных так, что они формировали гигантское сооружение.

Они подошли ближе и Мейсон вынул длинный нож с зубцами на обратной стороне лезвия. Этим ножом он начал пилить колючую проволоку. Кейт заметила, что не только они пытались проникнуть внутрь — повсюду проволока была оборвана. Казалось, что-то очень хотело проникнуть за периметр.

Последний кусок проволоки лопнул и Мейсон смог соорудить достаточно широкий проход, чтобы мог пройти человек.

— Дамы вперед.

Кейт шагнула, и на неё нахлынуло то же странное беспокойство, что и на берегу. Оказавшись между стенами, она не могла видеть, что творилось по ту сторону. Она сглотнула слюну и попыталась убедить себя, что ответы на все вопросы находятся именно там, что выжившие рабочие находятся именно там.

— Мы не можем тут весь день торчать, принцесса. Вай, давай, вперед.

Не говоря ни слова, Кристиан обошел её, лег на живот и пополз вперед.

Мейсон улыбнулся ей. Он не мог знать наверняка, что там впереди, но, явно, догадывался. Кейт тоже легла на землю и поползла. Странно, но почва холодная. Как будто, неожиданно пришла зима, или остров появился откуда-то из другого места. Она проползла под проволокой, встала и очутилась между бетонными стенами, где-то внутри периметра.

Когда она повернулась, то увиденное не удивило её, хотя, всё равно, захватывало дух. Не было никаких признаков рабочих, ни пропавшего вертолета Мейсона. Внутренне убранство крепости — бункеры, башни, электростанция, сама земля — всё было превращено в руины.

4

Папки с документами были грудой сложены в кухонном шкафу. Они в беспорядке лежали на полках, отдельные листы, то и дело, вываливались из них на пол, где смешивались с пустыми банками и мусором, оставленным последними посетителями. Для Эйджея было странным, зачем хранить так много распечаток, после того, как в куче мусора он нашел несколько винчестеров. Они для него казались предпочтительнее, вряд ли доктор Грей выбирал, что брать. Весь камбуз превратилась в хранилище улик.

— Никогда бы не подумал, что доктор — такой скряга, — произнес Голландец, заглядывая через плечо Эйджея.

— Ага, я тоже.

— Думаешь найти тут то, что нужно?

Эйджей взглянул на горы папок и бумаг и подумал, сколько же среди всего этого хлама.

— Не знаю. Надеюсь. Если доктор собирал тут рецепты пирожков, то ещё безумнее, чем кажется.

— Ну, всё это твоя идея.

— Постой на стрёме. Дай знать, если кто-нибудь из них пойдет сюда.

— Ага.

— И постарайся не светиться.

— Ага.

— Голландец, ты меня слышал, старик? Аккуратнее.

Тот раздраженно посмотрел на него.

— Ага.

Когда Голландец вышел, Эйджей нашел фонарик Гидеона и включил его. Помещение и в темноте выглядело небольшим, а при свете фонаря, так, вообще, казалось крошечным, но в качестве самодельной тюрьмы подходила неплохо. В кладовой царил суший бардак, Эйджею пришлось отфильтровывать находки, оставлять хоть что-то, более-менее полезное, а всё остальное он выбрасывал за дверь.

— Как там дела?

— Чисто. Я только из-за угла высунулся. Видел твоего другана, он возвращается с посадочной площадки.

— Моего другана?

— Мелвина. Я же заметил, как вы влюбленно друг на друга смотрели.

— Ага, конечно. Сен-Круа видел?

— Нет.

— Продолжай наблюдение. — Тут ему на глаза попались платежные ведомости. — Знаешь, сколько здесь зарабатывает разнорабочий за трехнедельную смену?

— Нет.

ЭйДжей отбросил бумаги.

— Больше, чем ты.

— Ну, всё, ты разбил мне сердце.

Он нашел учетные записи, закрытые платежные квитанции, страховые претензии, истории болезни, доклады — всё то, с чем ему приходилось иметь дело, когда он ещё тут работал. Но, всё это бесполезно. Большую часть он выбросил, оставил только какие-то банковские записи. Времени до возвращения Мейсона было мало, но что-то же здесь должно быть. Зачем Гидеону всё это сохранять? Если он адекватен, нужно будет расспросить его.

Когда он закончил, то в его руках осталось не более дюжины листков, которые он счел полезными. Он выругался и смёл с полки несколько жестяных банок, которые с грохотом упали на пол.

— Что там происходит, мать вашу? — донесся крик Голландца.

— Ничего! Ничего не происходит!

— Тогда, лучше сваливать, старик. Мы тут просто гости.

ЭйДжей собирался уже выйти из комнаты, как, вдруг, замер. Что там Голландец сказал...

"Гости".

На полу валялась беспорядочная куча бумаг и ЭйДжей принялся рыться в ней. Разгребая этот завал, он создал новый, в раковине, уже заполненной посудой и протухшей едой, которая, несомненно, где-нибудь в другом месте, привлекла бы полчища насекомых. Он отбросил списки оборудования, устаревшие напоминания, рукописные заметки и... чуть не выбросил журнал учёта посетителей "Эсхил" был частной территорией повышенной опасности. Все посетители регистрировались и на материке, в главном офисе, и здесь, на месте. Он взглянул на последние заметки. Запись была сделана неделю назад, с восточного побережья прилетел вертолет с людьми. Тремя, если быть точным. Двое были микробиологами окружающей среды, как и Гидеон. Их задачей было проанализировать и задокументировать первое появление грибка. Судя по всему, большая часть их доклада оказалась утрачена, но основной вывод был "безвреден" и "неинвазивен". Под заключением стояла подпись третьего члена группы — главы юридического совета "Валли Ойл". Глава юридического совета здесь, на "Эсхиле". Микробиологи, впоследствии остались, а он улетел восвояси.

— Голландец! — крикнул он. — Голландец, иди сюда!

Но его друг не отвечал. Эхо голоса ЭйДжея утонуло в океанских волнах.

5

— Где это мы? — спросила девушка.

Мейсон взглянул на неё, затем снова на дыру. Под его ногами открывалось нечто, вроде

подвала. Справа от него валялась обгоревшая наблюдательная вышка. Внутри ближайшего бункера, казалось, что-то взорвалось. Остальная база выглядела не лучше: выломанные двери, искореженный бетон, земля была усыпана гильзами из другой эпохи. Люди, которые были здесь, ушли отсюда, кем бы они ни были. Совсем, как на нефтяной платформе. И уже давно, судя по всему.

— Что бы тут не было раньше, теперь здесь ничего нет.

— Где все?

— Осмотритесь. И скажите, что думаете.

— Это всё равно не прояснит, куда делись друзья Гидеона.

Мейсон повернулся и увидел, как из-за забора вышел Кристиан. Он был весь мокрый, со штанов капала вода. Он кивнул командиру и Мейсон коротко кивнул в ответ.

— Дальше не пройти, не искупавшись. Обойти вокруг тоже не получится.

— И?

— И всё.

— Всё?

— Хватит тупить. Вы, поначалу, мне понравились, а теперь начинаете раздражать.

— Но мы же ничего не нашли! — она суетливо огляделась вокруг.

— Взгляните, пожалуйста, на ворота и скажите, что видите?

Когда они находились у причала, путь в холмы зарос грибком. Но если там он просто рос из земли, то здесь ворота были поражены им. Ростки извивались и переплетались друг с другом, как старые дубы.

— Его тут ещё больше, — сказала она. — Не пройти.

— Именно.

— Она тряхнула головой и прошлась.

— Они должны быть здесь. Гидеон так сказал.

— Гидеон — сумасшедший. Если вы считаете, что мы должны остаться здесь и прорубаться через ворота, то и вы тоже не в себе.

Казалось, девушка ничего не поняла, но он ошибся. Это конец.

Конец.

Ни вертолета, ни Райнера. Ни рабочих, ни ответов. Нихера.

Он повернулся к ближайшему бункеру. Абсолютно не понимая, что делать дальше, он швырнул винтовку и со всей силы пнул дверь. Металл задрожал от удара. Это ничего не решало, зато ему полегчало. Мейсон снова пнул дверь и, пока не пришел в себя, без устали колотил её ногами. Металл гнулся и дрожал, но не поддавался.

Он посмотрел на Кейт. Та выглядела напуганной. Иначе эта тупая корова и поступить не могла.

Мейсон повернулся к Кристиану и повелительно протянул руку.

Кристиан скинул рюкзак и достал оттуда взрывчатку. Мейсон поймал её обеими руками, затем прикрепил брикет к остаткам двери, нажал на кнопку включения заряда и отбежал за угол. Дверь разлетелась на куски, разбрасывая повсюду осколки.

— Ты что творишь? — выкрикнула Кейт.

Мейсон рассмеялся. Она пыталась выглядеть грозной, но у неё не получалось. Она, по-прежнему, была напугана.

— Поищи другие запертые двери, Вай. Окажем, напоследок, даме услугу.

Она собиралась что-то сказать, но, когда Мейсон поднял с земли винтовку, то

промолчала.

— Вот, теперь, они знают, что мы здесь, — после паузы произнесла она. — Не удивлюсь, что нас услышали даже на платформе.

— А вам не этого нужно было? — спросил Мейсон. — Если кто-то выжил и не потерял надежды спастись, то уже бежит сюда. Разве, нет?

— Не знаю.

— А я знаю. И хватит страдать херней.

Он был полон ярости и гнева, но поделаться ничем не мог. Нужно было продолжать работать. Как и ей.

Он прошел мимо неё в образовавшийся проём. Внутри он обнаружил полки с коробками и, к своему удивлению, винтовки. Видимо, они проникли в склад.

— Мило, — произнесла девушка, осматривая полки. — Вы могли нас всех взорвать.

— Не взорвал же. Так что, заткнись.

Они перешагнули через обломки двери и оказались в большой комнате. На полу лежали два человеческих трупа, вцепившиеся друг в друга. Очень странное зрелище.

— Ну, вот, — произнес Мейсон. — Только тела.

— Они не почернели, как остальные, — ответила она. — И, полагаю, лежат здесь уже давно. Наверное, задохнулись, когда дверь закрылась снаружи.

— От голода они точно не умерли — сказал Мейсон, глядя на ряды банок. Что на них было написано, он прочитать не мог. Он знал арабский, фарси, русский и, немного, испанский, но не немецкий. То была не его война.

— Что здесь случилось? — спросила Кейт.

Мейсон объездил весь мир. Он прошел ад и тьму и всегда находил выход. Как командир отряда, всегда был готов к неожиданностям. Но его готовность не распространялась на "совершенно безумные странности". В этом месте ничего не было, кроме этих двоих, вцепившихся друг в друга, как гомики, только эти чертовы щупальца вокруг. Что-то здесь всё разнесло и он постепенно терял интерес к этому "чему-то".

В дверях появился Кристиан.

— Никого нет, командир, — он заметил тела на полу, но ничего не сказал.

— Тогда, сваливаем.

Часть его хотела излазить весь остров. Часть его хотела пригнать сюда второй вертолет и с помощью тепловых датчиков осмотреть каждый метр. Но это было неправильно и не в этом заключалось его задание. Его любопытство могло привести к печальным последствиям. Нужно было уходить.

Тот факт, что двое его людей канули в пустоту (образно говоря), съедал его изнутри, но он обдумает это позже, скажем... на пенсии, когда будет отдыхать в собственном пляжном домике. Начальству он доложит, что Райнер вместе с вертолетом разбился и утонул в океане. Из-за проблем со связью, это наиболее вероятный вариант, а потом...

"А потом".

Это было неправдой. Это было неправильно.

— Вай, радио, всё ещё не пашет?

Кристиан приложил ладонь к уху и кивнул. По-прежнему никакой связи, даже на коротких волнах. Дело не в платформе, значит. "Дело в этой штуке" — подумал он. В этом острове, на котором они застряли.

"Совсем. Непонятный. Пиздец".

Вай и девушка уставились на него и он понял, что завис. Боже, пора идти. Он привел их сюда и теперь никто не мог отправить ни одного сообщения. Он предположил, что, как только они отдалятся от "Эсхила", радио заработает снова, но это было ошибкой.

— Мы уходим, — сказал он, глядя на Кристиана. — Нашел что-нибудь полезное?

— Судя по всему, у них тут были пленники. Бункер, где их содержали, заперт снаружи.

Мейсон вздохнул. Может, полоса неудач закончилась.

Девушка выглядела возбужденной.

— И что? Сдаемся? Просто уедем? Простите, ребята, но персонал мы не нашли, так что ли? Вам, как будто, наплевать — у нее снова появился такой взгляд, какой часто бывает у политиков, когда они, вроде бы, слушают вас, но смысл ваших слов до них не доходит. Он не собирался гадать, где она ему научилась. Но, благодаря этому взгляду, каким бы раздражающим он ни был, следующие 5 минут пройдут легче.

— Направляйтесь-ка к выходу, милочка.

— Мы найдем их. Должны. Я не предам этих людей, — и добавила, чуть тише: — я не предам отца.

Она повернулась и Мейсон резким движением схватил её за волосы и потянул на себя, да так, что её ноги оторвались от земли.

Глава 12: Новая Швабия

Остров. Январь 1939 года.

1

Когда "Адальгиза" подошла ближе к причалу, Харальд заметил около 20 рыбаков, которые вытаскивали на берег утренний улов. Несколько туш китов уже лежали разделанные на берегу, ещё одну волокли из воды. Возле одной туши стояли двое и вскрывали её каким-то огромным ножом. Ещё двое волокли чан с внутренностями в сторону океана. И, словно, желая напугать вновь прибывших, у причала была подвешена отрезанная голова кашалота, будто какой-то трофей каннибала.

Харальд услышал шаги, обернулся и увидел Яна, выходящего из рубки. Он подошел к лейтенанту и принялся смотреть на побережье.

— Всё уже построено, — произнес Харальд. — Эти люди могут работать здесь неделями. Удивительно, не правда ли?

Его собеседник хмыкнул носом.

— Я работал на скотобойне, когда был подростком. Потерплю.

Какое-то время Харальд смотрел на него, силясь понять, что бы это значило, но, вскоре плюнул. После непродолжительного молчания он спросил:

— Пленники идут?

— Могу сходить за ними.

— Да, да. Будьте любезны.

У причала он заметил, как в сторону лодки шли двое. Они были солдатами немецкой армии и выглядели, весьма, приветливо. Тот, что шел впереди поднял ладонь к голове и поприветствовал их. Вблизи, оказалось, что это был совсем мальчишка. 18 или 19 лет от роду. Его лицо было покрыто прыщами. Харальд заметил на его груди самодельное распятие. И мальчик и его распятие излучали какое-то сельское очарование.

— Добро пожаловать на остров, господин лейтенант, — сказал он.

— Рад видеть здесь своих. Как вас зовут, солдат?

— Метцгер, господин лейтенант. Сержант Линус Метцгер. Человек со мной — это доктор Глэкнер. Мы решили, что, учитывая пережитое вами в пути, его присутствие будет не лишним.

На какое-то мгновение Харальд задумался.

— По дороге мы потеряли двоих, включая капитана. Обоих, боюсь, смыло в море. Остальные живы и здоровы. Не думаю, что кому-то понадобится врач. По крайней мере, до того, как мы расселимся.

Сержант и врач переглянулись, но спорить не решились.

— Впрочем, ценю ваше беспокойство. Кого нам нужно отблагодарить за прием?

Вперед вышел доктор и Харальд смог его разглядеть. Это оказался пожилой господин, с потрескавшейся и морщинистой, похожей на папирус, кожей.

— Всем здесь распоряжается СС, господин лейтенант. Их командир прибыл за несколько дней перед вами.

— Как зовут командира?

— Вы, разве, не в курсе?

— Приказы отдаются мне по мере необходимости, — Харальд посмотрел на обоих и

ощутил, как в нем вскипает раздражение. — Скажите, ради бога, как его зовут?

В этот момент, на причале появился третий. Он был высоким и стройным, одет в черную форму "Охранных отрядов", его светлые волосы были зализаны назад с помощью геля. Осторожно ступая по доскам, он двигался с изяществом змеи. Он подошел к Яну и спросил:

— Ваше имя?

— Меня зовут сержант Ян...

— Стойте смирно, когда разговариваете со мной, сержант.

Ян вытянулся, на его лице читалось замешательство.

— Сержант Ян Айхман, к вашим услугам!

— А вы наш новый лейтенант? — спросил он, поворачиваясь.

— Обер-лейтенант Харальд Дитрих! — ответит тот. У него на языке было очень много вопросов, но задать их он не решился. В любом случае, время ещё будет.

ССовец продолжал смотреть на них, изучая каждую родинку, каждую морщинку на их лицах. Наконец, он удовлетворенно кивнул.

— Я руководитель СС и полиции командер Корнелиус Рихтер и я тут главный. Добро пожаловать на нашу новую колонию, господа. Добро пожаловать на Новую Швабию.

2

Доминик сидел в кузове грузовика, держа дочерей в своих объятиях. Они двигались вглубь острова и мысли о побеге давно оставили его. Но, несмотря на всё чувство безнадеги, остров поражал его. В воздухе витали самые разнообразные экзотические запахи. Над ними стоял вязкий туман. Доминик посмотрел вниз и заметил зеленые островки петрофильных растений, пробивающихся сквозь скалистую почву. Его живот заурчал и он задумался, съедобны ли эти ростки? Вряд ли.

Когда они проезжали мимо выдавленного на поверхность осколка породы, над ними пролетели три черных птицы. Они сели на воду и принялись чирикать на своём непонятном птичьем языке. Девочки, молчавшие всю дорогу, оживились. София поднялась и через борт грузовика с любопытством разглядывала их странные клювы с оранжевыми отметинами. "Их тут должны быть дюжины, — подумал Доминик. — А осталось совсем немного. Где остальные?"

— Сядь, — приказал Ян.

Доминик взял её за руку.

— Давай, садись, доченька.

— Но я смотрю!

— Сядь, это опасно.

Люсия вздохнула.

— Мы уже приехали?

— Ещё недолго, — равнодушно ответил Ари.

— Обслуживание в дороге просто ужасно, — заметил Доминик. — Нас накормят по прибытии, как считаешь?

— Очень надеюсь. Хотелось бы чаю.

Грузовик свернул к центру острова и проехал под чем-то, похожим на каменный мост. Доминик присмотрелся к нему и понял, что он был слишком правильной формы. Он проследил взглядом туда, откуда он начинался и замер, не веря собственным глазам.

Ари смотрел на открывшуюся картину с открытым ртом.

— Что за..?

София бросилась на руки отцу.

— Папа!

Обочина дороги обрывалась в огромном черном кратере. Его гигантская горловина, казалось, вела к самому центру Земли, поглощая солнечные лучи. В этой тьме он разглядел то, что в будущем пожрет "Эсхил". Как и Кейт он попробовал как-то классифицировать увиденное, но, кроме слова "щупальца", ничего на ум не приходило. "Невозможно" — подумал он, но всё видел сам. Эти щупальца вылезали из кратера, словно пальцы, и охватывали близлежащие скалы. Как эта бездна, они выглядели ужасающе. Доминик мог только догадываться, на какую глубину они уходили и насколько могли стать опасными в будущем. Он попробовал представить, что же творилось там, на дне, и не смог. Вполне вероятно, что она доходила до самого ядра планеты.

Он почувствовал, как рубашка намочила от пота. И только он собрался крикнуть, как грузовик свернул в сторону от кратера. Он подскочил на небольшой кочке и продолжил движение в сторону лагеря, оставляя впадину позади.

Вскоре, Доминик понял, что место их назначения не было лагерем. Это была настоящая крепость. Стены образовывали полукруг, между ними и цитаделью стояло металлическое ограждение. Доминик разглядел колючую проволоку и вооруженных людей на вышках. Огромные куски скал были сдвинуты в сторону, образуя барьер. Он знал, что по ту сторону этого барьера было только бескрайнее море.

Но самым ужасным была не неприступность крепости, а то, что гигантский провал находился в прямой видимости от главного входа. Все их с Ари рассуждения о пункте назначения оказались неверными. Казалось, что их путешествие через Атлантику, каким бы трудным оно ни было, являлось, лишь легким турне, по сравнению с тем, что ждало впереди.

Грузовик остановился перед главными воротами и караульный приказал проезжать.

3

Харальд обернулся и увидел, как Доминика сопровождают к новому жилищу. Пара суровых молодых людей, чуть ли не волоком тащила его под руки через грязь. Это хорошо. Харальд больше не доверял Камински. Неподалеку находились Ари и девочки, их выгрузили из кузова, словно, скот.

— Идите за мной, — сказал ему Рихтер. — Познакомлю вас с остальными заключенными.

— Остальными?

— Неквалифицированные работники. Идемте сюда.

Харальд молча шел за командером, мимо монструозных наростов, которые доктор Грей позже назовет Гнилью. Но там, где Доминик видел опасность, Харальд видел только чудо. Это место не было похоже ни на что, увиденное им раньше.

— Я бы хотел познакомиться с людьми, — сказал он. — С солдатами.

— Вы знаете, что сейчас 21:30?

Харальд взглянул на небо, чувствуя себя неуютно от постоянного солнечного света.

— Прошу прощения, господин командер. Я забыл. Слишком долго пробыл в открытом море.

— Я не об этом. Вы с ними, в любом случае, познакомитесь. Нужно, чтобы ими кто-то руководил. Ваш предшественник не очень-то в этом преуспел.

— Предшественник?

— Капитан Шмит, — ответил Рихтер, остановившись на краю кратера. — Слышали, что случилось с ним?

— Нет, я...

Рихтер засмеялся и Харальд впервые почувствовал себя неуютно.

— Не беспокойтесь, лейтенант. Вам будет, чем заняться, помимо расследования мутных слухов.

— Мутных слухов?

— Люди здесь очень суеверны. Вам не о чем беспокоиться. Познакомьтесь с ними, но в одиночку. К сожалению, я не смогу составить вам компанию. Мои обязанности продолжаются до ночи.

Раздался резкий выкрик, Харальд обернулся и заметил у края провала несколько истощенных фигур. Рядом с ними стоял молодой СС-овец и отдавал какие-то приказы, держа в руках винтовку. С удивлением Харальд разглядел, что один из заключенных был обвязан веревкой, а остальные постепенно опускали его вниз. Сам новоявленный спелеолог был полуголым и явно страдал от недоедания.

Командер пошел к ним и, смеялся — смеялся! — глядя, как те постепенно стравливают веревку тощими руками.

— Ниже! Опускайте ниже, обезьяны!

Четверо заключенных едва обернулись в его сторону.

— Думаете, мы можем начать работать над Камински?

Прошло несколько мгновений, прежде чем Харальд осознал, что вопрос адресован ему.

— Работать?

— Да. Считаете, ему хватит духу делать всё, как надо?

— Вы о чём?

— Не надо скромничать, лейтенант. Вы считаете, Камински будет делать всё, что скажут, без какого-либо дополнительного давления? — тон командера был легкомысленным, но Харальд не сомневался в его серьезности.

— Да, господин командер. Думаю, он справится.

— Хорошо, — уклончиво ответил Рихтер. — Положусь на ваше решение, лейтенант.

— Да, господин командер.

— Вы не согласны? — спросил он, читая выражение на лице Харальда. — Мы всегда можем подвергнуть его пыткам. Его, или его дочерей.

В голове Харальда завертелась дюжина механизмов, новый командир привлекал его всё меньше и меньше.

— Вам решать, господин командер.

— Так и есть, лейтенант, так и есть! Человеческая плоть очень крепка. Я видел, что она способна выдержать. Её можно избивать, жечь, отрезать конечности... чёрт, можно даже отрезать яйца, но туша, всё равно, найдет силы для выживания. — Он замолчал, глядя на привязанного и болтавшегося на краю пропасти заключенного. Пленник взмолился:

— Пожалуйста! Не опускайте меня ниже! Там что-то есть! Я его чувствую!

Когда Харальд заглянул вниз, то заметил, что тьма внизу была неоднородна. Солнечный свет обрывался и прямо от лодыжек привязанного начиналась темнота.

— Что там внизу? — спросил Рихтер.

— Не знаю. Не знаю! Оно движется!

— Плохо, что не знаешь, — произнес командер. Затем обратился к остальным заключенным: — Опустите ниже.

Они не отреагировали. Тогда Рихтер подошел к ближайшему, достал небольшой нож и прижал к его горлу невольника. Он не собирался никого убивать, но из шеи пленника пошла кровь. Все четверо подчинились и опустили веревку ниже.

Привязанный человек начал кричать, умолял остановиться, но, когда они остановились, он уже молчал. Тьма поглотила его.

— Он весьма строптив, — сказал Харальд, его голос слегка дрожал.

— Кто?

— Камински. Он строптив. Если мы причиним вред его девочкам, я не знаю, что он станет делать.

Рихтер пожал плечами.

— Они здесь не для того, чтобы бездельничать, лейтенант. Скоро вы поймете, что мои методы могут быть весьма эффективны, когда применяются должным образом.

Харальд кивнул, начиная видеть в новом начальнике нечто пугающее, непостижимое. Прежде ему никогда не доводилось встречать подобных людей в армии.

— Ниже! Ниже, сучара! — кричал Рихтер, пиная одного из заключенных под зад. — Вам нужно поспать, лейтенант. Вы выглядите уставшим, а, ведь, предстоят тяжелые деньки. Познакомьтесь с людьми, затем сержант Метцгер отведет вас в вашу комнату. Я ожидаю от вас полноценной отдачи к концу недели. По возможности, обсудим структуру управления.

— Хорошо, господин командер.

Харальд продолжал смотреть на веревку. Она больше не двигалась.

— Что там внизу? — спросил Рихтер. — Я спрашиваю, что там внизу? — Затем он повернулся к лейтенанту. — Ну, вот и всё.

Несмотря на то, что его уже отпустили, Харальд остался стоять. Его взгляд всё ещё был прикован к веревке, которая скрывалась во тьме. Командер ещё несколько раз выкрикнул и, не дождавшись ответа, скомандовал:

— Ладно, поднимайте.

Разумеется, когда заключенные втащили веревку на поверхность, на другом конце никого не было. Человек исчез.

Харальд развернулся и, насколько мог быстро, направился к базе. Позади он услышал крик Рихтера, удар и звук падения тела в грязь. Когда раздался смех, он ускорил шаг.

4

Судьба капитана Шмита открылась новым пленникам раньше, чем лейтенанту.

В то время как Харальд направлялся на базу, Доминик и Ари стояли у входа в лабораторию. Термин "лаборатория" был, весьма, условным, потому как строение, у которого они стояли, было таким же бетонным блоком, как и остальные, но называлось оно именно так. Их сопровождали два солдата и, когда они оказались у стен лаборатории, они исчезли, будто необходимость в них отпала. Всё это выглядело чрезвычайно странно, но Доминик был уверен, что одни они не остались. Отсюда он видел стрелков на вышках,

охрану у ворот, техников в гараже.

— Может, нужно постучать? — спросил Ари.

— Может, просто войдем.

— погоди! Слышишь?

Доминик взялся за ручку и потянул дверь на себя. По ту сторону никого не было.

— У тебя галлюцинации, Ари.

— Нет.

— Значит, всё ещё ждешь чашечку чая?

— Это было бы показателем дружеских намерений. Как же тут темно.

— Хочешь вернуться?

— А ты нет?

— Мы должны быть здесь. Именно за этим нас сюда и привезли. Где твой оптимизм, Ари?

Тот в ответ хмыкнул, обошел Доминика и прошел вперед. Они должны были продолжать идти, хотели они этого или нет. Доминик, впрочем, не переживал. Они сошли с судна и он уже видел бункер, в котором они будут жить. В их комнате стояли всего две кровати, но и это уже казалось чудом. У них были одеяла, была еда и место, где развернуться. Была возможность пользоваться приличным туалетом, от вида которого Люсия взвизгнула. Они, по-прежнему, оставались взаперти, но у них было, хоть, что-то. Доминик не был уверен, что это не использовалось в качестве какой-то манипуляции, но сейчас он меньше чувствовал себя рабом, чем во время плавания. У него оставался его ум и он сделает всё, чтобы выжить.

— Ты идешь? — поинтересовался Ари.

Доминик вздохнул и пошел за ним. Как и в других бункерах, коридор здесь был узким извилистым. Но, в отличие от остальных, в конце этого коридора была лестница, которая вела вниз. Доминик подумал о поверхности над ними, о том, что они проходили по тому самому месту, под которым находились сейчас. Это объясняло, почему вся техника находилась в гаражах у ворот, своды бункера не выглядели прочными.

Они осторожно вошли в нижнюю комнату, будто дети в тёмный лес. Доминик не без восхищения осмотрел разнообразие обстановки. В комнате находились столы, приборы, инструменты, генераторы и множество непонятных устройств, о назначении которых можно было только догадываться. В дальнем конце комнаты он разглядел огороженные прозрачными стенами камеры, заполненные такими же причудливыми щупальцами, какие они видели на поверхности. Они были меньше, но, без сомнения, того же происхождения. Эти щупальца обвивали различные предметы — небольшие деревья, куски металла, а в некоторых случаях, кости животных. Они, казалось, пульсировали каким-то приглушенным светом, с изяществом змей обвивая шесты.

— Доминик! — позвал Ари. — Смотри!

Он повернулся и заметил в углу какой-то механизм цилиндрической формы. Его основание было сделано из металла, а в середине было нечто, напоминавшее двигатель. "Как бутерброд с гамбургским стейком" — подумал Доминик.

— Это то, что я думаю?

Доминик кивнул.

— Не знаю, работает эта штука или нет, но похожа она на ускоритель частиц Лоуренса Эрнест Орландо Лоуренс (1901–1958) — американский физик, лауреат Нобелевской премии

по физике в 1939 году за создание первого в мире ускорителя частиц (циклотрона)..

— Святой боже. Неужели они додумались построить его прямо здесь?

— Ну, не думаю, что они его украли, если ты об этом.

— Я бы не был столь уверен, — возразил Ари. — Ты уже видел, на что они способны.

— Чтобы его украсть, нужно его сначала разобрать, а потом собрать, а это означает, что у них есть тот, кто понимает в подобном вопросе. Не думаю, что его тащили в таком виде прямо из университета Беркли. Нет, его собирали уже здесь.

Доминик отошел в сторону, осматривая лабораторию. И тут он заметил тело.

На столе возле одной из стеклянных камер лежало нечто, напоминавшее человека. Он замер пораженный. За последние 4 года он видел достаточно мертвых в своем родном районе, но он, всё равно, был шокирован.

— Что это с ним?

Кожа была покрыта какими-то кляксами, из-под неё торчали пучки вен, похожие на паутину. Под закрытыми веками виднелись вспученные глаза, будто они взорвались прямо в глазницах. Из ноздрей и ушей торчали какие-то черные волосинки. Тело было крепко привязано к столу кожаными ремнями — один обхватывал плечи, другой бедра. Интересно, его привязали ещё, когда человек был жив?

Сознание Доминика охватили холодные пальцы страха. Он услышал голос, но звучал он, словно, изнутри барабана.

— Что? — спросил он, поняв, что с ним говорит Ари.

— Я говорю, ты в порядке? Это всё ужасно, Доминик, но ты ведешь себя... не знаю, даже, как.

— Вот, чем мы здесь будем заниматься, Ари, — хрипло произнес он. — Они хотят, чтобы мы создали какой-то яд. Ты видел его кожу? Такое впечатление, будто его окунули в какой-то... какое-то...

— Идём отсюда.

Ари схватил Доминика и потащил обратно к выходу. Но в проходе, преграждая им путь, стоял какой-то человек. Доминик без удивления отметил про себя, что это самый уродливый человек, каких он видел.

Человек поднял руку, в которой оказался пистолет. Этими действиями он не оставлял никаких сомнений относительно своих намерений.

Позади них раздался звук шлепка, а затем душераздирающий рёв, от которого Доминик и Ари упали на пол. Человек на столе был жив! Он сорвал с груди кожаный ремень и бросился вперед. Доминик слышал, как он шипит и плюётся в слепой ярости, шамкает ртом и скрипит зубами.

Он обернулся и осознал — то, что пыталось достать их, уже не было человеком. Может, было, когда-то. Может, оно было животным с мозгом и чувствами, но сейчас оно превратилось... в нечто. Оно завопило и в этом вопле слышалась ненависть, такая же черная, как и кожа этого существа.

— Доминик! — выкрикнул Ари.

Раздался выстрел. Тварь на столе откинулась назад, в её голове зияла дыра. Она лежала тихо, на этот раз, действительно, мёртвая.

Прошло 5 бесконечно долгих секунд. За это время Доминик успел ощутить всю невыносимую тяжесть вечности над собой. Когда всё кончилось, он повернулся к выходу и увидел всё того же человека с пистолетом в руке. Всё-таки, он целился не в них. Он убрал

оружие в кобуру и глубоко вздохнул. Жест этот получился у него довольно неуклюжим, он нервной походкой двинулся к ним.

Человек помог Ари подняться на ноги, затем протянул руку Доминику.

— Создавать нечто подобное? Ха! Господин Камински, это просто смешно. Разумеется, вы здесь не за тем, чтобы создавать подобные штуки. Штуки, похожие на капитана Шмита? Враг — это совсем иное дело, в отличие от наших собственных людей, — он рассмеялся собственной шутке. — Меня зовут доктор Криге, господин Камински и, уверяю вас, мы здесь занимаемся не оружием. Мы просто изучаем, пытаемся понять, что это такое и откуда взялось. Но у вас, господин Камински, задача ещё проще. Вы должны понять, как её уничтожить.

5

В то время, пока её отец исследовал лабораторию, Люсия шла по территории базы в сопровождении молодого солдата. Она пыталась убедить себя, что все новые люди здесь выглядели одинаково, но не могла. Она прекрасно знала, как его зовут, а он знал, как зовут её и это было самое ужасное. Ей было противно, что у кого-то здесь было конкретное лицо и конкретное имя. Это вселяло в неё сомнение, как было с отцом на судне, а она не хотела быть похожей на отца. Благодаря ему, их шансы на побег стали нулевыми. Но, оказавшись в той же ситуации, могла ли она поступить иначе? Смогла бы она опустить топор на голову того отвратительного создания, по какой-то нелепой ошибке, считавшегося человеком? Она не могла знать. Люсия не переставала думать об этом с самого момента высадки на острове.

— Вы в порядке? — спросил парень.

Она сунула руки в карманы пальто. В одном из них обнаружилась дырка и её пальцы касались рубашки, а под ней она нащупала выступающие кости рёбер. В другом кармане лежала отвертка, которую она подобрала в бункере. Не самое внушительное оружие по сравнению, даже, с топором, но, что есть, то есть.

— Всё нормально.

— Не хотелось бы вам досаждать. Вы, просто, очень мило выглядите — странный он, этот парень. "Ганс, — подумала она. — Его зовут Ганс".

Его глаза смотрели на неё сквозь линзы огромных очков. Его улыбка казалась искренней, но было и что-то иное. Может, он был слишком заторможенным.

На наблюдательной вышке она заметила силуэт лейтенанта. Он стоял без движения и почти сливался с серым небом. "Как ящерица" — подумала она, силясь вспомнить название рептилии, которая умела сливаться с окружающей обстановкой. "Ты и есть ящерица, Дитрих". Может, он был хорошим молодым человеком, в конце концов, он не отказал ей в помощи в деликатной ситуации на "Адальгизе", но он и не должен ей нравиться. Особенно, после того, что он сделал.

Ганс остановился и указал на вышку, улыбаясь своей странной улыбкой.

Бункер для пленников находился вне её поля зрения и это беспокоило. София осталась в комнате одна. Малышка София скрепляла их семью, как и Люсия. Даже лучше.

— Вперёд, — произнес парень.

Люсия поставила одну ногу на ступеньку, затем другую и начала подниматься. Молодой человек попытался помочь и она, вдруг, поняла, что взбирается изо всех сил, лишь бы избежать его прикосновений. Очень быстро она оказалась на самом верху. И тут её ухватила крепкая рука и втянула на площадку. Она взвизгнула, но Харальд уже сжимал её за ворот

пальто и тащил наверх.

— Осторожней. Вы чуть не упали.

— Простите, я... благодарю.

Ей показалось, что лейтенант выглядел усталым. Он был в шляпе — в новой, подумала она — но тень на его лице, казалось, была вызвана чем-то иным.

— Прошу прощения, что приказал привести вас сюда, но здесь повсюду глаза и уши. Не следовало этого делать, — он горько усмехнулся. — Уверен, отсюда нас никто не услышит. От пристальных взглядов нам тут нигде не скрыться, но это лучшее, что я могу. С другой стороны, может, оно и к лучшему, что нас видят. Всё-таки я, — он замолчал, подыскивая нужное слово, — профессионал. Уверен, вы в курсе.

Видимо, он ожидал какого-то ответа, но Люсия только кивнула.

— Я хочу вас кое о чем попросить. Однажды я помог вам, теперь я хочу получить кое-что взамен, — он оборвал себя на полуслове. — Простите. Я прошу об ответной помощи. Для меня это слишком трудно, но в моем положении трудно поделиться этим с кем-то иным. — Он отпрянул в сторону и достал из кармана что-то, похожее на письмо. Она взяла его.

— Со мной?

Вместо ответа, он взглядом указал на текст. Она прочитала первую строку.

Я встретила другого. Прости.

Она подняла взгляд, Харальд развернулся к ней спиной и оперся о перила вышки. Люсия едва понимала, как мило эта сцена выглядела со стороны. Но лейтенант ожидал её решения и она вернулась к чтению.

Прошел месяц и я люблю его. Понимаю, как это звучит, но я должна была тебе сказать ещё тогда. Но ты уезжал и я решила, что это будет слишком тяжело для нас обоих.

Ты говорил, что я нужна тебе, Харальд, но это не так. Тебе, просто, нужен кто-нибудь. Ты, наверное, считаешь меня чудовищем, что я скрывала от тебя это, но даже представить не можешь, как тяжело мне это давалось. Такому, как ты нелегко лгать, Харальд, но тебе и трудно говорить правду.

Прошу, не надо меня ненавидеть. Я желаю тебе успехов в выполнении задания, чем бы ты ни занимался.

Я пыталась.

Мике.

Пока лейтенант стоял без движения, Люсия перечитала письмо. Его смысл был ясен, но она не понимала, зачем он показал его ей. Затем, она вспомнила.

— У вас была её фотография. Вы показывали её мне на судне. Она ещё у вас?

— Я её сжёг, — ответил он.

— Сожгли?

— Да, сжёг. Может, это был не самый разумный шаг, но теперь я по ней скучаю. Я просто был очень зол. Думал о том, что она писала, говорила, когда всё уже было ясно. Знаете, как это было тяжело, читать такое в первый раз? Скорее всего, она отправила письмо сразу после моего отбытия. Оно пришло с китобоями этим утром.

— Да?

— Женщины все одинаковы. Простите, но так и есть. Вы... эмоциональны. Особенно, Мике. Она не из тех, кто выдержит одиночество.

— Эта девушка, Мике. Она сказала вам, что будет вас ждать?

— Ну, разумеется, сказала! Сказала, что будет встречать меня на причале. Теперь же, мне кажется, что меня ждало бы какое-нибудь похожее письмо о том, что она встретила другого.

— Может, так и было бы, — ответила она со всей осторожностью.

— О, перестаньте! — лицо Харальда покраснело. — Скорее всего, она продумала всё заранее. Сомневаюсь, что это было каким-то мимолетным порывом. Я бы с Мике два года и могу с уверенностью сказать, что она... она не шлюха.

Люсия шагнула назад.

— Простите, не хотел грубо выражаться. Но все эти её эмоции, просто, смешны. Как будто, мне больше не о чем беспокоиться. Благополучие государства покоится на плечах армии, на моих собственных плечах, на том, как я выполняю отданные мне приказы.

Она сделала ещё шаг назад и не стала отвечать. Этот человек любил поговорить и, чем раньше он закончит, тем раньше она уберется отсюда.

— Оно покоится и на плечах вашего отца.

— Что? — Среди всего происходящего она почти забыла, что их не просто перевезли из одной точки на карте в другую. У его отца была работа. Впрочем, скорее, у них была работа для её отца. Его слова вызвали у неё чувства, которые ей было трудно испытывать: гордость, тревогу, страх, обиду. Наверное, последнее было сильнее всего.

— Он нужен нам, чтобы победить эту дрянь. Или взять её под контроль. Криге полагает, что она не с нашей планеты. Представляете? — он рассмеялся, обнажив ровные, как забор, зубы. Она повернулась и посмотрела на западную стену. Она видела кратер, чудовищных размеров ростки, тянувшиеся из него.

— В любом случае, уверен, он справится. Начальник станции не принимает оправданий. Вы должны помнить об этом.

— Я... запомню.

— Хорошо. Это позволит нам продолжать общение. Мне бы этого хотелось. Понимаю, что я могу разговаривать с другими мужчинами, но это не одно и то же.

— Но я же пленница.

— Вы — гражданская. Понимаю, в данном случае, разница формальна, но, со временем, всё изменится, — он внимательно смотрел на неё, на изгиб шеи, на нос. Он смотрел на неё не как на приятную картину, а как художник, который сомневался, с чего начать писать портрет. — К тому же, у нас будет возможность поговорить о Мике.

— О Мике?

Он протянул руку и забрал письмо. Люсия ухватилась за него так крепко, что край оторвался. В какой-то миг, на его лице проступила ярость, но она быстро исчезла.

— Всё в порядке, — сказал он. — Не нужно было его дергать. Это письмо меня злит. Пожалуй, нужно его где-нибудь спрятать, чтобы оно не попадалось на глаза.

— Если хотите, можем поговорить о ней.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Потому что вы сможете помочь мне вернуть её.

— Вернуть?

— Очевидно, она, лишь, пытается привлечь к себе внимание. Пытается вернуть меня домой пораньше или вызвать ревность своей интрижкой. Или и то и другое. В любом случае, мне нужна помощь. Я застрял здесь, как и вы, но я не могу позволить ей вышагивать по городу под ручку с другими, даже, если это только для вида.

— Даже, если, действительно есть другой мужчина?

— Да, — кивнул он. — Даже, если так. Но я хочу сказать ей, что люблю её и не собираюсь играть в эти дурацкие игры. Что скажете?

Люсия кивнула. От этих многочисленных киваний, она начала ощущать себя поплавком.

— Отлично. Тогда вы поможете написать ей.

— Я?

— Конечно, вы. Вы умная, к тому же, женщина. Можете понять ход её мыслей. Я осознал это очень быстро. Скажите, что согласны?

Люсия согласилась, не уверенная, впрочем, с чем именно. Лейтенант очень близко подошел к ней. Она не считала, что он делал это нарочно, но он был близок настолько, что она ощущала жар его дыхания.

— Полагаю, мне нужно возвращаться к себе.

Он нахмурился.

— Я вам наскучил?

— Нет, нет, конечно, нет. Но София совсем одна. А мы здесь новенькие. И мне... не нравится оставлять её одну.

— Да. Конечно, вы правы. Отца рядом нет, а она ещё слишком молода. Где мои манеры? — выражение его лица смягчилось. — Полагаю, предстоит долгая зима. Через несколько недель солнце сядет. — Харальд указал в сторону горизонта, где солнце, такое огромное и яркое на континенте, сейчас едва было видно среди гор. Казалось, оно само было пленником, ожидающим смерти и погребения в морских пучинах.

Ей подумалось, что он так и не сдвинется с места, но он отошел и она испытала облегчение. Ей было тяжело переносить близость человека, который ей не нравился. Даже притворство имело свои границы.

— До свидания, лейтенант.

Он помог ей встать на лестницу и, вскоре, она спустилась. Внизу её уже ждал Ганс. Вместе они отправились обратно в бункер, по дороге у неё в голове бушевал целый океан различных мыслей. По пути им встретился другой солдат с судна, Ян, направлявшийся к гаражам. Он заметил их и взмахнул рукой. Она автоматически повторила жест.

Люсия сжала отвертку в кармане, думая об оставшейся в бункере Софии. Подумала о матери, сидевшей в камере в Нойенгамме. Вспомнила отца с топором в руках, о том, как поступила бы на его месте.

Глава 13: Настоячивое упорство

Нефтяная платформа "Эсхил" и остров. Наши дни.

1

Поначалу, Кейт была ошарашена, поэтому не издала ни звука. Затем она завизжала. Мейсон тащил её за волосы, будто мешок с овсом.

— Отпусти!

Он ударил её в подбородок. Голова закружилась. Когда она вновь открыла глаза, перед ней предстало другое здание. Она попыталась вспомнить приемы самообороны, изученные в юности, какой-нибудь удар. Но всё произошло слишком быстро. Он был слишком здоровым.

Мейсон швырнул её перед собой.

— Вай, дверь, пожалуйста.

Раздался звук скрипящего металла — движения гигантского шарнира на огромной двери. Ну, может, не гигантского, а злого, последнего.

Она изо всех сил пнула его в голень. Затем она сунула руку в карман и достала оттуда зажатую в кулаке связку ключей. Один ключ торчал между костяшками пальцев и она ударила. Кейт почувствовала, как ключ врезался в руку. Мейсон не издал ни звука. Он швырнул её на стену и она выронила своё единственное жалкое оружие.

— Нет! — закричала она. — Нет!

Мейсон схватил её и снова бросил в дверной проём, тело распласталось на бетонном полу. Она поднялась на ноги и бросилась к закрывающейся двери. Послышался звук закрывающегося замка.

— Тварь! Ты что творишь? — звучало глупо, но к своему удивлению, она услышала ответ.

— Потому что, если дочь вице-президента найдут изрешеченной пулями, это будет трудно скрыть. Конечно, вероятность того, что тебя найдут, близка к нулю, но рисковать я не намерен. Будет лучше, если ты сдохнешь от естественных причин, принцесса. Я сначала думал сбросить тебя с платформы с привязанным к ногам грузом, но так будет даже лучше.

— Ты о чём, вообще? — выкрикнула она.

— Лучше иметь дело с двумя мишенями, чем с тремя. И, если бы не твоя глупая неосмотрительность, была бы всего одна. Но, думаю, эта мысль ускользнула от тебя утром, так ведь?

— Что ты несёшь? — снова выкрикнула она. Но этот вопрос не нуждался в ответе, она и так понимала, что он хотел сказать.

Она была мишенью. Все они — мишени.

Кейт не знала, зачем и почему, но кому-то в "Вэлли Ойл" было остро необходимо, чтобы они были мертвы. Они делали уборку в доме, а это означало чистку и в прачечной. Эйджей знал о нарушениях требований безопасности. У неё был конверт от Стэна МакКриди. Не то, чтобы им нужны были какие-то поводы для её устранения. Она владела 4 тысячами акций компании, которая в ближайшие 20 лет станет лидером американской нефтяной промышленности. Они никогда не смогли бы сделать этого на территории Штатов. Не с её политическими связями и постоянным присмотром со стороны Секретной службы Секретная служба США — специальное подразделение, занимающееся охраной

президента, вице-президента, их непосредственных родственников, других высокопоставленных чиновников, бывших президентов и их супругов, кандидатов в президенты и вице-президенты, представителей иностранных государств во время их визитов... Но здесь царил закон джунглей и помочь ей было некому.

— Мне жаль, Кейт. Правда, — сказал Мейсон с той стороны двери. — Я уважал твоего отца, хоть он мне и не нравился. Просто бизнес. Прости за столь старомодное объяснение. Если тебе станет от этого легче, можешь винить отца.

— Не вмешивай его сюда!

— Ты умрешь от обезвоживания через три или четыре дня. Попытайся поспать, что ли.

Ей хотелось закричать, сказать ему, что она найдет выход, но это было не так. Осталось только отчаяние.

— Не нужно этого делать, — взмолилась она. — Пожалуйста...

Ответа не последовало. Шло время и её одиночество стало очевидным. Они ушли. Они, действительно, бросили её.

Она сползла на пол, уронив голову в ладони. Затем она вытерла лицо, думая о том, сколько минут жизни может стоять одна вытекшая слеза. Без воды и еды, времени было совсем мало.

Когда она подняла голову, то заметила, что в помещении почти не было света. Не было ни окон, ни вентиляционных отверстий или дымоходов. Она вспомнила о сотовом телефоне. Вытащила его из кармана, молясь о том, что не забыла его зарядить. Кейт включила экран, телефон ожил.

— Сигнала нет. Ну, конечно, — сказала она. По крайней мере, экран телефона давал свет, а это уже что-то. Она вытянула его перед собой, будто фонарик. "Ум оперативника ЦРУ" — вспомнилось ей в этот момент и Кейт усмехнулась. Может, этот ум ей и поможет.

Может быть.

Свет экрана, внезапно, погас и она вскрикнула, чуть не уронив его на пол. Свет вернулся, когда она провела по экрану пальцем. "Всего лишь, автоматическая экономия энергии". Она выдохнула и, впредь, уже не забывала каждые несколько секунд водить по экрану пальцем. Индикатор батареи показывал почти полный заряд, но она по своему опыту знала, что это ненадолго.

Она осторожно начала обходить помещения, заглядывая в каждую комнату. В первых двух комнатах были остовы кроватей и обломки полок. В третьей царило застарелое зловоние. Комната в самом конце коридора была самой большой и выглядела наиболее обжитой. Она обнаружила кровати, полки, старые одеяла и туалетные принадлежности, разбросанные по полу. На одной из кроватей сидел самодельный плюшевый мишка и глядел на неё старыми пуговичными глазками. Он хранил на себе потускневший изношенный взгляд детской любви и выглядел каким-то грустным. "Мне одиноко" — читалось в этих глазах. "Возьми меня на руки и прижми к себе. Я так долго был одинок".

Кейт присела рядом, взяла медвежонка и прижала к груди. На ощупь он казался мягким, как желе. С ним было уютно. И не важно, что своего собственного мишку она, вот так, прижимала почти 30 лет назад. Когда, наконец, она отложила его в сторону, то на одной из полок заметила что-то блестящее. Казалось, свет играет с ней какую-то злую шутку. Когда она взяла её в руки, то не могла поверить, что она реальна.

В её руках была отвертка.

— Голландец? — позвал Эйджей. — Голландец, ты там?

Комната отозвалась тишиной. Снаружи гудела на ветру платформа.

Эйджей выронил папку, которую держал в руке и вытащил из-за пояса M1911. Он начал считать вдохи: один, два... и, вдруг, услышал шаги. Перед ним появился Голландец, но он был не один.

— Я бы на твоём месте ствол-то опустил, умник.

Человек, который стоял за спиной его друга улыбался. Эйджей отметил про себя его огромную — достойную крупного хищника — челюсть. С ней этот человек был похож на обезьяну.

Голландец опустил взгляд.

— Прости, старик.

— Полагаю, этот оказался не столь медленным, как тот старик утром, — сказал Эйджей.

— Верно.

Сен-Круа смотрел прямо на Эйджея.

— Я сказал, ствол опусти.

— На хуй иди. Сам опускай.

— Не опустишь, я его завалю.

— Завалишь его, я завалю тебя. У тебя такая здоровенная башка, что не промахнусь.

— Ну, ну, спокойнее. Почему бы вам всем не успокоиться? — только Эйджей решил, что хуже быть не может, как появился Мелвин. Перед собой он вел доктора Грея, положив одну руку ему на плечо, а другой держась за рукоять дробовика. Он втолкнул доктора в комнату и тот упал на пол. Выглядел он явно не в себе.

Их разделял длинный кухонный стол и, когда Грей оказался на полу, Мелвин начал его обходить. Эйджей наблюдал за его движениями, не рискуя открыть огонь. Ситуация накалялась, его палец на спусковом крючке дрожал, всё находилось на волоске от трагедии.

Мелвин поднял дробовик.

— Хочешь устроить бардак? По глазам вижу, что хочешь.

Если бы сейчас снимали фильм, Эйджей мог бы ударить Сен-Круа в голову, затем положить Мелвина за долю секунды. Но это не кино и на прицеле Голландец, а не он.

Он опустил ствол.

— Блин.

— Брось на пол. Пихни в мою сторону.

Пистолет проскользил по кафелю.

— Что скажет ваш командир, когда узнает, что вы тут устроили?

— Ты, наверное, не слышал, здоровяк, но он здесь. Наверное, ты не так умен, как про тебя говорят, а?

— Ага, — подал голос Сен-Круа. — Я слышал.

Голландец дернулся раньше, чем тот успел договорить. Он развернулся и замахнулся, но эта горилла оказалась быстрее. Сен-Круа изо всех сил ударил его по голове. Голландец откинулся назад, но Мелвин пнул его под зад и он отлетел к Эйджею. Он поднял приятеля на ноги.

Сказанное Мелвином не сразу до него дошло, а когда дошло, к лицу прилила кровь.

— Если Брубейкер здесь, то где девчонка? Что она на всё это скажет?

В этот миг в дверях появился мрачный Мейсон.

— Нихрена она не скажет.

— В смысле? — Эйджей знал, что Мейсон — хладнокровная тварь, но, если с Кейт что-то случилось, это было низко даже для него. Он пытался убедить себя, что Мейсон не может быть настолько бессовестен. Ни на официальном задании "Черной тени", ни с девушкой, кем бы она ни была.

— Я её не убил, но она не сможет прислать с острова открытку, уж поверь.

Эйджей хотел, было, ему ответить, да так, чтобы этот мудака умылся, но когда он открыл рот, ничего на ум не пришло. "Девушка? Они все?" Этот день не задался с самого начала, но он ни на секунду не сомневался в том, что увидит следующий. Он никогда не сомневался в том, что бы ни происходило, насколько плохо всё ни было, всегда был выход.

— Дела зашли слишком далеко, Мейсон, — медленно проговорил он.

— Согласен.

— И, полагаю, ты нам не расскажешь, зачем всё это?

— Ты сам всё видел. Эта штука, чем бы она ни была, больше всего, что мы видели. Кто-то наверху решил найти правдоподобное отрицание и, я полагаю, это означает избавиться от тех, кто в курсе дел.

— Я всегда был проблемой.

Взгляд, которым Мейсон одарил его, был почти сострадательным. Почти.

— И всегда будешь.

— А чего бы нас просто не пристрелить? — выкрикнул Голландец.

— Не сегодня.

Мейсон направился к выходу. Шедший следом Мелвин обернулся и большим и указательным пальцами изобразил выстрел. Эйджею захотелось оторвать ему руку и ему же скормить.

— Закрывайте, — приказал Мейсон.

Дверь закрылась и послышался звук включения газовой сварки.

3

Они смущенно смотрели друг на друга.

— Полагаю, теперь мы вместе. Нравится нам это или нет, — первым заговорил Эйджей.

Гидеон поднялся на ноги и вытянулся. Он выглядел гораздо лучше, эффект от действия лекарств Мелвина начинал проходить. Вытянувшийся во весь рост, он был гораздо выше обоих своих новых друзей.

— Вы кто такие? И что я тут делаю? Вы знаете, что этот мудака снаружи меня ударил? Ударил меня! — сказал он, оглядываясь, словно, ожидал, что из-под стола, вдруг, вылезет адвокат.

— Возможности познакомиться раньше не было, док. Я Эйджей Трентон. Это мой друг Генри Джонс. С нами был ещё один человек, девушка. Мы здесь для... консультаций, если можно так выразиться.

— Рад знакомству.

— Как вы себя чувствуете?

Мужчина пожал плечами под великоватым для него оранжевым плащом.

— Не считая того, что вернулся сюда? Как нам отсюда выбираться?

ЭйДжей посмотрел на доктора, затем на своего друга. Если Голландец был напуган, то он это тщательно скрывал. Произошедшее пока ещё не выглядело реальным, наверное, потому, что всё случилось слишком быстро.

— Ну, когда-то здесь всё работало. Полагаю, сможет заработать снова. Как вы тут выжили?

Мужчина хихикнул. Странно было слышать подобные звуки от взрослого человека.

— Здесь было, что пить, если вы об этом.

— Уже нет, — подал голос Голландец. Он уже осмотрел холодильник и шкафы. — Ни одной бутылки.

Гидеон заглянул ему через плечо и его лицо побледнело. ЭйДжей решил, что он был на грани истерики.

— Должно быть, они всё вынесли. Не думаю, что решение запереть нас здесь было спонтанным. Они ко всему подготовились заранее.

— Думаешь, это правда, насчет Кейт? — спросил Голландец.

— Не знаю. Выстрелов я не слышал.

— Ты даже лодку не услышал.

— Но ты-то должен был.

Голландец присел на стол.

— Слышал, но выстрелов не было.

— Её, наверное, бросили там.

— Или утопили. У них было полно времени, чтобы и нас пустить на дно, что уж говорить о ней?

Гидеон начал ходить взад-вперед, теребя ладонями волосы.

— Ладно, ладно. Хорошо. Выстрелов не было. Не было! Но мы-то здесь заперты. И не этот раз, всерьез. Никакого стула. Вы можете собрать резак? Если нет, то через неделю мы начнем жрать трупы друг друга.

ЭйДжей чуть не рассмеялся. Этот парень, определенно, съехал с катушек, но чувства юмора не утратил.

— А вы можете собрать резак?

— Я? Нет, конечно. Я биолог, господа.

— Уверен, Брубейкер на это и рассчитывал.

— Брубейкер?

— Тот мудака, что вас ударил, — пояснил Голландец.

— Ох.

ЭйДжей принялся осматривать помещение. Он изо всех сил пытался вспомнить каждую деталь. Он не входил в команду инженеров, но отлично знал чертежи. Знать, что здесь и как, было частью его работы. "Именно, кухня, почему-то". Она не входила в список помещений повышенной опасности.

— Док, — сказал Голландец. — Может, вам успокоиться и рассказать, что здесь произошло?

— В смысле?

— Ну, не знаю, заметили вы или нет, но снаружи натуральные джунгли. Эта Гниль тут просто повсюду.

— Она быстро растет.

— Мы заметили, — сказал ЭйДжей. Он стоял в углу напротив огромной промышленной

печи. Она должна была давать хороший жар, поэтому система вентиляции должна...

— Её стало больше, с тех пор, как я последний раз выходил, — сказал Гидеон. — Когда началась стрельба, я ожидал... я не знаю, чего я ожидал. Наверное, отряды химзащиты и карантин. Нужно было догадаться, что "Вэлли Ойл" решит тут прибратся.

— С настойчивым упорством, — согласился Эйджей. Он принялся отодвигать плиту от стены. Она была тяжелой, но оказалась снабжена колёсиками.

— Голландец, есть монетка?

Тот протянул ему чилийский десятицентовик и продолжил осматривать дверь. Судя по всему, безрезультатно.

— Чего я не пойму, так это, почему они нас просто не застрелили. Ну, раз, решили убить, — продолжал Гидеон.

Эйджей опустился на колени и принялся осматривать пол под плитой. Он нашел винты, которые искал и принялся откручивать их монетой.

— Потому что не могли. Рано или поздно здесь появится и химзащита и карантин. Если в наших телах найдут пули, возникнет много вопросов. Мейсон был прав. Расстрелять нас было бы проще, но он печётся о репутации "Блэк шэдоу". После Багдада, частным военным компаниям и так не очень доверяют, когда идет речь о трупах. Можете представить, что начнется, когда это случится с дочерью вице-президента.

— Что? С кем? — спросил Гидеон.

— С девушкой, — пояснил Голландец.

— Они станут отрицать, что мы имели какое-то отношение к расследованию. Объявят, что мы отправились сюда по своей воле.

— Бессмыслица какая-то.

Голландец помотал головой.

— Он прав. Без твёрдых улик, доказать обратное не выйдет. Наш контракт они уничтожат в момент.

Эйджей поднял лист металла и отбросил его в сторону, вызвав грохот. Все обернулись. Он посмотрел на них.

— Есть плохие новости и ужасные.

— Рассказывай.

— Я нашел главный вентиляционный туннель. Он начинается здесь, в стене и идет вниз, — говорил он, указывая пальцем. — В общем-то, это хорошая новость, потому что он выходит наружу. Плохая новость в том, что он слишком узкий и нам придется очень постараться, чтобы через него выбраться.

— А ужасная новость?

— Он выходит на высоте в 50 футов над водой. У меня веревки нет, а у вас?

— А что с окнами? Может, через них попробовать?

— Стекло противоударное. Его даже кувалдой не разбить.

— Я в курсе, я пробовал, — сказал Гидеон. — Не кувалдой, конечно.

Голландец выдохнул.

— Ну, значит, остается ждать.

Эйджей посмотрел на него.

— Не знаю, как ты, но я не уверен, что правительство начнет действовать в ближайшие пару дней. Если "Шэдоу" удастся скрывать случившееся, к этому времени мы уже будем мертвы. Уверен, они решили именно так. К тому же, ты слышал, что доктор Грей говорил о

скорости роста этой хрени. И я не хочу сидеть и ждать, пока она поглотит тут всё.

— Не думаешь ли ты... — начал Голландец.

— Я не думаю, что она движется. Но она растет с таким упорством, что легко разрушит всю платформу. Конструкция только выглядит крепкой, но на грунте она крепится горизонтально и завалена на 90 градусов. Если опоры не выдержат, всё обвалится обратно.

Повисла тишина. Каждый порыв ветра снаружи казался чудовищным рёвом. Все разом почувствовали, как съежилось пространство вокруг них, как их тюрьма, вдруг, стала очень маленькой. Никто не заметил порез на голове доктора Грея. Никто не подумал о том, что он может быть заражен спорами Гнили и у них осталось гораздо меньше трех дней.

Голландец наклонился и принялся изучать вентиляционное отверстие. Он скинул куртку и принялся снимать рубашку.

— Сейчас или никогда.

— погоди — остановил его Эйджей. Он знал, что будет дальше и ему это не нравилось.

— Что ты дела...

Эйджей схватил Гидеон за ворот пальто и оттащил к столу.

Тот начал брыкаться.

— Что за...

— Раз уж мы решили выбираться, расскажите-ка ещё кое-что, док. В своем рассказе Брубейкеру и его людям вы кое о чем не упомянули.

— Что... о чём?

— Я хочу знать, что случилось с командой. Видите ли, я знаю, что тут были люди. Они перебили ваших людей и заперли вас тут. Ваши слова? Но, вот, я не знаю, где они сейчас. Как вы могли заметить, здесь отвратительно тихо и меня не покидает стойкое ощущение, что мы здесь не одни. Так, ведь, доктор? — Эйджей заметил, как изменилось лицо Гидеона и, вдруг, ощутил, будто кто-то прошел по его могиле. Почему Мейсон не спросил об этом? Он ударил доктора раньше, чем тот успел оказать сопротивление.

Гидеон сжался.

— Либо, начинай говорить, либо мы спустим тебя вниз по вентиляции прямо в океан. Ну? — Эйджей отпустил его и доктор отскочил назад.

— О, — ответил мужчина, поправляя пальто. — В этом нет необходимости.

И начал рассказывать.

4

Слизь, сочившаяся из щупальца, так воняла, что Джин и не смог припомнить ничего похожего. Ближе всего был мамин кан-чуа Вьетнамский суп... В детстве у него был лучший друг — вьетнамский паренек по имени Джон Чоу. Как-то раз он пригласил его к себе в гости на обед, а по воскресеньям его мать готовила эту похлебку из мяса, рыбы и растительного масла и воняло это всё, как гнилая манда. Джон сказал, что это называется кан-чуа, но почему он говорил, что он "мамин", Джин так понять и не смог. Он так и не собрался с духом, чтобы попробовать и это, наверное, стало причиной его отворачивания к вьетнамцам в будущем. Они были такими грязными, что, пожалуй, могли жрать дерьмо и не морщиться. Джонни очень любил мамин кан-чуа.

— Тебе там весело, я смотрю?

Джин вытянулся через перила и посмотрел вверх. Оттуда на него смотрел Питер. Рядом стоял Кристиан и выглядели они оба, донельзя довольными.

Джин поднял вверх пластиковый пакет, полный грибка. Грибок был зловещего черного цвета, порезанный на мелкие куски. Выглядело всё это месиво, как дерьмо бомжа.

— Не поможете?

Вместо ответа, Питер втянул щёки и сплюнул вниз. Слюна была коричневой от табака. Уворачиваясь от плевка, Джин дернул головой и чуть не расшиб её о стальной шкив.

— Омерзительно, — сверху раздался смех, он снова высунул голову. Вернувшись к своим делам, он подумал, что нужно внести итальянцев в список говноедов.

— Ты обезьяна ебучая, Сен-Круа! — крикнул он. Сверху донесся смех.

Он не понимал, как можно было смеяться. Они находились посреди какой-то странной непонятной хрени и так далеко от леса. Видимо, они злорадствовали из-за того, что специалиста по безопасности с ними больше нет. Почему бы, просто не закончить работу и не свалить отсюда нахер? Господи, не надо глумиться, когда жизнь в опасности. Но, не суть. Однажды, он избавит себя от этих психов и откроет собственную консалтинговую фирму. Ещё куча работы предстоит.

Он швырнул пакет на пол и поднял инструменты. "Хорошо, — подумал он. — Возвращаемся к работе". Не похоже, что они станут искать другого недоумка для сбора необходимых образцов. Разумеется, всё падает на плечи Джина. Чуть, что, так азиат.

Не то, чтобы он жаловался. Он лучше проведет два часа внизу, чем пять минут с этими обезьянами. Когда ремонт закончится, всё будет не так уж и плохо. Если он чуть поднажмет, то сумеет починить антенну и восстановить коротковолновые передачи. Мейсон сказал, что там были какие-то помехи, но это его дело. Джин был достаточно умен, чтобы не вмешиваться в чужие дела. В конце концов, если он починит радио, Мейсон будет счастлив.

— Впрочем, нет, — сказал он сам себе. — Джин, восстанови вышку, раз уж ты там. А! И выясни, что там с сотовыми. Интересно, а где подводные передатчики? Сможешь до них добраться? Господи, да ты молодчина. Студент. Давай, шевелись. Но...

Не важно.

— Помощь нужна?

Джин снова задрал голову и заметил, что Питер и Кристиан уже успокоились.

— Серьезно, — продолжал Питер. — Платформа зачищена, не нужны тебе эти веревки.

— Спасибо, но не думаю.

— Собирайся, китаец.

Джина бесило, когда его называли "китайцем", тем более что он им не был. Не говоря уж о том, что обращение это было расистским, и его, уж точно, не следовало произносить в рабочем коллективе.

— Я отлично справлюсь и без вас, идиотов.

Кристиан харкнул вниз и плевок прошел гораздо ближе, чем у Питера.

— Исчезни!

Оба затрещали, как старые вороны и ушли. Он слышал, как они разговаривали наверху, но был слишком измотанным, чтобы прислушиваться.

— Сдохните, там.

Джин взял рюкзак и достал страховку. Нужно было слегка спуститься по веревке, чтобы достать до кабелей антенны, но он справится. Он был профессионалом, хоть и окружали его одни придурки. Чуть раньше, Питер его, натурально, спас и он этого не забудет. Он был мастером своего дела и никогда не расстреливал всю обойму за раз.

Для технического доступа к антеннам к фермам были приварены страховочные кольца,

поэтому Джин без труда добрался, куда ему нужно было. Он проверил, хорошо ли закреплена веревка и шагнул через уступ. Перед ним лежало огромное щупальце, вода находилась в 50 футах под ним. Он удостоверился, что взял всё необходимое: инструменты, перчатки, проволоку и шагнул в пустоту. Веревка выдержала, но выяснилось, что до проводов не достать — путь преграждало щупальце.

Оно было огромно. Не меньше 8 футов в диаметре, предположил Джин. И вонял просто отвратительно. "Мамочкина тушеная рыбка" — подумал он, натягивая респиратор. "Ну и говноед же ты, Джонни". Если не это заслуживало доплаты за вредную работу, то он не знал, что.

Штука перед ним не была похожа на ту непрозрачную дрянь, что он собрал в пакет. Она была другой, полупрозрачной. Внутри неё что-то двигалось. Внутри него было что-то, имевшее форму.

Он подтянулся ближе и вытянул вперед руку, будто хотел до неё дотронуться. Там внутри, действительно, что-то было и оно двигалось. Он приблизился, желая разглядеть, что же именно там было.

И тут эта штука внутри открыла глаза и посмотрела на него.

Глава 14: Предназначение

Остров. Февраль 1939 года.

1

Доминик сидел под землей в серой комнате, на сером столе в окружении новых коллег. По крайней мере, он начал их таковыми считать. У каждого из них была своя цель, свои знания и опыт. Когда они находились внизу, то мало отличались от любой другой исследовательской группы в обычном мире и каждый день, он цеплялся за эту мысль, чтобы не сойти с ума. Они были просто четверкой ученых, делавших своё дело.

Рядом с ним, на полу сидел Ари, сложив руки на колени. Напротив стоял, как всегда, задумчивый, человек по имени Этторе, а рядом с ним последний заключенный по имени Томас Фреке. Доктора Криге с ними не было. Судя по всему, "фюрер" их группы, как и главный Фюрер, был засоней.

— Значит, теорию о радиации отбрасываем, — произнес Доминик.

Ари потрянул головой.

— Придется. Я ничего подобного раньше не видел.

— Полагаю, господин Камински прав, — согласился Этторе. — Это меланин. Это объясняет цвет. Вы видели мои замеры температуры?

Фреке резко шагнул вперед.

— Простите, вы биолог? Потому что говорите, как биолог. Среди нас только один биолог и он ещё ничего не сделал.

Вообще-то, Доминик сделал немало. По требованию доктора Криге, он начал вести журнал — старый блокнот с красной обложкой — куда записывал все их теории и предположения. Спор с Фреке ни к чему бы не привел, поэтому он промолчал.

— Замеры показывают, что после воздействия температура в террариуме возросла в разы, и рост этот был пропорционален росту радиации, которой мы его подвергали, — невозмутимо сказал Этторе. Он указал на стопку заметок. — Сами посмотрите.

Доказательство было там и, нравилось ему или нет, Фреке должен был его принять. Потому что грибок, который доктор Гидеон Грей назвал Гнилью, а эта группа называла "ростками" — невозможно уничтожить. Порезы заживали. Отрубленные части начинали жить своей жизнью. Без пищи или воздуха они просто ждали. Недавно Фреке попытался облучить их гамма- и альфа-лучами, поместив ростки прямо в плутоний-239, облученный нейтронами. Даже это не дало нужного результата. Ростки горели под воздействием высоких температур, но Рейх это решение не устроило. Нужно было взять их под контроль. Это и было их целью: взять под контроль то, что контролировать невозможно.

Ари вздохнул.

— Хотите сказать, любое излучение оно превращает в тепло?

— Более того, — сказал Этторе. — Оно растет. Его масса и размер увеличиваются пропорционально усилению облучения. По сути, верхнего предела роста у него нет. Очень необычно.

— Ага, — сказал Фреке. — Прелестно.

— И мы возвращаемся к меланину. Думаете, ваша теория верна, Доминик?

Доминик поднял взгляд и увидел, что все смотрят на него. Нам известны некоторые

виды грибов-экстремофилов, которые выживают при сверхвысоких температурах и сверхнизком давлении. Была гипотеза, что существуют и такие, которые способны выживать при облучении. Лично я с такими ранее не встречался, — добавил он.

— Ну, это никакая не тайна. А как же тогда превращение энергии облучения в тепло? — спросил Этторе.

— Да. Я уверен, что это из-за повышенной концентрации меланина. Известно, что он способен блокировать некоторую часть ионизирующей радиации у млекопитающих. В этом случае, организм обладает свойствами не только поглощать радиацию, но и превращать её в энергию.

— Говоря, что это никакая не тайна, вы, Этторе, имеете в виду, что это обычный внеземной вид, который пожирает гамма-лучи на завтрак? — вставил Фреке. — Господи, да вы такой же странный, как и те штуки.

Тот в ответ шмыгнул носом.

— Ну, мы же не уверены в его происхождении, разве нет? Это часть нашей работы. Что касается странностей, в моей коже больше меланина, чем у вас.

Доминик и Ари хихикнули, Фреке промолчал. Этот человек был ядерным физиком, чуть ли не единственным, кто работал по своей проблематике. Рейх перехватил его на пути из Швеции. Если выяснится, что он бесполезен в их работе, светлые волосы и голубые глаза его не спасут. Мысль эта была весьма мрачной и когда Доминик её осознал, то перестал смеяться.

Вместе они подошли к стеклянной клетке, где находился последний добытый образец. С тех пор как Доминик видел его в последний раз, он увеличился в два раза, заполнив собой почти всё пространство клетки.

— Кажется, оно просто сломает клетку, если мы не найдем побольше, — задумчиво произнес Ари.

На лице Этторе снова проявилось любопытство.

— Нужно с помощью вакуумного транспортировщика переместить его в клетку побольше, затем, высосать из этой весь воздух, прежде, чем сжечь эту штуку. Воздух отравлен.

— Сильнее, чем обычно? — спросил Доминик.

Этторе кивнул.

— Вместе с его ростом растет количество спор в воздухе и концентрация угарного газа. Я нашел кое-что ещё в данных с эффузиометра: следы гидрида мышьяка.

Доминик задумался, копаясь в собственных знаниях. Когда все снова посмотрели на него, он понял, что бубнит что-то под нос.

— Простите. На это способны некоторые виды черной плесени.

— Черной плесени? — спросил Ари.

— Да, некоторые виды класса стахиботрис. Поэтому в старых домах, где растет этот грибок, так отвратительно пахнет. Это и есть гидрид мышьяка. В высокой концентрации смертельно опасен, но в небольшой лишь неприятно пахнет. Этот грибок, он... совсем не похож на наш образец.

— Сунь туда голову и поймешь, что пахнет там не просто неприятно — пробормотал Ари.

Замерцали лампы и все подняли головы. Открылась входная дверь и вошел доктор Криге. Прошло уже несколько недель, но Доминик так и не смог выяснить его имя. Он знал

его достаточно, чтобы понять, что Криге, в общем-то, порядочный человек. Это особенно ярко проявилось во время их первой встречи. Но он следовал правилам, установленным сверху, поэтому доверять ему не стоило. Он пунктуально соблюдал все пункты этих правил.

— Чёртово электричество. Я из-за этих миганий проснулся. Но, да, полагаю, господин Квинтус прав. Наши питомцы, весьма, опасны. Их споры очень заразны. Не удивлюсь, что капитан Шмит станет не последней их жертвой за время нашей работы — он произнес это так спокойно, будто слова ничего не значили.

— Вопрос: почему?

— Почему что?

— Почему, именно споры, господин Квинтус! Они существуют не для воспроизводства. Это, своего рода, паразит, разве нет?

Он обращался к Доминику. Подобная мысль посетила его ещё на прошлой неделе, но он счёл её слишком надуманной.

— Это защитный механизм, — сказал он.

Этторе склонил голову.

— Если так, то он весьма неплохо развит.

Это было самое сильное преуменьшение, которое Доминик слышал от Этторе с момента своего появления здесь.

— Выходит, то, что мы видим здесь, — продолжал Криге, — включает в себя детали от всех схожих типов. Это значит, что все его свойства — способность к быстрому размножению, превращению ионизирующей радиации в тепло, производству вредоносных спор — всё это для того, чтобы защищаться и распространяться настолько возможно быстро, так?

Повисла тишина и Доминик понял, что он прав. Эти штуки, "ростки"... они были настоящими мастерами выживания, гораздо лучше подготовленными к любой угрозе, физической или какой другой, чем тараканы.

— Поэтому, мы будет воздействовать на него химически, а не физически. Так, господин Фреке? — спросил Криге.

Швед кивнул. "Отлично. Великолепно. Не говорите, что я бесполезен" — читалось в его глазах.

Криге, казалось, тоже это увидел.

— Не переживайте. Вам ещё найдется занятие. Это не последний проект, который мы здесь разрабатываем. Не стоит беспокоиться. Вы хороший человек, доктор Фреке. Хороший. И очень дорогой, должен добавить.

— И что это будут за проекты? — спросил Этторе, стараясь скрыть любопытство.

— О, проекты, связанные с физикой, — Криге указал на циклотрон в углу. — Вы же не считаете, что мы потратили столько усилий на сборку ускорителя частиц, чтобы он стоял и пылился? Нет, предстоит много дел. Великих дел. Дел, которые позволят нам догнать американцев.

Фреке выглядел удовлетворенным, но Доминик сумел уловить подтекст. "Это не последний проект". Он почувствовал, как нутро сжалось, как подумал о том, что предстоит остаться здесь и наблюдать, как его дочери растут и взрослеют в отрыве от остального мира. Удивило бы его, если бы Дитрих ему соврал? Даже, если он был уверен, что говорил правду, вины его в том не было. Вина лежала на его командирах, тех, кто получит всю прибыль от их исследований. Но об этом он пока думать не мог. Они проверили тысячи способов взять под

контроль имевшиеся у них образцы, но ни один не сработал. Ни один, из реализуемых, по крайней мере.

Вскоре, они разошлись, чтобы провести очередные тесты. Доминик сел за электронный микроскоп, один из самых мощных в мире, и принялся исследовать новую химическую формулу. Этторе и Ари занялись осмотром имевшихся образцов, в то время как Фреке, без возражений принялся выполнять самую грязную работу по устранению загрязнений и сжиганию образца. Даже сквозь стекло камеры, Доминик слышал шипение воздуха. Потому что, как и любой другой развитый вид, он понимал, что быть сожженным заживо — чрезвычайно болезненно.

2

Лейтенанту Харальду Дитриху.

Я только что получил запрос от рядового Гантте относительно заключённой, переведенной к нам в прошлом году. С величайшим сожалением, сообщаю, что никого с данными приметами в наше учреждение не переводили. В записях лагеря нет никаких данных о Магдалене Камински. Наша нынешняя структура не позволяет отслеживать отдельных лиц, хотя я припоминаю кого-то похожего среди группы, направлявшейся в Заксенхаузен Заксенхаузен — нацистский концентрационный лагерь, расположенный рядом с городом Ораниенбургом в Германии..

Я проинформировал вашего человека, что до конца года мы не сможем принять новых постояльцев и все перемещения запрещены. Насколько я слышал, вы немного приболели во время пребывания в одной из наших новых колоний, *поэтому желаю вам скорейшего выздоровления и успехов в поисках пропавшего заключенного.*

М. Эриксон.

Харальд оперся ладонями на перила и посмотрел на море, чтобы успокоиться. Он всё чаще стал подниматься на эту вышку, добровольно выполняя обязанности охранника. В обязанности лейтенанта это не входило, но никто не возражал, включая Рихтера. Может, он нашёл своё предназначение. Дитриху нравилось оставаться в одиночестве, нравилось смотреть на море. Обычно, оно успокаивало. Но только не сегодня. Прочитанное им письмо было уже третьим за последнее время, содержание которого его сильно расстроило. Три письма за три недели. Три неприятных известия. Дурное предзнаменование. Первое написала Мике, о которой он до той поры ничего не слышал. Во втором, руководство информировало его о том, что он останется на острове столько, сколько посчитает нужным Рихтер. И, вот, в третьем говорилось, что жена Камински пропала.

Харальд перечитал письмо.

Почему-то, он уставился в одну фразу: "успехов в поисках пропавшего заключенного". Почему начальник лагеря построил её именно так? "Пропавшего заключенного". Харальд отдал чёткий приказ о том, чтобы Магдалену направили в Нойенгамме. Если рядовой Гантте оказался неспособен выполнить приказ или, попросту, поленился, у Харальда не было никакой возможности на него как-то повлиять. Он был уверен, что будь он на материке, то без труда отследил бы женщину, но... он не был на материке.

Харальд разорвал и выбросил письмо. Что сказать Камински? Что соврать? Мике всегда догадывалась, когда он лгал. "Хари, ты покраснел!" — сказала она, когда он опоздал на встречу. "Ты очень мил, когда краснеешь, но, пожалуйста, не нужно мне лгать, хорошо?" Она рассмеялась и поцеловала его.

— Поэтому, ваша жена, скорее всего, мертва, — произнес он вслух, пробуя слова на вкус. — До лагеря она так и не добралась. Погибла в пути, стала жертвой домогательств солдат в порту, либо, каким-то путём стала недосыгаема. Так, что ли?

Вслух звучало слишком преувеличенно. Но, произнеся эти слова однажды, он был уверен, что повторить их уже не сможет. Он мог постараться уйти от ответа и это, определенно, нужно будет сделать, если он планирует продолжать встречаться с его дочерью.

Очередная головная боль. Под пристальным взглядом начальника базы их встречи стали проходить необычайно тяжело. Почему Рихтеру так интересно, лейтенант понять не мог. Не было похоже, чтобы Харальд скрывал их встречи. Это же просто сбор информации, работа с источником, чтобы...

Сильный взрыв сотряс вышку. Харальд пригнулся, решив, что начался бой. Затем он взглянул в сторону северной стены и понял причину. Они снова вышли на охоту. Тормозной паренек Ганс Вэгнер бурил во льду лунки, а Зайлер кидал в них взведенные гранаты. Они носились, как школьники, смеялись, когда лёд взрывался и на поверхность выбрасывало косяки рыбы.

Гестаповец, по какой-то странной причине вел себя, как подросток. Видимо, борьба со скукой стала его личной войной. У начальника не было для них никаких заданий, а дни здесь тянулись долго. Поэтому эта парочка частенько напивалась и охотилась на всё, что могла найти. Зайлер у них был мозгами ("Да поможет нам Господь" — подумал Харальд), а Ганс мускулами. Они могли часами самозабвенно мастерить ловушки и капканы или бурить дырки во льду. "Может, это было привлечение внимания, — рассуждал Харальд. — Явное психопатическое поведение". У Ганса, явно недалекого парня, хотя бы, было оправдание. У Зайлера не было. В отсутствие настоящего занятия — охоты на людей — его энергии нужен был выход.

С каждым днем становилось всё хуже. Зайлер начал таскать в свою комнату трофеи. Трупы убитых им и дурачком животных. На прошлой неделе он принес череп морского леопарда и клюв пингвина. Это стало результатом похода, занявшего целый день, в ходе которого Борис и Ганс поместили взрывное устройство прямо в кладку яиц. Они прождали несколько часов, пока пингвин вернется и взгромоздится на яйца и только потом привели взрывчатку в действие. Среди груды внутренностей и яичной скорлупы только клюв представлял собой какую-то ценность. Зайлер не мог рассказывать эту историю и не смеяться.

Боже. Ян был уже готов удавить его во сне.

Харальд и сам плохо спал последнее время, а когда удавалось заснуть, то ему снилась яма. Сны становились всё мрачнее.

Это нужно было прекращать. Рихтер стал прохладно относиться к Камински, одна искра и всё рванет. От ворот возвращалась парочка охотников. На сегодня они закончили. Когда они подошли к казармам, начало происходить что-то странное. Парень направился к бункеру заключенных.

— Какого хера? — воскликнул Харальд и начал спускаться вниз, понимая, что у кого-то сегодня день станет не очень удачным.

Парень остановился у входа в бункер и принялся расстегивать штаны.

— Ты что творишь? — спросил Зайлер. Он покачнулся и оперся на стену, выглядя при этом, весьма, довольным.

Вместо ответа, Ганс начал мочиться, желтая струя разбивалась прямо о ступени.

Харальд бросился к ним. Далеко. Чертовски далеко.

Парень запел:

— Manner umschwirr'n mich, Wie Motten um das Lich Строчки песни из кинофильма "Синий ангел" (1930) с Марлен Дитрих в главной роли., - но получалось у него скверно. Харальд схватил его за волосы на затылке и швырнул в стену. Парень без сознания упал лицом в собственную мочу. Харальд несильно его ударил, но Ганс был крепко накачан ликером.

— Заканчивайте. Никаких больше розыгрышей. Никакой охоты за стенами.

Зайлер снова качнулся.

— Мы просто веселимся, лейтенант. Веселье не запрещено.

— Начальник приказал дуракаваляние прекратить. Если он вас поймает, обоим оторвет головы. Ясно?

— Да, но... его же здесь нет.

— Я требую, чтобы всё успокоилось. Я требую прекратить балаган.

Зайлер ткнул в него пальцем.

— Ты... ты мне не указ.

Ну, вот и открытое неповиновение.

— Приказы здесь отдаю я! — взревел Дитрих. — И не собираюсь этого терпеть! К тому же, я запрещаю вам тратить взрывчатку на рыбу. Если Рихтер узнает, что её использовали не по назначению, последствия не заставят себя ждать!

— Скажем, что использовали её для тренировок, — сказал надувшийся Зайлер. Выглядел же он иначе. Видимо, до него что-то начало доходить.

— Хватит. Забирай его, — сказал Харальд, указывая на парня. — Ради бога, оттащи его от собственной санины и пусть умоется. До завтрашнего утра вас не должно быть не видно, не слышно и мне плевать, чем вы будете заниматься, но держитесь подальше от бункера заключенных. Ясно?

Зайлер кивнул. Он встал на колени и принялся поднимать парня.

— Вот и хорошо. Убедись, чтобы и он всё понял, когда проспится.

Он ушел, оставив их обдумывать случившееся. Он был на взводе, сердце бешено колотилось от этой разборки. Впрочем, как поступать в таких ситуациях, лейтенант никогда не раздумывал. Он лишь однажды позволил своим инстинктам управлять собой и эти двое это заслужили.

Теперь нужно было поговорить с Камински. С этого момента никаких оправданий, ни от заключенных, ни от охраны. Рихтер становится нетерпелив.

3

Когда Харальд вошел в лабораторию, ученые уже ушли. Вот так они работают, значит? Видимо, им нужна более четкая мотивация. И это должно исходить от командира.

Наверное, он прав.

Харальд подошел к стеклянной клетке и посмотрел на росшее в ней щупальце. Определенно, оно его почувствовало, потому что раскрылось. Из складок выползло какое-то крохотное создание. Лейтенант шагнул назад, но, вдруг, понял, что стал ещё ближе. Это создание оказалось птичкой со сломанным крылом, крачкой, которую нашел Этторе. Она была очень маленькой, хрупкой и пульсировала черным.

Затем эта тварь заскрипела и бросилась вперед. Она врезалась в стекло, отпрянула назад и бросилась снова. Стекло мгновенно окрасилось красным. Искалеченная птица, подползла, как можно, ближе и начала щелкать клювом. Харальд не сомневался, что она не остановится, пока не умрет.

Он осторожно подтянулся и открыл клетку.

— Методы, — сказал он сам себе. — Хотите эффективных методов, господин командер? Может, нам стоит наказать Камински за то, что оставляет эту дрянь без присмотра.

Сама по себе птичка не могла причинить никому вреда. Лейтенант не знал, что опасность таилась в том, что у неё внутри.

Оставив крышку клетки незапертой, он вышел из лаборатории и из бункера, испытывая некоторое возбуждение. По пути он столкнулся с Криге и прошел мимо, оставив того наблюдать за собой.

4

Парень шагнул в пещеру, держась за челюсть. Она болела, но скоро пройдет, он был уверен. В Думательном Месте ему всегда становилось лучше. Всегда.

Он наткнулся на него совсем недавно и теперь оно стало его. Он иногда думал, что было бы замечательно показать это место своему новому другу Борису, но сейчас он понимал, что хорошо, что он так не сделал. Борис не защитил его от лейтенанта. Синяк на лбу до сих пор не сошел. На губах всё ещё чувствовался гадкий привкус. Лейтенант ударил его, когда он мочился, а это нечестно.

Гансу нравилось мочиться снаружи. Иногда, в детстве, ему попадало за то, что он мазал мимо горшка. "Если не прекратишь, Ганс, я тебе эту штуку отрежу!" — кричала мать. Его это злило. Она не имела права распоряжаться его "штукой", даже если он мазал мимо. Он всегда прибирал за собой.

Позже, когда мать работала в ночную смену, он пробрался в её комнату и помочился в её кровать. Это было весело, даже если бы он попался, пытаясь это повторить.

Наверное, всё было в порядке, потому что, когда его "штука" выросла, он стал писать лучше. Проблем с попаданием больше не было. Когда он мочился на улице, ему становилось хорошо, так что он поступал так, когда только мог. Особенно хорошо было после виски или бурбона. Ему нравилось это состояние. Помогало сократить время. Время сокращать ему приходилось часто, особенно, когда мать уходила на ночные смены.

Его комната дома была очень маленькой, но он смог обустроить Думательное Место в шкафу. Там были все его друзья. Когда он уходил в армию, то собрал Думательное Место в рюкзак и закопал на улице. Потому что понимал, что мать не поймет, когда найдет его. Он решил, что, когда вернется, то выкопает его снова. Поначалу, без него было тяжело, он боялся, что никогда не найдет другое. В армии не было никакого личного пространства. Иди туда вместе со всеми, иди сюда вместе со всеми, спи вместе со всеми, рядом на жестких койках.

Затем он попал на этот остров. Думательное Место здесь оказалось намного лучше того, что было дома. Он даже думал остаться тут навсегда, даже, если бы это означало, что рюкзак со старым Местом навсегда останется закопан. Или, что он больше никогда не увидит маму.

Сидя в пещере, он взял в руки Ганса-младшего. Это была его любимая игрушка, поэтому он дал ей собственное имя. Малыш перестал двигаться днем раньше, что позволило его

приручить. Это был самый большой детеныш тюленя, какие только попадались Гансу. Принести его сюда было очень трудно, но он справился. Малышу Гансу не понравилось, когда Ганс отрезал ему плавники, но так было проще его приручить.

Остальные его друзья тоже были мертвы, но он не придавал этому значения. Тут было так спокойно, в Думательном Месте.

У него накопилась внушительная коллекция. У Ганса-младшего было три товарища: Фридрих, Лукас и Хелен. Лукаса, наверное, в расчет брать не стоило, потому что это была только голова. А Фридрих был самым старым, начал уже разлагаться и вонять. Он, хотя бы, мух не привлекал. Это было одной из причин, почему новое Думательное Место было лучше того.

У него были птицы, развешанные на нитках, пингвины, морской леопард и, даже, уродливая морская звезда, которую он подобрал на берегу. Главным экспонатом его коллекции — рядом с Гансом-младшим, конечно — была черная, почти невесомая птица. Он нашел её около провала. Собственно, его Думательное Место находилось совсем недалеко от него.

Птица была ещё жива, когда он её обнаружил. Он поместил её к остальным, проткнув ей грудь иглой. Он назвал её Иисусом, потому что она протянула очень долго. Птица жила ещё три дня, борясь за жизнь и скрипя клювом. Ганс часами сидел и смотрел на неё. В отличие от остальных, она не выглядела усталой и сдаваться не собиралась. Она била крохотными крыльями и дергалась, дергалась, дергалась, пока, на третий день, наконец, не умерла.

Ганс никогда не спускался в лаборатории, но решил, что у них могут найтись ещё такие птицы. Он слышал про Скользящие Штуки в кратере. Солдаты боялись Скользящих Штук, но не Ганс. Однажды он чуть не дотронулся до одной. Когда он впервые пришел к кратеру, то прошел под одним из них, подняв вверх руку, будто желая погладить. Плоть её разделилась прямо напротив вытянутого пальца солдата. Это было так странно. Она выглядела как мужская "штука", но перед его пальцем раскрылась, как женская. Тогда он в ужасе одернул руку. Он вспомнил рассказ матери о том, какими грязными бывают женские "штуки", сколько несут в себе болезней. Он не испугался, просто не хотел себе никаких болезней.

Та расщелина выглядела так странно. Он задумался о том, что будет, если сунуть в неё взрывчатку. Не настоящую бабахалку, типа, гранаты, а какой-нибудь фейерверк. За несколько недель он скопил немало взрывчатки и был уверен, что никому её не найти. Он зарыл этот запас углу пещеры и накрыл камнями. Ганс делал то же самое, когда жил с матерью и никто тогда ничего не нашел. Но взрывчатка, которую можно достать в армии сильно отличается от той, которую он добывал в детстве. От мыслей о том, сколько с ней можно сделать веселых штук, у него кружилась голова.

Борис об этих запасах ничего не знал. Ганс только однажды залез в схрон, когда они делали бомбу для пингвина. Он был достаточно умен, чтобы понимать, что Борис следовал определенным правилам, а воровство в армии было нарушением этих правил. Даже, если это было сделано ради веселья.

Поэтому он забавлялся только с животными. Может, когда-нибудь, он попробует с людьми.

Ещё вчера Борис был другом. У Ганса было немного друзей. Может они будут писать вместе и Борис покажет ему свою "штуку". Мысль о том, чтобы попросить его об этом частенько посещала его голову. Они частенько бывали "под мухой".

Ганс подошел к выходу из пещеры и выбрался наружу. Здесь было трудно сказать,

сколько сейчас времени, но нужно было поспешить.

Он двинулся по тропе, задержался, взбираясь на холм, с которого увидел кратер. Он никогда не переставал удивлять. Ганс подошел к краю и заглянул во тьму. Он не чувствовал никакого страха. Ему показалось, что его, наоборот, приглашают. Затем со стороны базы послышался рев двигателя и крики людей. Циммер начнет его искать, если начнется работа. Нужно возвращаться.

Вздыхнув, он отошел от края. "Не сегодня". Он обязательно найдет способ узнать, что там.

Глава 15: Прохладный день в аду

Нефтяная платформа "Эсхил". Наши дни.

1

— На связь "Дельта". Это "Альфа"-лидер, ответьте, — он помолчал. — "Дельта"... мать твою, Райнер, ты где?

Мейсон чуть было не вырвал микрофон из панели управления, но, вместо этого швырнул его на пол вертолета. Находясь на острове, он решил, было, что смирился с исчезновением Райнера, но здесь, нереальность происходящего снова начала бросаться в глаза. У него раньше погибали люди, но чтобы исчезнуть — никогда. И никаких ответов.

Пока они с Ваем были на острове, остальные собрали тела. Не считая аргентинских военных, их оказалось 16. Из 238. Это никак не сходилось с тем, что говорил их связной. Никак не сходилось с ущербом, с которым они здесь столкнулись. Во всём этом, вообще, не было никакого смысла.

Мейсон выбрался на посадочную площадку и заметил, что стало темнее. Ещё несколько часов и солнце сядет за горизонт впервые за последние полгода.

Снаружи ждал Хэл.

— Что будем делать?

Мейсон схватил его за лицо, сунул палец в рот, вытащил оттуда жвачку и выбросил её.

— Полезай в вертушку, МакХалистер.

Пилот насупился.

— Живо! — крикнул Мейсон.

Хэл забрался в С-70 и занял место пилота. Он знал, что сейчас лучше молчать. Мейсон не хотел его ударить. Он хотел поколотить Райнера. Он отдал простой приказ: разведать периметр, осмотреть остров, вернуться на платформу и обеспечить поддержку с воздуха, когда они будут зачищать верхние уровни. Мейсон доверял Райнеру много лет, а теперь... теперь он просто исчез.

Во всем этом задании не было никакого смысла.

— Может, не всё так плохо, сэр, — обратился к Мейсону новичок. Он опирался на костыль, который Мелвин соорудил для него из металлолома.

— Чего тебе, Уорш?

— Может, смысл есть, но мы его не видим.

Мейсон нахмурился. Либо он сказал это вслух, либо выражение его лица само обо всём говорило. Подобное поведение не входило в его привычки.

— Может, рабочие не мертвы. Они погрузились в лодки и ушли в море. Я к тому, что, раз их нет здесь и нет на острове — это самое разумное объяснение.

— А Райнер? — поинтересовался Мейсон.

— Не знаю. Может, приземлился где-нибудь. Рация-то до сих пор не работает.

— А паренек-то не глуп, — сказал появившийся рядом с вертолетом Мелвин. — Но, как по мне, скорее, в аду похолодает, чем мы его найдем.

Ник пожал плечами.

— Тут, хотя бы, безопасно. Но, что вы сделали с остальными? Я не видел ни Кейт, ни футболиста с тех пор, как вы вернулись.

Мейсон взглянул на Мелвина и тот пожал плечами. Неужели в "Блэк Шэдоу" ничего ему

не рассказали, когда подписывали на это дело?

Ситуацию спас Хэл, решивший, что говорить стало безопасно. Он высунулся из кабины.

— У нас осталась одна рабочая "птичка". И, если господа не возражают, я займусь проверкой систем, — он хотел сказать что-то ещё, но его речь была прервана звуком приближающегося двигателя. Он ещё дальше высунулся из кабины, глядя на подлетающий объект.

— Будь я проклят.

Через 5 секунд он был уже мертв.

2

Питер выплюнул очередную струю табака, которая пролетела мимо бурильной установки и приземлилась на противоположной стороне. Он ухмыльнулся. В конце концов, он занимался этим с 12 лет.

— Есть ещё? — спросил Кристиан.

— Не, табачка больше нема. Но, есть кое-что другое, — он вытащил круглую оранжевую таблетку. — Я берег её, пока всё не устаканится, но полагаю, лучше уже не будет. Хочешь?

Кристиан мотнул головой.

Питер пожал плечами и кинул таблетку в рот. Он тяжело вздохнул, позволяя ей пройти в желудок. Сначала, как обычно, похолодели зубы, затем десны. Он сглотнул. Встряхнулся. Засмеялся.

— Ох, ёпт! — крикнул он. Желтая таблетка была очень хороша.

Кристиан вздохнул и откинулся назад, сидя на ящике. Питер хлопнул его по плечу. Ему нравился Кристиан. Мелвин постоянно его поучал, дергался, когда он называл свою смесь "шмалью".

— "Шмаль" означает, что в ней есть наркота, мудила, — говорил он. — Ты реально debil, или просто похож на него?

Питер от этого всегда смеялся и Мелвина это бесило ещё сильнее. Но Кристиан, обычно, молчал. Но сейчас Питеру казалось, что с ним что-то не так. Он весь сжался, сгорбился, будто готовился прыгнуть. Поначалу, Питер решил, что это он так отходил от боя, но было что-то ещё.

— Плохо выглядишь. Ты в порядке? Точно, помощь не нужна?

Кристиан тряхнул головой. Затем, он, вдруг, поднялся.

— Слышишь?

Сначала Питеру казалось, что он слышит только ветер, но вскоре он понял, что его приятель прав. Был какой-то... сосущий звук.

И вдруг, под ними кто-то закричал. Нет, не закричал. Завопил.

— Джин!

Они бросились к перилам, стараясь разглядеть, что там внизу. Первой мыслью Питера было, что у него начался бред и он подумал о барыге. "Он впарил мне не тот пакет. Он впарил мне не тот пакет. Святой боже, он, блять, впарил мне не тот пакет!"

Крик доносился со стороны щупалец. Из них вываливались отвратительные черные, похожие на тараканов твари. Они ползли по фермам, грудями громоздились на переходах. Питер вращал глазами то влево, то вправо, надеясь, молясь о том, что причиной увиденного стало то, что он принял. Но подобная мысль была глупой. Ничто не действовало с такой скоростью. Внизу щупальце проглотило Джина. Что-то засосало его внутрь и сожрало,

оставив страховочные тросы болтаться в воздухе.

Черные твари ползли по платформе, торопясь и толпясь друг на друге, подобно животным. Почерневшие и изуродованные, они, всё же, были похожи на людей.

На Питера нахлынуло внезапное воспоминание, порожденное его разумом. Ему снова было 6 лет и он стоял с родителями возле церкви. "Дьявол, действительно, существует?" — спросил он у матери. Та ответила ему, что он всегда должен быть хорошим мальчиком, потому что дьявол всегда следит за ним. Но он так и не стал хорошим мальчиком. Господи, он убивал ради выживания. И, вот, дьявол явился за ним.

Кристиан открыл огонь. Выстрелы вернули его к реальности, винтовка напарника гремела прямо над ухом. Вай попал в одну тварь, черная кровь брызнула во все стороны. Они были слишком быстрыми. Он перестал выцеливать быстродвижущиеся цели и принялся за щупальца, из которых потекли потоки черно-зеленой жижи.

Питер вскинул гранатомет и снял его с предохранителя. К тому времени, как он был готов к стрельбе, смотреть вниз уже не было нужды. Твари ползли по ступенькам. Они ползли по бурильной установке и направлялись прямо к ним.

3

Тело Хэла озарилось багровыми брызгами, когда пули попали в кабину. Передняя часть вертолета мгновенно разрушилась. Стекло кабины покрылось трещинами, в металлической части появились множественные пробоины.

Мейсон упал на землю раньше, чем осознал, что происходит. Второй вертолет — его вертолет — завис в 30 футах над платформой. Из боковой двери торчал ствол 50-го, сея вокруг смерть. Мейсон обернулся и посмотрел на него. Вплоть до этого утра он считал, что ничто уже не способно его удивить. Как же он ошибался!

На другом краю платформы что-то кричал Николас.

— Маркус! — читал Мейсон по губам. — Это Маркус!

Тень на борту вертолета, действительно, была похожа на Райнера, но она была слишком тонкой, слишком обесцвеченной. И у него был слишком резко очерченный жуткий рот, какого у человека быть не могло. Этот рот, эта пасть выглядела настоящей ямой. "Я тебя напополам разрежу, старичок, — как бы говорила этот рот. — И мне это понравится. Мне понравится. Понравится!"

Мейсон вскочил на ноги и бросился через посадочную площадку, хватая по пути Николаса. Позади них прожужжала пулеметная очередь, пройдя от ног парня в считанных дюймах. Мейсон затащил его на лестницу и швырнул в угол, словно мешок с мусором. Там уже сидел Мелвин и таращился по сторонам, будто собака на фары.

— Можешь его снять?

Мелвин высунул голову на площадку, в ответ снова прогремели выстрелы.

— Нет!

Мейсон закинул за плечо AR-15. Он слышал, как вертолет начал движение. "Эсхил" был большим, но у противника была возможность обогнуть вышку и зайти с лучшего угла. "Противник" — только так он и мог о них думать. Думай он иначе, расплата будет неминуема.

Калле взглянул на него.

— Что будем делать, командир?

— Валить их.

— Ещё раз?

— Валить их! — рявкнул Мейсон.

С пола на них смотрел молодой, его глаза были полны боли.

— Вы куда?

— Искать второй 50-й. Шевелитесь, сделайте что-нибудь полезное, мать вашу!

Мейсон прыгнул вниз по лестнице, затем на второй уровень и оказался на палубе. Он уже видел тяжелый пулемет, лежавший на ящике, около моста. Из-за появления доктора Грея никто так и не додумался его демонтировать.

Затем снизу послышалась стрельба. Он замер. "Эсхил" в одно мгновение, стал слишком большим. Казалось, Мейсона и его подчиненных разделяли тысячи миль. Он коснулся рукой уха и нащупал наушник, но, когда пальцы коснулись переключателя, он вспомнил, что наушник бесполезен. Выругавшись, он выдернул его из уха и выбросил.

Пулемет ждал его на палубе и он изо всех сил бросился к нему. Добравшись до пулемета, он увидел их.

Похожие на людей твари вылезали из Гнили и ползли по палубе. Одна из них стояла на ногах на мосту возле жилого блока менее, чем в 15 футах. Тварь сделала шаг в его сторону, глядя на него пустыми белесыми глазами.

Мейсон пристальнее посмотрел на неё. Тварь перед ним была... женщиной. Он попытался представить, какой она была до превращения и не смог. Она была слишком уродливой. Тварь зашипела и это вывело его из транса. Мейсон нажал на спуск и её голова разлетелась в стороны.

В 20 футах по лестнице поднимался Сен-Круа с Ваем на буксире. Он выстрелил из гранатомета куда-то позади себя, раздался взрыв и вся платформа содрогнулась.

— Ко мне! — выкрикнул Мейсон. — Сюда! Ко мне!

Вай убил ещё двоих и вместе с Питером пошел к Мейсону. Мейсон не знал, сколько ещё осталось тварей, но, если предположить, то, около двух сотен. "Безумие" — подумал он и внезапно осознал, как же повезло доктору Грею.

Мейсон открутил болты, которыми пулемет крепился к ящику и снял с него ленту. Он уже собирался отложить её в сторону, как прямо перед ним возникла голова. Это был лысый мужчина с усами, весь покрытый черными нарывами и паутиной вен. Мейсон разглядел даже небольшое щупальце, торчавшее у него из уха.

Его рука дернулась к ножу на поясе и он воткнул его прямо в голову, пробив её насквозь. Тварь зашипела, во рту у неё виднелось лезвие. Когда Мейсон выдернул нож, тварь упала назад.

Ещё один взрыв сотряс платформу позади него и Мейсон расслышал восторженный выкрик Сен-Круа.

— Убери его нахер, идиот!

Прежде, чем он успел что-либо ответить, Мейсон передал ему пулемет. Сен-Круа принял его, шумно выдохнув. Он отдал Мейсону гранатомет и спросил, указывая на пулемет.

— Куда?

— Восточная сторона. Установи на палубе.

Втроем они бросились назад, к платформе. Сен-Круа принялся устанавливать пулемет, едва успев затормозить. Пулемет он расположил прямо под перилами, устанавливая, практически, идеальную позицию.

Твари ползли по ступенькам, Мейсон насчитал их на дюжину больше. Трое свалились

вниз, когда Вай срезал их короткой очередью. Мейсон выстрелил сам и положил ещё двоих. Остальные сбились в кучу и он начал стрелять ниже, целясь по коленям. Кем бы они ни были, в кого бы ни превратились, дошли они как обычные люди. Вот Мейсон и убивал их, как обычных людей.

Он огляделся и заметил за фермами очертания вертолета.

— Заходит на позицию!

Сен-Круа дернул затвор пулемета, целясь в просветы ферм.

— В чём дело? — крикнул Кристиан.

— Тише!

Мейсон прислушался и ему показалось, что снизу доносились голоса.

Он перегнулся через перила и увидел, где находились остальные пораженные Гнилью доктора Грея твари. Они сгрудились вокруг металлических ферм под жилым блоком, шипели, плевались и карабкались вверх. В середине, прямо под зданием, как из дыры торчал Ангус. Эйджей в одних трусах висел на веревке, судя по всему, сделанной из одежды.

Одна из тварей попыталась схватить его, но он увернулся. Тварь упала вниз, ударившись о землю и исчезла в море.

Эйджей поднял голову и когда их с Мейсоном взгляды встретились, он вытянул руку и показал тот же жест, что и Мелвин, когда их запирали на камбузе.

Сплюнув, Мейсон вскинул винтовку и прицелился прямо в него. И в этот момент вертолет облетел платформу и Сен-Круа открыл огонь.

4

Эйджей приготовился падать. Он посмотрел на самодельную веревку длиной 6 футов. "Зато, падать придется 44 фута, а не 50" — подумал он. Затем в небе послышался стрекот пулемета.

Мейсону пришлось отвлечься, когда вокруг начали свистеть и рикошетить пули. Одна из них попала в руку твари из Гнили и та упала в воду, увлекая за собой товарища. Эйджей видел вертолет на противоположной стороне платформы, людей Мейсона, которые отстреливались от него.

Самодельная веревка дернулась. В парку Гидеона попала пуля, оставив в рукаве отверстие размером с очко тюремного стукача.

— Качайте меня! — крикнул он наверх.

В вентиляционной шахте появилось лицо Гидеона.

— Что?

Эйджей бросил взгляд на палубу, где перезаряжался Мейсон.

— Раскачайте меня! — снова крикнул он. — Вытаскивайте меня отсюда!

С помощью двух пар рук веревка начала раскачиваться. Эйджей прижал колени к груди и потянулся к палубе, начинавшейся примерно в 6 футах. Веревка качнулась в обратную сторону и на следующем качке он попробовал снова. "4 фута".

Мейсон высунулся из-за перил с AR-15 в руках.

Эйджей выпустил веревку в максимальной точке амплитуды. Он пролетел по воздуху и врезался в палубу, хватая Мейсона за рубашку. Здоровяк завалился на бок, ногами уперевшись в перила, винтовка упала куда-то за спину. Одной рукой он держался за стальную перекладину, а другой вцепился Эйджею в горло. Эйджей почувствовал, как хрустнул кадык — кармическое воздаяние за то, что он сделал с доктором Греем. Его рука

нашупала, что-то на поясе Мейсона — его собственный М1911 свободно болтался у него в кобуре. Большой палец поднялся вверх и, внезапно, пистолет оказался в его руке. Это оказалось так неожиданно, что пистолет выстрелил прямо в бедро Мейсону. От отдачи ствол отбросило в сторону, вырвало из ладони и он улетел вбок.

Мейсон зарычал и силой опустил вниз кувалдоподобный кулак.

ЭйДжей начал падать, но руки продолжали цепляться и он смог ухватиться за край платформы. Повиснув над открытым морем, он издал протяжный выдох. Мейсон снова зарычал, поднимая ногу, чтобы раздавить ему пальцы. Но, вдруг, что-то ударило его в плечо. Это "что-то" было похоже на пустое ведро из-под краски. Мейсон попытался опереться на больную ногу, но упал назад.

— Эй, обезьяна! — это был Голландец, свисавший из вентиляционной шахты.

— Быстрее, давай! Я соскальзываю! — крикнул ему ЭйДжей.

— Сначала, передай мне ствол!

— Какой ствол?

— Из которого ты его подстрелил!

— Я его уронил!

— Чего?

— Уронил я его! Давай... Тянись сюда! Быстрее! — он слышал, как Мейсон медленно поднимается на ноги.

— Прыгай! — крикнул Голландец.

— Не могу!

— Я тебя поймаю! Прыгай!

И ЭйДжей прыгнул. Он поднял ногу и оттолкнулся от платформы, используя каждую каплю оставшейся у него энергии. Их тела столкнулись. Голландец вытянул свободную руку и ухватил его за плечо. ЭйДжей вцепился в него, боясь, что сейчас они вместе грохнутся в океан.

Но они не упали.

— Замечательно! А теперь, ради бога, убери руку с моего члена!

ЭйДжей посмотрел вниз.

— Извини, — сказал он и подвинулся.

— Хватайся за веревку позади меня. У тебя получилось, браток.

— ЭйДжей обернулся в сторону платформы. Казалось, она находилась в сотне ярдов от них, но он, всё равно, смог допрыгнуть.

Мейсон стоял, опершись о перила. Оружия в его руках не было, но на лице читалась неприкрытая ярость. Взглянув на них в последний раз, он исчез из вида.

— Эй! — крикнул сверху Гидеон. — Вы там как?

— Мы тут заняты немного!

Голландец постучал пальцем ЭйДжею по голове.

— Если допрыгнем до тех перекладин, сможешь спуститься вниз?

— А есть выбор?

— Ну, можешь остаться и сдохнуть.

ЭйДжей спустился до конца веревки. Он слышал, как ткань Гидеоновой куртки начинает постепенно рваться.

Перекладины, укреплявшие сооружение, оказались ближе, чем платформа, поэтому он без труда до них дотянулся. Он оказался, практически, под ней, ниже была только сталь и

вода. И щупальца, конечно. Прежде чем начать подъем, он оказался лицом к лицу с одним из них, на расстоянии вытянутой руки. Как и Джин, он различал внутри него движение чего-то живого, но, в отличие от Джина, прекрасно знал, что это. Гидеон подробно рассказал о том, куда делась команда.

— Эм, Голландец...

Тварь внутри щупальца шевельнулась и плоть раскрылась, словно вульва. Она крутилась и извивалась.

— Голландец! — крикнул он.

Из щупальца показалась пара рук.

— Пошел, пошел, пошел!

Голландец двигался вниз, Эйджей следовал за ним, хватаясь руками за фермы.

— Плохая затея, — шептал он, чувствуя, как в спину бьёт океанский ветер. — Определенно, плохая затея.

Сверху раздался визг и он увидел спускавшегося по веревке Гидеона. Его лицо было искажено ужасом. Времени катастрофически не хватало. Если Мейсон разыщет своё оружие, или возьмет его у кого-то из своих, все они окажутся, лишь, крупными медленно движущимися мишенями. Но было и кое-что похуже: вертолет продолжал кружить неподалеку.

— Мне никто не сказал, что придется карабкаться по этим штукам! — крикнул Гидеон. — Ненавижу высоту!

— Не думай о ней! — ответил ему начавший уже задыхаться Эйджей. — Высота — это не проблема.

— Ага! — согласился Голландец. — Падение — не самое страшное.

— Поторопись!

Звук вертолета стал громче.

С-70 выходил на их сторону платформы, чадя клубами дыма. Он был почти разбит, в корпусе повсюду зияли пробоины от пуль и осколков. Открытая дверь была залита кровью, стрелок — "Ковбой" — подумал Эйджей — лежал мертвый.

— Ох, блин...

Вертолет направился к ним, трясясь и болтаясь в полете.

— Парни! — крикнул Голландец.

— Шевелите булками! — закончил за него Эйджей. Он спустился к последней балке и спрыгнул в лодку.

— Господи, он же сейчас врежется! Держитесь за что-нибудь!

С палубы донеслась пулеметная очередь и вертолет с оглушительным грохотом врезался прямо в центр "Эсхила", разбрасывая повсюду раскаленные осколки. Одна из тварей Гнили попала под винт и её разорвало напополам. Что-то загорелось и взорвалось. Был ли это бак вертолета или что-то на палубе, Эйджей не понял.

Они изо всех сил цеплялись за жизнь, мир вокруг них рушился в библейском смысле. Позади Эйджея что-то большое рухнуло в океан и он услышал крик. Взглянув вверх, он увидел, что веревка была оборвана.

5

Эйджей заметил Гидеона свисавшего с фермы. Что бы ни упало в воду, оно уже утонуло.

Позади него Голландец сложил полукругом ладони у рта.

— Закидывай ногу! У тебя получится!

Выжившие твари Гнили приближались и времени у Гидеона не осталось. С большим трудом он закинул ногу на ферму и начал спускаться вниз, его грязные семейные трусы трепались на ветру. Эйджей был, почти, уверен, что он сорвется, но ошибся. Руки доктора отчаянно цеплялись за одну перемычку, затем за другую.

Сверху принесло жар и Эйджей подумал, как скоро всё здесь обрушится. Судя по всему, недолго осталось.

Вскоре доктор оказался прямо над лодкой, боясь совершить прыжок и преодолеть последние несколько футов.

— Давай! — рявкнул Эйджей. — Прыгай!

Гидеон глянул вниз и ещё крепче вцепился в перекладину.

— Не могу!

— Можешь!

— Нет!

Гниль всё приближалась.

— Давай, козлиная! — крикнул Голландец, затем подпрыгнул и ухватил доктора за ногу.

— Голландец, ты лучше, заводи лодку, — сказал ему Эйджей.

Когда Голландец заметил тварей, то отпустил доктора и отправился к носу лодки.

Гидеон снова вскрикнул. Одна из тварей вцепилась в волосы на его груди.

— Прыгай! — крикнул ему Эйджей. — Я тебя поймаю!

— Ненавижу высоту! — повторил Гидеон.

— Ёб твою мать, док! Если не прыгнешь, эта тварь оторвет тебе руку!

И Гидеон прыгнул.

Он упал без какой-либо подготовки, как слепой партнер во время испытания на доверие. В какой-то момент Эйджей подумал, что доктор упадет дальше, но он сделал шаг в сторону и тот приземлился ему на руки, как циркач, после акробатического этюда. Если бы Гидеон оказался тяжелее циркового акробата, то, скорее всего, они вместе шлепнулись бы в воду. Эйджей повернулся и вместе с Гидеоном на руках побежал к Голландцу.

Тот, в свою очередь, отвязывал швартовочные концы.

— Готовы к свадебному путешествию?

— Заткнись — ответил Эйджей, бросая Гидеона в лодку. — Я сказал тебе заводить лодку! — он оглядел верхние уровни в поисках выживших бойцов "Блэк Шэдоу", но дым был слишком густым. Наверху часть нефтяной вышки, неожиданно, накренилась и рухнула на другую сторону "Эсхила". Грохот был ужасным. Та часть, которая упала в воду, подняла огромные волны. Гидеон закрыл уши ладонями и задрожал.

Эйджей прикрыл глаза рукой.

— Голландец, вывози нас отсюда!

Двигатель заурчал и они дернулись вперед на высокой передаче.

— Держитесь там!

Они пронеслись мимо опор и вышли в открытое море. Эйджей уже решил, было, что они прорвались, когда со стороны верхних уровней платформы услышал щелчки. В воде появились два небольших фонтанчика, а затем по лодке застучали пули, высекая искры прямо у него под ногами.

— Господи! — крикнул Гидеон.

— Это корыто может идти быстрее?

— Нет, иначе, не дотянем до берега, — ответил Голландец.

ЭйДжей оттолкнул его в сторону от штурвала. Со стороны "Эсхила" снова послышались выстрелы, но они отошли уже слишком далеко и были вне досягаемости.

— Мы не идем на запад — сказал Голландец. Это было утверждение, но ЭйДжей прочитал вопрос в его глазах.

— И ты знаешь, почему.

— Думаешь, она ещё жива?

ЭйДжей посмотрел на нос лодки, затем на приятеля.

— Не важно. Мы не можем вернуться на материк просто так.

Голландец кивнул. Он хлопнул ЭйДжея по плечу и пошел к доктору. ЭйДжей расслышал, как он орет на Гидеона, чтобы тот поднялся и сделал что-нибудь полезное. Голландец, наверное, было его единственным настоящим другом. И, если они выберутся из этой кутерьмы живыми, их, пожалуй, станет двое. Или трое, если повезет.

Если.

В любом случае, с жизнью полной сожалений, покончено.

Глава 16: Точка опоры

Остров. Февраль 1939 года.

1

Рихтер стоял у края провала. Повсюду было так много пещер, он боялся, что им жизни не хватит исследовать их все.

— Его нигде нет, командир, — сказал молодой сержант. — Похоже, он смылся.

— Смылся? О, я уверен, он где-то здесь, сержант. Вопрос, где?

Свет задачу не упрощал. С каждым днем становилось всё темнее, и вот-вот, небо станет таким же черным, как эта яма.

— Мои люди всё проверили, командир. Докладывать не о чем. Пленники тоже молчат.

Рихтер обдумал эту мысль. Он был не из тех, кто повсюду ожидает неудачи. Те, кто знал о пропаже, начали сходить с ума, винить тварей из провала. Но, если всё разыграть, как надо, то можно извлечь выгоду из этой ситуации.

Исчезнувший человек не был ответственен за получение результатов, а, значит, появлялась возможность проявить решимость. Да, методы Рихтера были суровыми, но нельзя сказать, будто это нечто плохое. Он предупредил Дитриха, что эффективность здесь — главная проблема. Рихтер не собирался торчать на этом острове вечно.

Нужно решать всё раз и навсегда.

— Лейтенанта сюда.

2

Харальду снился тот, кто его убьёт.

Он лежал на жесткой койке весь в поту. Зеленое армейское одеяло валялось скомканным на полу. Веки дергались, а разум блуждал снаружи, он направлялся... к провалу.

Он стоял на краю и заглядывал в пустоту. Под ним простиралась тьма, знакомая, будто старая возлюбленная. Скалы у кромки провала были теми же самыми, но то, что их окружало было иным. Они росли даже во сне, будто подсознание Харальда пронзало время.

Тени начали подходить к краю и он заметил, что каждая тень была человеческой. Подобно усикам, они были красными, а не черными, было видно их бугрящиеся мышцы, когда они выбирались на поверхность. Даже лишенные кожи, их лица были ему знакомы. Он видел своих людей, солдат. Видел брата Бёрта и отца. Видел Генриха — своего погибшего на "Адальгизе" друга. Капитан выбрался на край, посмотрел на Харальда и улыбнулся. Это было ужасно: настоящая ухмылка упыря. И, вдруг, он прыгнул вниз. Они все один за другим прыгали во тьму. Их крики звучали подобно грому.

Внезапно, Харальд осознал, что остался у ямы один. Опустившаяся тишина казалась страшнее криков.

К краю провала подошла ещё одна фигура. Харальд заметил, что, в отличие остальных, освежеванных, будто животные туши на бойне, этот человек был цел. Затем, он вспомнил: это был тот самый человек, который преследовал его в кошмарах.

Человек сунул руку в пиджак и вынул пистолет. Когда он направил ствол на Харальда, тот попытался убежать. Он двигался слишком медленно, будто не шел, а плыл в жидком воздухе. Отбежать он, явно, не успеет.

С небес послышался женский голос. Она сказала что-то неразборчивое и Харальд крикнул в ответ. Но она, по-прежнему, говорила тихо, будто, насмеялась над ним. Она сказала...

Она сказала...

— Что вы делаете в моей комнате?

Харальд подскочил, чуть не ударившись в Люсию лбом.

— Чт... Что?

Она встревожено отшатнулась.

Лейтенант огляделся и вспомнил. Он... Он...

— Я искал вашего отца.

— Нашего отца? — переспросила Люсия. Малышка-София стояла прямо позади неё будто пряталась.

— В смысле, вашего отца не было в лаборатории. Я решил, что он закончил пораньше и пришел сюда. А, когда не нашел его здесь, видимо, задремал.

— Значит, просто искали его?

Он поднялся и начал приводить себя в порядок, поправил китель, смахнул со лба прядь волос. Неужели, он настолько измотан, что вырубился прямо в бункере заключенных? Рихтер ему яйца оторвет, если узнает.

— Послушайте, — сказал он им. — Не знаю, чем занимается ваш отец, но он выбивается из графика. Понимаете? Выбивается из графика! Найдите его и передайте. Скажите, что я его ищу. Это важно.

Он обошел девочек и исчез из комнаты.

Почему этот человек постоянно возвращается к нему во сне и сводит с ума? Он, наверное, выглядел, как дурак. Какое-то время он думал, что это Рихтер охотится за ним в подсознании. Теперь же он не был так уверен. Нужно было признать, фигура во сне была очень похожа на командера, особенно её мундир. Но прическа была другой. У того, что являлся Харальду во сне волосы были цвета крови.

— А, вот вы где, — сказал Линус Метцгер, когда он вышел из бункера. — С вами желает говорить командер Рихтер.

3

Харальд подошел к берегу, неотрывно глядя на фигуру у самой воды. Он стряхнул с себя остатки сна, но плохие ощущения его так и не покинули. В воздухе витало что-то зловещее и Харальд не мог избавиться от мысли, что с каждым шагом приближается к чему-то ужасному.

Рихтер стоял и смотрел в море, сложив руки за спиной. Казалось, он глубоко задумался о чём-то своем и не заметил приближения лейтенанта.

— Я долго занимаюсь тем, что убеждаю людей, — неожиданно сказал он. — И, должен сказать, мне это нравится. Показать человеку собственную точку зрения доставляет несравненное удовольствие. В таком случае, даже не приходится с ними работать.

— Господин командер?

— Криге пропал, — просто сказал Рихтер. — Я узнал, что одна из клеток лаборатории оказалась не запертой. Камински считает, что это возможно, если — как он сказал? — если он заражен.

Харальд покачнулся. Разумеется, ничто в клетке не могло причинить никакого вреда.

— Мне сказали, споры грибка очень заражны. Пока существует вероятность, что он бежал, это не основная версия. Криге гражданский, но он настоящий немец и я не верю, что он мог бросить свои обязанности. Я склонен согласиться с предположением Камински.

— С каким?

— Он полагает, что Криге стал подобен Шмиту. То есть, он больше не мыслит, как человек.

— Камински не знает, о чём говорит!

— Неужели? — Рихтер снова обратил взор на море, наблюдая за небольшими обломками льда, качавшимися на волнах. Несмотря на исходивший от щупалец жар, зима постепенно вступала в свои права. — Вне зависимости от того, что произошло, полагаю, гражданскому руководству в лаборатории пришел конец. Нужно убедить в этом Камински, согласны?

— Да, конечно.

Наступила тишина. Харальда она сводила с ума, видимо, поэтому Рихтер её и устроил.

— Вам не доводилось читать теории Джона Уотсона о поведенческой психологии?

— Нет, а стоило? — Психология никогда не находилась в сфере его интересов.

— Большинство наших соотечественников предпочитают Фрейда, но я не считаю, что мы должны отказываться от работ американских специалистов только потому, что они — американские. Уотсон — белый, просто, родился не в той стране. Его идеи, крайне, занимательны. Он считает, что для настоящего психолога не важно, о чем человек думает, что чувствует, какие испытывает эмоции. Есть вещи, которые невозможно измерить или изменить. Единственное, что мы можем измерить — это его поведение. И наша задача, как ученых, предсказание и контроль поведения. Понимаете, к чему я веду, лейтенант?

Харальд кивнул.

— Мне нет никакого дела до чувств Камински, его счастья или чего-то подобного. Меня волнует только результат. Волнует его поведение. Чтобы это изменить, приходится применять определенные меры. Если мы всё сделаем правильно, успех всей операции будет зависеть от него.

Позади них послышались шаги. Харальд обернулся и увидел Бориса Зайлера, Ганса Вэгнера и ещё нескольких солдат. Все они окружали Люсию и Софию.

Люсия смотрела на него со страхом, грустью и отвращением в глазах. Он же предупреждал её. Это её отец виноват. Камински всё слишком затянул, а теперь стало поздно.

4

София посмотрела на Плохого Дядьку и вздрогнула, когда он улыбнулся ей. Она не понимала, как улыбка может так пугать, но она пугала.

Позади стояла Люсия и гладила её по волосам, пытаясь успокоить. Сестра сказала, что Плохой Дядька — такой же военный, как господин Дитрих, но София считала иначе. Господин Дитрих привез их сюда, но Плохим Дядькой он не был.

— Насколько я помню, вам двоим нравится подледная рыбалка, — сказал мужчина, обращаясь к толстому солдату и очкарику. — И я решил устроить сегодня нечто подобное. Что скажете?

Очкарик выглядел неуверенно.

— Да. Конечно! Господин командер.

Зайлер, со своей стороны, казался замкнутым. Она попыталась найти подходящее слово и нашла. Смиранный. Он выглядел смиренным, но София никак не могла понять почему. Может быть, он совершил что-то плохое.

— Пробурите лунку во льду.

Ганс вынул нож и направился к куску льда, который начал ковырять с неистовым рвением. Глядя на разлетающиеся повсюду ледышки, София не в первый раз подумала о том, как же тут холодно. В бункере был сквозняк, а одеял не хватало. Их рукавицы изнашивались и порвались, в пальто зияли прорехи. На холоде она всегда простужалась, а мамы, которая могла бы сварить суп и согреть...

— Готово, — подал голос Ганс, убирая нож.

Плохой Дядька повернулся к остальным.

— Кто-нибудь, приведите сюда доктора Глэкнера. Прогулка немного затянется. Полагаю, на всякий случай, нам понадобится хирург-травматолог.

София не знала, что значит "хирург-травматолог", но звучало это неприятно. Доктор, что работал здесь, ей не нравился. Он не был милым, как тот, что остался дома. Он был похож на тех докторов, которые дают горькие лекарства и тычут иглками. От этой мысли она снова вздрогнула.

— София! Люсия!

Она повернула голову и увидела, как от ворот шел папа. Он шел очень быстро, а когда увидел их, то побежал. Её сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Папа их защитит.

— А, теперь, порыбачим! Вы принесли Модель-24 Модель 24 — немецкая осколочная, противопехотная, наступательная ручная граната с деревянной рукояткой., как я просил? Положите её в лунку?

— Командир? — подал голос молчавший до этого Метцгер. Он вышел вперед, склонив голову.

— Отойдите, сержант, — ответил ему Плохой Дядька.

— Но подобное поведение...

— Подобное поведение непозволительно. С тех пор, как оно начало проявляться, мы должны были понять, как одолеть его. Я не прошу его сделать того, чего не делалось раньше. Отойдите.

Молодой человек расставил руки и взмахнул ими, отгоняя толпу. Он сунул руку под пальто и вынул оттуда длинную деревяшку с шаром на конце. София уже видела такие штуки и знала, что они опасны. Очень опасны.

— О, боже, — прошептала Люсия.

Ганс повернул шар, затем дернул за нитку под ним. Удостоверившись, что находится в безопасности, он метнул гранату в лунку и отошел назад.

— Люсия! — кричал папа. — София! — он уже был близко, карабкаясь по скалам и камням.

Граната рванула, разбрасывая повсюду осколки льда. Люсия прижала к груди лицо сестры. Если бы она видела результат взрыва, то разглядела бы воронку, размером с ванну.

Плохой Дядька рассмеялся, хлопая в ладоши. И это был самый ужасный смех.

— Живее. Давайте её сюда.

— Её? — переспросил парень.

— Да, её. Тащите её сюда. Живо.

Прежде чем София успела открыть глаза, её схватила пара рук, оторвала от сестры и

подняла вверх, острыми ногтями царапая кожу. Она была настолько ошеломлена и оглохла, что, даже, не посмела вскрикнуть. Могла только всхлипывать. Перед глазами предстала картинка, как папа держит её, когда она идет по веревке. В этот момент она, вдруг, осознала, что никогда не была настоящим циркачом. Поняла, что именно отец всегда поддерживал её и оберегал. Без него она бы упала.

— София! — закричал папа.

— Продолжайте, — сказал Рихтер.

И парень швырнул её в воду. При падении она ударилась головой о ледышки, оставшиеся после взрыва. Последнее, что она услышала, перед тем, как начать тонуть, был крик сестры и спокойный голос господина лейтенанта, говорившего:

— Господи, зачем так-то?

5

— Разденьте её, — приказал доктор Глэкнер.

Доминик посмотрел на него, по щекам текли слезы, но он выполнил указание. Её отнесли в бункер пленников и уложили возле растопленной печи. Она была в сознании. Но, едва-едва.

— Папа, — прошептала она.

— Тише, милая. Не разговаривай.

Он снял с неё кофту и рубашку, штанишки и нижнее белье, и накрыл полотенцем и одеялом. Доминик понимал, что ей будет больно, но, всё равно, выжал из её волос всю воду, насколько смог. Она замерзала, её кожа посинела. Рядом на коленях сидела Люсия и растирала сестре руки.

— Нужно её отогреть! — крикнул Доминик. — Огня сюда!

Глэкнер с сомнением посмотрел на него.

— Нельзя согревать её слишком быстро. Накиньте на неё одеяло. Лягте рядом, если хотите, но не двигайте её ближе к печи, ясно? Поверьте, так будет лучше.

— Поверить?

Внезапно, Доминик вскочил и схватил доктора за горло. Он швырнул невысокого человека прямо на бетонную стену.

— Мразь! Ты понимаешь, что натворил? Все вы!

Глаза доктора налились кровью. Доминик же мыслил только об одном — передуть их всех и начать он решил с этого докторишки.

— Папа! — закричала Люсия.

Появился кто-то ещё и уцепился ладонями в руки Доминика.

— Спокойнее, — произнес Ян. — Вернись к дочери.

Великан разжал руки Доминика и из глотки доктора вырвался кашель.

— Я принесу ещё одеял — сказал Ари и вышел. Его глаза опухли а волосы стояли дыбом. Когда Доминик принес ребенка, он первым бросился помогать. Он был более адекватен, чем Доминик, но увиденное ошеломило его. Они вместе провели несколько месяцев ("Неужели так долго?") и София начала называть его дядя Ари. Представить только!

— Этторе, дай мне, вон ту штуку.

— Проверь печку, Глэкнер, — прорычал Доминик. — Убедись, что она достаточно горячая.

Глэкнер осторожно кивнул.

— А мне что делать? — спросила Люсия.

— Помогай мне отогреть её.

Обмотав руки сестры полотенцами, Люсия легла рядом с ней. Доминик заметил на её собственных руках кровоподтеки. Он видел, как резко от неё оторвали Софию, как яростно она боролась и как её пытались успокоить.

Впервые с момента прибытия сюда Доминик ощутил, что его разум ещё способен бороться. У него отняли жену. А теперь чуть не отняли дочь. Если они победят, что он будет делать?

Он хотел доверять Дитриху, как бы глупо это ни звучало. Он хотел вникнуть в поставленную задачу. Хотел верить, что, в конце концов, их освободят. Здесь, в этом богом забытом месте на краю земли, вдали от охваченной безумием родины, он хотел верить, что они выживут. Но даже лейтенант не был способен остановить своё руководство. Он был лишь винтиком в машине, которой управляют такие, как Рихтер.

Доминик лег рядом с дочерьми. Он ждал, надеясь, что София поправится.

6

Через несколько часов Доминик оказался в лаборатории возле клеток. Несмотря на дочь, его вынудили прийти. "Это всего на час, — сказал человек Рихтера. — Постарайтесь быть полезным".

Целый час без дочери... даже, если бы он мог думать о чём-то другом.

— Полезным, — прошептал он. — Я вам покажу пользу.

И, прежде, чем осознать это, он начал разбивать клетки гаечным ключом. "Освободить их, — думал он. — Хотите, чтобы я был полезным? А как вам это? Приносит пользу?"

Он не знал, сколько щупальцам понадобится времени, чтобы заполнить лабораторию. Не знал, как скоро они разрушат тут всё. Но он знал одно — он больше никогда не будет работать на тех, кто его пленил. Если они хотели придать ему нужной мотивации, то ошиблись. Он уничтожит здесь всё, потому что это было единственное, на что он способен.

Вскоре он выронил ключ, не в силах закончить начатое. Мир вокруг, вдруг, стал нестерпимо тяжелым и ему не оставалось ничего другого, кроме как закрыть глаза. Когда он их снова открыл, рядом стоял Ари. Он пришел сюда в поисках своего друга и здесь его и нашел. Доминик обнял его и какое-то время они просто стояли в объятиях друг друга.

Наконец, Доминик поднял взгляд.

— Нам отсюда никогда не выбраться, Ари. Я был неправ, когда говорил, что нужно плыть по течению. Ошибался, когда считал, что у этих людей есть понятие о чести. Господи, Ари, как же я ошибался!

— Ты делал то, что считал правильным. Как и я. Вопрос в том, что делать теперь?

Доминик посмотрел на него и увидел в его взгляде то, чего раньше никогда не видел. Он увидел, что слезы на щеках Ари не были слезами печали, он плакал от гнева.

— Нужно выбираться отсюда, — прошептал его друг. — Нужно выбираться.

— Как?

В лаборатории не было окон, но Доминик понял, что смотрит в сторону кратера. Чувствовал, что кратер зовет к нему, шепчет.

"Способ контроля" — вот, чего они хотели.

— Ну, — сказал он Ари. — Дадим им, чего они хотят.

Близилась полночь, а Софии становилось всё хуже. Люсия уснула рядом с сестрой, сон её был беспокойным. София спала в тишине. Она плохо помнила события этого утра, ей казалось, что она жертва, а весь мир — это огромный хищник. Она не знала, кто касается её кожи, не узнавала голосов заходивших в комнату людей. Ей хотелось спать, а во сне она хотела увидаться с мамой. Магдалена всегда говорила, что сон — лучшее лекарство, а когда она проснется, то почувствует себя лучше. Но, в этот раз, это оказалось не так. Каждый раз, когда София просыпалась, боль в голове становилась всё сильнее. В какой-то момент, ей показалось, что она слышит папин голос и приподняла край одеяла, чтобы увидеть его. Но она увидела лишь чудовищ и тут же, сопя, спряталась обратно. Когда чудовища ушли, она снова уснула. Даже во сне она чувствовала боль в груди, шершавость своего дыхания. Ей приснился стишок, который она читала, когда играла в "классики". Это было 2 года назад. "Камень бросай, прыгай, давай, зад приземляй, дальше шагай". Она не очень хорошо прыгала на одной ноге, как другие, но однажды она пропрыгала весь путь до конца и смеялась, когда друзья хлопали ей. Игра была хорошей, даже, если результат был не очень. Даже, если, под конец, она выдыхалась. Мама всегда гордилась ею, когда у неё получалось. Ей хотелось вернуться и попробовать ещё раз. Ей хотелось, чтобы рядом оказалась мама, взяла её за руку и сказала, что всё будет хорошо. Она почувствовала, что в кровать кто-то лёг, прям, как мама, когда собиралась взять её на руки. Она всё ещё помнила это ощущение. Почему остальные дети этого не помнят? Это ведь, самое лучшее, самое теплое чувство — чувство материнских заботливых рук. Она шевельнулась под одеялом, нащупала чье-то тело и решила, что это мама. Она прижалась к ней, сунув большой палец в рот. Она больше не сосала палец (этим занимаются младенцы), но от этого ей стало легче. Она сжалась и обняла это тело, вспоминая мягкие мамины черты и каково это — обнимать её.

Так она и умерла, сжимая руку сестры, не обращая внимания на слезы отца и людей, собравшихся вокруг него. Только через несколько часов, посреди ночи, они заметили, что София перестала дышать.

Нефтяная платформа "Эсхил" и остров. Наши дни.

1

Дым от выстрела сдуло в сторону, смешивая с гарью. Всё вокруг горело: нефтяные хранилища, строения, даже Гниль. Щупальца сморщивались от огня, издавали визжащие звуки, будто истекали кровью. Прошло немного времени, когда они начали тлеть, как и всё остальное.

Мейсон опустил винтовку и проследил за лодкой, которая удалялась за горизонт. Ничего уже не сделать. Оба вертолета уничтожены, а его бывший сослуживец лишил их последнего шанса на спасение, связавшись со своими новыми друзьями. "Цивики" — иначе и не скажешь.

Позади себя он услышал шаги, обернулся и увидел Мелвина, хромавшего по палубе. Сквозь дыру в штанине у него торчал осколок.

— Ушли?

Мейсон кивнул.

— Ага.

— Попал?

— В лодку. Несерьезно.

— Значит, ушли, — его слова прозвучали, как заявление об отставке.

— Они направились на остров, — сказал Мейсон без особой уверенности. Может, это была какая-то уловка и, едва исчезнув из вида, лодка повернет. А, может, нанесенные выстрелом повреждения оказались серьезнее или у них мало топлива. Но он был уверен, что дело в девчонке. Чтобы найти её там, придется постараться, но ЭйДжей не из тех, кто откажется погеройствовать. Значит, он попытается вытащить всех своих новых дружков.

Мейсон передал винтовку санинструктору, оставив себе только нож. У него было ощущение, что они провели под водой часа два, и удовольствия им от этого не было никакого. Они задыхались. С нижних уровней поднимался густой дым, он оставлял какое-то послевкусие чего-то жирного во рту.

По переходу прогремели ещё две пары ботинок. Из дыма вышли Питер и Кристиан, оба выглядели изможденными и потерянными. Левая сторона лица Кристиана была залита кровью, на макушке был след от пореза осколком. Питер был покрыт сажей. Он выглядел усталым, старик в теле молодого.

— Джин мертв, — сказал он.

"Его твари забрали?" — хотелось спросить Мейсону, но он вовремя одернул себя. Конечно, его забрали они. Глупый вопрос. Нет смысла тратить кислород на глупые вопросы. Значит, они лишились ещё и инженера. "Ни пилота, ни инженера, ни замкомандира и никаких путей к отступлению. Полный и безоговорочный пиздец".

Со стороны северо-западной лестницы раздался крик. Мейсон уже приготовился стрелять в очередную черную фигуру, но это оказался новенький. Он бежал по ступенькам, как сумасшедший, нижняя часть его тела была объята пламенем.

— Помогите! — орал он. — Бога ради, помогите!

Питер и Кристиан побежали к нему, последний на ходу скидывал куртку.

— Агх!

Питер накрыл Ника курткой и принялся тушить огонь ногами. Кристиан присоединился к нему. Со стороны выглядело, будто пара гопников метелят бездомного. Мелвин шагнул, было, к ним, но Мейсон задержал его. Калле нужен ему здесь.

Наконец, огонь погас.

Николас катался от боли, Мейсон был уверен, что один из этих придурков заехал ему в больное колено. Болело оно, наверное, чудовищно. Но он был крепким парнем, Мейсон не сомневался.

Когда он, наконец, смог сесть, Кристиан подставил ему плечо и Ник поднялся на ноги. "На ногу" — поправился Мейсон не в первый уже раз. Парень страдал. Лицо его было красным, из глаз текли слезы. Мейсон сначала подумал, что это из-за боли, или из-за того, что он спасался от огня. На экстремальные ситуации человеческое тело всегда реагирует по-разному.

Затем он разглядел, что с ним что-то не так. Вены на шее неестественно вздулись. Глаза стали странного белесого цвета, а движения... у него не было слов, чтобы их описать. В конце концов, Николас был ранен самым первым, разве нет? Значит, доктор Грей прав — его захватила Гниль.

С помощью Кристиана парень предстал перед командиром.

— Что вообще происходит, сэр? Я бы наверху... и видел, как вы стреляли в них. В Гидеона и остальных. Вы, что, пытались их убить?

— Ага, — ответил Мейсон. Хватит лжи.

— Я не собираюсь в этом участвовать! Я...

Больше он ничего сказать не смог. Мейсон всадил ему в живот нож, загнав его по самую рукоятку. В основном, знающие люди предпочитали бить под мышки, чтобы обойти грудную клетку, но это слишком сложно. А в плотку слишком кроваво. А, вот, кишки очень мягкие и податливые. Если правильно перерезать брюшную артерию, человек умирал практически мгновенно. Мейсон знал, как это сделать.

Рот парня застыл в форме буквы "о" и тело сползло на пол.

— Я сказал, бросить его.

Мейсон вытер нож о куртку, затем отошел к перилам, не желая видеть реакцию остальных. Его люди будут на его стороне, а если нет, то все здесь подойдет. Впрочем, это не имело значение, они и так тут все подойдут. Их осталось четверо.

Четверо из девяти.

Они были избиты и измучены. Сам Мейсон был ранен в ногу. Не было ни еды, ни воды, ни возможности выбраться с платформы. Ничего, кроме желания выжить. К тому же, Мейсон был склонен верить словам доктора: он знал, что здесь бывает с ранеными, даже если они пережили пожар. Значит, Гниль поселилась в нём. В этот самый момент она воспроизводит сама себя, споры проникают в тела через порезы. Господи. С самого утра всё катится под откос и конца этому не видно. Скоро они станут как СБРовцы, их кожа почернеет, температура тела поднимется до таких отметок, что мозги расплавятся.

Мейсон задумался: он убил парня потому что тот был заражен или потому что проявил неподчинение? Потому что сейчас неподчинение вообще ничего не значило. А что до второй причины... значит, Мейсон стал самым большим лицемером в мире. Он чувствовал как Гниль бежит по его собственным венам, пробивается по кровеносной системе, будто нежданный гость.

— И что теперь? — спросил Кристиан. Он был спокоен. Все были спокойны. Они не были послушными. Нет, это не так. В них что-то было, какое-то бледное пламя, такое же, как и в нём самом. Они смотрели, как он убивал Николаса без единого протеста, без единой эмоции, без удивления и он заметил, что они хотят ещё. Под конец дня не было лучшего способа справиться с поражением, чем кровопролитие.

— Вследствие независящих от нас обстоятельств основная цель отныне недоступна — начал говорить он, по-прежнему, глядя на море. — Но у нас, всё ещё, есть второстепенная.

— Сэр?

— Как я и сказал, они отправились на остров. И я не успокоюсь, пока не буду уверен, что там они и останутся. Корпус морской пехоты не воспитывал во мне лодыря. Как и в тебе, Вай. Это же касается и армии, Сен-Круа, — он обернулся, ощущая в них свою потребность и насыщался ею. — Кроме нас, никто этого не сделает. Полагаю, мы все это понимаем. По крайней мере, когда всё тут рушится. Поэтому, если есть хоть малейшая возможность, нужно отправляться на остров и вернуть лодку. Если не получится, мы, хотя бы, сможем отследить тех, кто за всё здесь в ответе. Я хочу видеть, как стирается улыбка с их ебучих харь. Я уверен, они улыбаются. Улыбаются, потому что считают себя победителями, — он посмотрел на их лица и прочитал в них жажду и ярость и ему это понравилось. Жажда и ярость помогут выжить.

— И как нам туда добраться, командир? — спросил Мелвин.

— Не знаю, что-нибудь придумаем — ответил Мейсон. Несмотря на боль в ноге, он чувствовал себя... хорошо. Хотя, скорее бы подошло слово "заряженный". Ему казалось, он сможет пробежать сотню миль даже с поврежденной ногой. Чёрт, он готов бежать даже по водной глади, если придется. Плевать на пули, плевать на заражение, он сделает то, что должно. Никакие щупальца или споры, или твари из черной лагуны не остановят его перед последним визитом к старому другу Эйджею. Он думает, что сбежал, но остров-то совсем недалеко.

Впервые с утра Мейсон, вдруг, задумался об отставке. Подумал о деревне, старой церкви и садовнике, который будет стричь траву и ухаживать за цветами. Милая мечта, глупая и наивная. Нет, его место было здесь. Он должен быть здесь, сражаться за каждый дюйм, до последнего дыхания, пока тьма не поглотит его. Он должен жить, хотя бы, для того, чтобы стереть улыбку с рожки Эйджея. И найти лекарство, если оно, конечно, существует. Ха! Вот и смех прорезался.

"Хватит лжи" — снова подумал он.

Единственное, что сдерживало его — это нога. Несмотря на общее состояние, она болела. Он посмотрел вниз, на извивающиеся щупальца и подумал, как было бы хорошо и приятно сунуть ногу в одно из них. Он был уверен, что ему будет тепло, как, если бы он лег в горячую ванну.

Он отогнал эту мысль. Странную, необычную мысль. Даже, если бы ему нечего было терять, это, всё равно, очень глупо.

Вокруг скрипел и грохотал разрушающийся "Эсхил". Как и Мейсон, он чувствовал, что конец близок.

2

Стены появились из тумана, подобно крепостным стенам, защищая вход от моря, словно горы или риф. Когда Эйджей впервые их увидел, он подумал, что на них расположился

целый легион солдат и сейчас по ним откроют огонь. Глупость, конечно. Он видел карту острова и знал, что на нем были только мертвецы. Его назначение, равно как и обитатели, давно сгинули в прошлом.

Неужели?

— У нас сзади дыра толщиной с мой член, — сказал Голландец, вытирая промасленные пальцы о рубашку. — Короче, течь.

Он выглядел изможденным. Все они выглядели изможденными. Эйджей понимал, что не спал всего сутки, а казалось, что прошло несколько дней. Неподвижное серое солнце делало эти сумерки бесконечными.

— Наверное, нужно радоваться, что мы не пошли в сторону материка.

— Думаешь, доберемся до причала? Потому что в этой воде мы и пяти минут не протянем.

Эйджей посмотрел на побережье и прикинул мощность мотора.

— Нужно посадить лодку на мель. Если повезет, её не смоеет и мы заткнем пробойну на берегу.

— И где ты собираешься достать инструменты?

Эйджей тряхнул головой.

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет, Голландец, не знаю! Знаю, что это корыто долго не протянет. Доберемся до острова, поищем там.

— Например?

— Помнится, там был заброшенный лагерь. Два лагеря. Может, на одном из них что-нибудь найдется. Верно, док? — Эйджей взглянул на Гидеона.

Тот сидел на дне лодке, прижав костлявые колени к груди. Внешность бывает обманчива. Гидеон обладал сильным инстинктом выживания и, если лодка начнет тонуть, то ступор сойдет с него мгновенно.

Дно лодки было завалено всяким мусором и Голландец начал рыться в нём, в поисках чего-нибудь полезного. Он обнаружил две канистры с топливом — маленькие, но полные — и отложил их на видное место. Если они, вдруг, найдут ремнабор для устранения протечки, топливо им вряд ли понадобится. Команда СБР основательно подготовилась. Голландец продолжил поиски, оружия или инструментов он не нашел, зато ему попался фальшфейер, который он показал остальным.

— Сколько их? — спросил Эйджей.

— 4. Я коробку нашел.

— Хорошо. Готов к столкновению?

— Чего?

Эйджей молча указал на берег.

— Держись за что-нибудь.

Голландец высунулся из лодки и его лицо побледнело.

— Да, ты прикалываешься.

— Держись!

Лодка подскочила на скалах, налетела на холм песка и замерла кверху носом. Эйджей стоял на 10 градусов выше.

— Все в порядке?

Те кивнули, потрясенные, но целые. Голландец даже хохотнул.

— Ты псих.

— Ага. Найди веревку. Если будет прилив, её просто смоем.

— Хорошо. Правда, она мне пока не попадалась.

ЭйДжей, конечно, выбрал не то время, но ему нужна была минутка на размышления. Руки тряслись. Сколько прошло времени с тех пор, как в него последний раз стреляли? "Не так уж и много" — сам собой пришел ответ.

Отцепившись от штурвала, он шумно вдохнул холодный воздух. В голове вспыхнули картинки с "Эхила". Он висит над водой. Он висит прямо перед Мейсоном, который держит его за горло. Спускается по фермам, убегая от преследующих его тварей. "Прекрати, — подумал он. — Прекрати. Будет ещё время всё обдумать".

Двигатель всё ещё работал и, когда ЭйДжей понял это, то тут же выключил зажигание. Когда стало тихо, он вновь взглянул на руки, они больше не тряслись.

— Где это мы? — спросил Гидеон. Его лицо было похоже на лицо больного Альцгеймером, ЭйДжей, даже, задумался, а не ошибся ли он в своём суждении? Но вскоре Гидеон пришел в норму.

— Остров. Мы и правда здесь!

— Да, док. Успокойся, — ЭйДжей взял его за руку и помог пробраться на нос.

Голландец, в конце концов, нашел веревку и один её конец связал в петлю. Когда он заметил их, то смочил пальцы и поморщился.

— Вы чего делаете?

Не поворачиваясь, он закинул петлю на скалу и затянул её. Веревка натянулась и он дернул её.

— С первого раза, — сказал ему ЭйДжей. — Так и не пойму, как ты это делаешь.

— Меня звали Родео Джонс.

Глубина в месте их остановки была всего лишь по пояс и Голландец выпрыгнул из лодки. ЭйДжей следовал за Гидеоном, держа его за руку. Они встретились на берегу возле куска скалы, который укрыл их от моря.

— На восток или на запад? — спросил Голландец.

— Думаю, нужно разделиться.

— Да, ну?

— Не знаю откуда, но у меня чувство, что мы тут надолго не задержимся.

— Не надо было вообще сюда ехать, — сказал Гидеон.

— Верно.

— Ты знаешь, что тут где?

— На западе причал старой китобойной фермы. Инструмент для лодки лучше всего искать там.

— А на востоке?

— Руины.

Все трое посмотрели на прятавшиеся в тумане стены. На самом верху виднелись силуэты шупалец.

— Господи, они повсюду! — подал голос Гидеон, когда увидел их.

— Именно поэтому отсюда нужно выбираться. Голландец?

— Я на запад.

Он шагнул в сторону, но ЭйДжей его остановил.

— Если пойдешь туда, возьми с собой дока. И канистру с горючим.

— Зачем?

— Не знаю. Предчувствие. Если не починим эту рухлядь, придется искать другую лодку.

— Даже, если найдем, она же будет древняя.

ЭйДжей посмотрел на Гидеона в поисках поддержки. Тот лишь пожал плечами.

— Возьми канистру. Ждите меня на месте, когда закончите. Тут недалеко, но не хочется терять лодку из виду.

— Ладно.

— И Кейт. Её нужно найти, Голландец. Может быть уже слишком поздно.

— Если Мейсон высадился там, я поищу следы. Везде буду смотреть.

— Осторожней.

— Ты тоже. Идем, док.

Они разделились, каждый пошел своим путем по неизвестной земле.

Приближаясь к крепости, ЭйДжею показалось, что над ним что-то летает. Он задрал голову, но ничего не увидел.

3

Когда свет погас, Кейт выронила отвертку. Она звякнула о металл и укатилась в темноту. Она несколько раз ткнула пальцем в экран телефона, прежде чем окончательно сдаться. Батарея села.

Два часа она ковырялась, пытаясь открутить вентиляционную решетку. Отвертка была ржавой и сточенной, но ей удалось выкрутить почти все винты, кроме одного. О том, как пролезть в вентиляционную шахту она подумает позже. Она врезалась прямо в бетон, узкий ход, ведущий в никуда. Она чувствовала свежий воздух, понимала, знала, что шахта ведет наружу. Она облазила весь бункер — это был единственный выход наружу. Она не могла себе позволить потерять отвертку, когда спасение было так близко.

Кейт начала шарить руками по полу. Поначалу, она ничего не нашла и ей захотелось закричать. Она сделала несколько глубоких вдохов, восстановила спокойствие и начала водить руками по возрастающей амплитуде. В конце концов, пальцы коснулись металлической рукоятки.

Она вернулась к шахте и принялась откручивать последний болт. Отвертка соскользнула и врезалась в стену. Как и остальные, этот болт придется вырывать. Осторожно она коснулась резьбы под шляпкой. Потихоньку она начала расшатывать болт туда-сюда. Через несколько минут болт начал поддаваться.

— Да! Теперь ты мой, скотина!

Она вытащила болт одной рукой, отложив отвертку. Решетка тут же попыталась упасть ей на голову, но Кейт вовремя её поймала. Она оказалась гораздо тяжелее, чем на первый взгляд, но сейчас ей казалось, что она готова сдвинуть в сторону грузовик, если бы он оказался у неё на пути. Кейт отложила в сторону решетку и заглянула в шахту. Воздух был свежим. Она попыталась взобраться, но ударилась головой. Вернувшись в прежнее положение, она позволила рукам выяснять в чём дело. Шахта была, да, но практически сразу, внутри неё начиналась труба толщиной в руку.

— Нет, нет. Быть того не может.

Она подалась вперед и начала шарить руками по шахте вентиляции. Она заканчивалась трубой, не толще чем у выхлопа автомобиля.

— Нет! Нет, мать твою! Должен же быть другой выход!

В Этот момент, что-то ударило в дверь.

Она вздрогнула, зажав рот ладонями, чтобы не закричать. Звук был, будто... "Будто кто-то из "Блэк Шэдоу" врезался в дверь".

Во тьме шло время.

И снова удар, на этот раз, сильнее. Что-то большое и сильное ударялось в дверь, что-то хотело войти. Кейт пошарила рукой, нашла отвертку и сжала её в руке.

Замок двери поддался и дверь, наконец, открылась, впуская в бункер солнечные лучи. Несмотря на то, что свет был серым и тусклым, она всё равно ослепла.

В проеме появилась молчаливая фигура. Кейт показалось, что это Брубейкер пришел закончить начатое. Затем человек заговорил и у него был голос Эйджея:

— Вот вы где. Я уж думал, что потерял вас.

4

— Как вы меня нашли?

Эйджей заметил, что она вцепилась в него, как в одеяло.

— Услышал шум. Сначала решил, что это одна из тварей, но затем раздался крик и я понял, что это вы.

— Я не кричала. Вы меня испугали. Но я, всё равно, не об этом. Как вы добрались до острова?

По пути, Эйджей пересказал ей происходящее на платформе, их стычку с "Блэк Шэдоу", побег. Ему самому всё казалось невероятным, но он старался ничего не упустить. Он не мог позволить себе что-нибудь упустить, потому что им нужно было найти способ выбраться с острова. Она должна всё знать.

Когда он закончил, то уставился на скопление щупалец у главных ворот. В его взгляде не было и тени сомнения.

— Вот, значит, куда они делись. Все, даже те, что были здесь всегда.

— Хорошее предположение.

Её рот искривился.

— Значит, их нет. Более двухсот мужчин и женщин... никого не осталось.

— Только Гидеон.

— Только Гидеон — повторила она. Её глаза наполнились слезами.

— Нужно уничтожить эту дрянь. Чем бы она ни была и откуда бы ни вылезла. Вы же понимаете?

— Кто-то должен. Но, сначала, мне нужно сменить штаны.

Она посмотрела вниз и засмеялась. Как же приятно было слышать этот смех. Она очень сильная женщина.

Кейт, конечно, шутила, но доля истины в её словах была. Им нужно многое и не только чистая одежда. Сначала нужно обеспечить себя защитой, затем едой и водой.

— Кейт, прежде чем выбираться отсюда, хочу вам кое-что показать, — он наклонился и вынул из ботинка бумаги, которые вывез с платформы. Сохранить их, поначалу, казалось неосознанным жестом, но сейчас он обрадовался этому решению. — Вы сказали, что ваша задача рассказать акционерам о случившемся. Уверен, вы задавались вопросом, а не причастен ли к этому кто-то из компании.

— Не знаю, что думать. Я так долго пробыла взаперти. Пыталась всё обдумать, но

ничего не поняла. Не понимаю, как компания могла так поступить с другими людьми. Не со мной. С теми, кто... — она замолчала и тряхнула головой.

— Не думаю, что это было их целью. Не они создали этих тварей, это точно. Но, определенно, нашлись люди, которые решили, что их можно использовать. Зачем — не знаю, — он протянул ей бумаги и она взяла их.

— Сделали всю работу за меня?

— Вы же наняли меня, как эксперта. У меня хорошо получается совать нос, куда не следует.

Она пристально взгляделась в бумаги, будто это была какая-то загадка и она не знала, как её разрешить. В конце концов, она запихала их за пояс джинсов.

— Сейчас не до этого, Ангус. Не знаю, что в них, но я не понимаю, зачем им это всё.

ЭйДжей пожал плечами.

— Высокомерие. Знаете таких?

— Достаточно.

— Может и так, но, мне кажется, вам эти бумаги будут полезнее, чем мне. Что касается мотивов, то у меня нет ответов. Я видел много странных вещей в самых разных местах, но ещё не встречал людей, которые бы посчитали, что щупальца поедающие людей — это хорошая мысль.

Голландец бы рассмеялся, но не она. ЭйДжею тоже было несмешно.

— Тогда, полагаю, нужно озаботиться самозащитой.

— Верно полагаете.

Она указала на открытый бункер в самом центре лагеря. ЭйДжей заглядывал в него ранее и обнаружил там пару трупов, но полок и коробок с припасами не увидел. В тот раз он был слишком занят её поисками.

— Я знаю, где есть оружие, — сказала она. — Много оружия.

5

Менее чем через час на платформе стало так жарко, что сдетонировало хранилище сырой нефти. Баки взрывались, словно надувные шарик, разбрасывая повсюду огонь и осколки. Платформе наступал конец.

От взрыва рухнула колонна, поддерживавшая верхнюю палубу и она обвалилась на нижние уровни. Посадочная площадка развалилась, переходы обрушились. Всё, что осталось, было объято пламенем, только почерневший гигантский скелет остался торчать из моря. Гниль сгорела вместе с платформой. Твари полыхали и падали в море, будто насекомые во время лесного пожара.

Когда это случилось, Кейт уже была с новыми друзьями. Она чуть ли не падала от истощения. Они не видели, как гигантское сооружение рухнуло в море. Не видели они и как в воду нырнули четыре фигуры, буквально перед тем, как всё разрушилось.

Глава 18: Афелий — наиболее удаленная от солнца точка на орбите небесного тела

Остров. Февраль 1939 года.

1

Доминик остановился у входа в лабораторию, не в силах войти внутрь. Позади него замерли Ян и Глэкнер.

— Мы сделали всё, что могли, господин Камински, — сказал врач. — Девочка обрела покой.

Она была там, за дверью, его малышка. Доминик помнил, как её забрали у него и поместили туда. Именно туда. В этом была какая-то справедливость, последствия его провалов привели его туда, где всё начиналось. Поместить её в лабораторию было логичным решением. Там находилось медицинское оборудование, к тому же, только там можно было обрести хотя бы подобие уединения. Хотя бы вдали от солдатских глаз. Он очень хотел увидеть её, но не знал, что его ждет там. Клетки разбиты и сидевшие в них твари выбрались на свободу. Они не могли сильно разрастись, когда её только принесли, но сейчас, день спустя...

— Мы отпустим вас, чтобы вы могли её похоронить — сказал Глэкнер. Он об этом уже говорил, но решил повторить. — После этого, вы можете сидеть рядом с ней, сколько захотите. С тех пор, как её у вас забрали, она... несколько изменила. Запах... запах не очень хороший. Её забальзамировали.

— Забальзамировали?

— Да. Здесь мы должны оказывать умершим особые почести. Фюрер так приказал. Наши похоронные ритуалы не сильно отличаются от ваших.

Доминик подумал о провале, об историях, которые рассказывал Ари о новом командующем. Интересно, а остальные заключенные согласны с этими "особыми почестями"? Но нет, он отличался от них. Он особенный. И, раз уж Софию принесли в жертву, в качестве наказания, они снова станут друзьями. Это как отрезать человеку конечность и прижечь её, чтобы он не умер.

"Забальзамировали".

Он одними губами повторил это слово и перед глазами встала другая картина. Доктор, раздевающий его дочь догола, пичкающий её химией. Чудовищно было наблюдать за ним, за тем, как он, оставшись с ней наедине делает свою кровавую работу.

Доминик взглянул на Глэкнера, его руки постоянно тряслись и теребили края одежды. В этот же самый миг его разум, будто, разделился. Ему почудилось, что часть его сознания отлетела в сторону, а часть осталась сидеть в нем самом. Он спросил себя: "ну, зачем же, зачем я ударил этого человека? Он не враг мне, не он причина моих бед. Зачем?" На этот вопрос у него ответа не было. Но, всё равно, нужно было бить и он ударит.

Прежде, чем он смог что-то предпринять, вперед вышел Ян, схватил доктора за шиворот и толкнул перед собой. Глэкнер споткнулся и упал, едва успев уклониться от падения в грязь. Он тут же поднялся, удивленно и возмущенно озираясь. Ян поднял указательный палец, предостерегая его от каких-либо слов и повернулся к Доминику.

— Иди, — сказал он. — Иди к ней. Это единственное послабление, которое тебе здесь позволят. — Его глаза светились. Доминик увидел в них боль и, кажется, сострадание. Ян шагнул вперед.

— Спускайся или я сам тебя туда скину.

Не раздумывая, Доминик спустился в бункер. Дверь позади него захлопнулась, отделяя от него двух человек и весь остальной мир с ними. Внутри было темно, генераторы не работали. Он подумал, что, наверняка, так именно вселенная чувствовала себя до своего создания: пустота и одиночество.

Спустя мгновение — или вечность, Доминик не понимал — загорелись лампы. Вселенная возродилась и он оказался в знакомом бетонном лабиринте, где, якобы, работал. По мере продвижения к лаборатории, он всё сильнее начал ощущать тяжесть потери Софии. Спасти его больше было некому.

Когда он толкнул дверь, то уже знал, что увидит. Он увидит... увидит лежащую на столе Софию, окруженную райским светом, а вокруг неё будут стоять ангелы. Именно это он и увидит, даже если повсюду будут прорасти щупальца. В конце концов, это его вина. Он не смог их подчинить. Он разбил стекло и выпустил их на волю.

Но, когда он вошел внутрь, то замер в удивлении. София лежала посреди комнаты, мертвая, но прекрасная, как никогда. То, что окружало её, поражало. Это были, конечно, не ангелы, но что-то, не менее восхитительное.

2

Услышав, как входит отец, Люсия соскочила с кровати. За мгновение до этого, она лежала, отрешенная от всего мира, но звук его возвращения разбудил её быстрее сигнала тревоги.

— Папа, — прошептала она.

Доминик медленно, по-стариковски, снял пальто и сел рядом с ней. У него в руке была фляжка, необычное украшение в нынешних обстоятельствах, но что в ней, он говорить не стал.

— Проснулась.

— Не могла уснуть. Ты поспал?

Он обнял её и какое-то время они просто сидели, прижавшись друг к другу в темноте. Он выглядел сморщенным, как цветок на морозе.

— Нужно поговорить с Ари.

— Я здесь, — он стоял в дверном проёме. Несмотря на то, что он всегда старался не мелькать перед ними, он никогда не уходил слишком далеко. Люсия думала, что и сейчас он был где-то неподалеку, учитывая обстоятельства.

Отец медленно поднялся и подошел к другу. Он сунул руку в карман и достал листок бумаги. Какое-то время он смотрел на него, думая, отдавать листок или нет. Затем, всё же, отдал. Выражение его лица, при этом, было таким, будто он только что признался в убийстве.

Ари достал очки, надел их и склонился над бумагой.

— Нужно, чтобы ты достал эти вещи. Кроме Криге, думаю, здесь никто не поймет, что мы будем с этим делать, — сказал Доминик.

— Трубы из промышленной стали, серебро, метанол... ты серьезно?

Люсия видела только затылок отца, но без труда могла угадать выражение его лица. У

него был план. Его лицо было напряжено, точно так же, как тогда, на "Адальгизе".

"Нет, не так же" — поправила себя Люсия. Оно было другим. В нем не было предположения, мысли "а что, если". Сейчас на его лице читалась стальная уверенность. Потому что отец, как и она, превратился в холодный расчетливый механизм. В этот раз он не станет замирать с топором в руках.

Он шевельнул указательным пальцем и Ари перевернул страницу. Через плечо отца, Люсия разглядела чертеж какой-то машины. Она увидела фильтры, трубки, сосуды. Всё было исчерчено стрелками, диаграммами, какими-то формулами. Этот чертеж, без сомнения, был частью плана.

— Уверен, что сработает? — спросил Ари.

— Вещество действует, — ответил Доминик. — Я сам видел. Машина и химикаты нужны для производства.

— Но, есть же и что-то ещё?

— О, да.

— И оно работает? — снова спросил Ари, будто, не веря, что его товарищ решил проблему, над которой они так долго работали.

— Если бы я только открыл его раньше, — Люсия всё ещё не видела его лица, но знала, что оно исказилось от боли. Эта штука, чем бы она ни была, могла бы уберечь её сестру.

— Но... ведь, это из-за неё, — тихо сказал Ари.

— Это был её подарок мне. Самое забавное, что, когда мы его получили, то, совсем не собирались использовать на грибке.

— Как, не собирались?

— Это не всё, Ари. Кое-что я не записал.

— Оу?

И отец поведал ему свой план.

Когда он закончил, они долгое время сидели в полной тишине. Люсия всё это время сидела рядом и это пугало её.

— Когда всё будет сделано, не могу сказать с уверенностью, как мы выберемся с острова, — сказал отец. — Техника работать не будет, поэтому к причалу придется идти пешком. Как доберемся, попробуем угнать лодку или судно. Некоторые китобои хранят верность армии, но не все. Как знать, может нам удастся склонить их на свою сторону. — Он пожал плечами.

Люсия кивнула и впервые за долгое время ощутила надежду.

Тем же вечером, под пристальным взглядом охраны они похоронили Софию в безымянной могиле за стенами, втроем размышляя о том, что им предстоит совершить.

3

В это же время, в лагере проснулся ещё один человек. Он поднялся, ударился головой о полку над кроватью и выругался. Этот человек удивился своей неуклюжести, даже в таком незнакомом месте, как это. Но руки делали своё дело. Его верный "Вальтер" оказался в ладони раньше, чем он окончательно проснулся.

Рихтер сел на краю кровати и уставился во тьму. Его комната была маленькой и почти пустой, но он ощущал чьё-то незримое присутствие.

Когда глаза привыкли к темноте, он смог разглядеть, что это было. Входная дверь была приоткрыта. Он точно помнил, что закрывал её перед тем, как лечь. Свет, лившийся в щель

напугал его. За все годы, проведенные в армии, после бесчисленного количества врагов, ничто не было способно испугать его. У него были строгие правила: он всегда проверял под кроватью, осматривал туалет и запирали дверь, когда ложился спать, даже находясь на своей земле, и, несмотря на то, что ближайший враг находился в тысячах километрах от него. Поэтому, вид приоткрытой двери заставил его задуматься. Кто-то её открыл и проделал это очень тихо.

Скорее всего, это был кто-то из солдат. Несмотря на уверенность в собственной правоте, командер не был слеп и видел, как подчиненные смотрят на него. Чтобы командовать людьми, нужно иметь волю. Это работа не для простых людей, а "Охранные отряды" — СС — всё-таки, не были простым подразделением. У Фюрера были грандиозные планы насчет Германии — насчет всей Европы — и обычные люди здесь бы не справились. Свой перевод из регулярной армии Рихтер считал очень почетным и, разумеется, это не обошлось без завистливых взглядов. Завистливых и, в некоторых случаях, испуганных взглядов. СС — это элита. Именно они будут стоять впереди всех, когда Фюрер объявит о своих намерениях. "Если невозможно и того и другого, то лучше, когда тебя боятся, чем, когда любят" — подумал он, вспоминая цитату Макиавелли Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский мыслитель, писатель, философ, политический деятель... Фюрер это понимал, поэтому Рихтер так беззаветно его любил.

Неужели, кто-то вздумал за ним шпионить? Или навредить? Командер твердо решил это выяснить. Уж что хорошо ему удавалось, так это установление истины. Ему нравилось находить её в бесчисленных текстах, прочитанных перед сном, но приятнее всего, было находить её в людях. Открывать их души и читать было гораздо более вдохновляющим, чем чтение книг.

Он тихо, словно охотник, подкрался к двери и резко её открыл, но пустой коридор встретил его тишиной. Он посмотрел по сторонам и заметил, что входная дверь в бункер тоже была приоткрыта. Кто бы это ни был, он убежал совсем недавно. По идее, у входа должен стоять часовой, но он видел, что там никого не было.

В нос ударил запах сырой земли и бетона, но он чувствовал, что, на этот раз, к этим запахам примешался и другой, похожий на запах старых цветов. Рихтер стиснул зубы. Корнелиус Рихтер людей не боялся, но это был страх... неизвестности. "Самый древний и самый сильный страх — это страх перед неизведанным" — Лавкрафт Говард Филип Лавкрафт (1890–1937) — американский писатель и журналист, работавший в жанрах ужасов, мистики, научной фантастики., кажется? Да, что вообще этот америкашка мог знать о настоящем страхе?

Рихтер решительно шагнул вперед с пистолетом наизготовку. Перед ним открылась база, тихая и безмолвная, как и всегда в это время. На башнях стояли часовые. Позади казарм тихо гудели генераторы.

Возможно, это всё из-за стресса. Возможно, это он сам, по глупости, забыл запереть дверь. Не часто, признался он сам себе, его служба проходила в столь экстремальных условиях, так давила на психику, но глубоко на задворках собственного разума он понимал, что дело в другом.

Он посмотрел под ноги и заметил черное пятно. Оно было небольшим, будто капля упала из кровоточащего носа, но ему оказалось достаточно. Часовой у входа пропал, а теперь ещё и кровь появилась.

Рихтер повернулся к воротам и в лучах угасающего солнца увидел лицо. Оно смотрело

на него, его глаза были серыми и мертвыми, совсем, как небо над головой. Затем лицо исчезло. Оно испарилось за воротами и растворилась в лесу.

Рихтер взглянул на часовых на вышках.

— Тревога! — выкрикнул он. — Тревога! Тревога!

4

— Коммандер сказал, что это был Криге, — сказал Метцгер, шедший рядом с лейтенантом.

— Он уверен в этом?

— Разве может коммандер быть в чём-то неуверен?

Харальд понял, что это маловероятно, поэтому решил держать рот на замке. Он подошел к воротам, из которых открывался вид на провал и увидел царивший внизу бардак. В зарослях мелькали оранжевые огни, солдаты обыскивали округу с факелами в руках. Не с фонариками, не с лампами, а с факелами! Коммандер заставил подчиненных рыскать во тьме, будто каких-то дикарей.

— Он где-то здесь! — донесся голос Рихтера. — Здесь! Найти его! Обыщите каждую нору. Пока он не оказался в яме, он где-то в скалах.

Харальд увидел почти весь персонал, даже Яна и Зайлера. Гестаповец выглядел даже более раздраженным происходящим, чем лейтенант. Он стоял возле скалы вместе с Гансом и о чем-то с ним говорил.

Лейтенант отошел от Метцгера и направился к ним.

— Борис, что, вообще, происходит?

— Его пока не нашли, — угрюмо ответил тот. — Но коммандер убежден, что он здесь.

— Надеюсь, его поймут, — сказал Ганс.

— Думаете, он здесь?

Зайлер вместо ответа пожал плечами.

— Не нравится мне это. Плохие предчувствия.

Он собирался ещё что-то сказать, когда к ним подошел Рихтер.

— Лейтенант! Рад, что вы здесь.

Он внимательно его осмотрел, когда Харальд вытянулся по стойке "смирно". Лейтенант решил, что он смотрит на его новую фуражку. Она не отличалась от офицерской, Харальду сказали, что она принадлежала его предшественнику.

— Как успехи?

Рихтер помотал головой.

— Пока никак. Но мы оцепили периметр, поэтому, скоро мы его найдем.

— Коммандер, — обратился к нему Харальд, неуверенный в собственном решении. — Вы уверены в том, что видели? Говорят, он стал, как Шмит.

— Уверен. И пока его не нашли, тревогу не снимать. Вот, почему, так важно действовать быстро. Понимаете?

— Разумеется, — Харальд оглядел солдат, те внимательно рассматривали землю под ногами. Если доктор здесь, они его найдут. — Я слышал, Камински сделал открытие, — сказал он, меняя тему. — Если это, действительно, так, это поможет избежать подобных инцидентов в будущем. — Это была правда — из лаборатории, последнее время, новости шли одна за другой. Даже скупой на эмоции Томас Фреке выглядел сияющим. Разумеется, всё это были только слухи. Харальд собирался поговорить с Криге, обсудить детали, но

теперь, этого, кажется, не произойдет. Придется говорить лично с Камински.

— Даже, если это так, было бы неплохо получить ответы как можно раньше — произнес Рихтер. — Криге был одним из нас. Нельзя его терять.

— Мы его ещё не потеряли.

Взгляд Рихтера ясно говорил о том, где он видел мнение лейтенанта. Он уже собирался ответить, как раздался крик одного из солдат. Кричал прапорщик Эммануэль Циммер, человек, бывший вторым по старшинству после лейтенанта.

— Коммандер! Тут кое-что есть!

Рихтер направился к нему, его плащ зловеще развивался за спиной. Остальные шли позади него, карабкаясь по скалам.

— В чём дело?

— Он, похоже, был здесь. Мы нашли какую-то пещеру.

— Но сейчас-то его здесь нет?

— Никак нет, коммандер. Но внутри... вам, лучше, самому взглянуть. Если он болен... боюсь, его уже не излечить.

— Вы о чём? Объяснитесь!

— Там внутри лежит всякое, — лицо Циммера было бледным. — Трупы. Трупы животных. Разложившиеся.

— Значит, Криге чувствует себя хуже, чем нам казалось. Не думал, что кто-то мог зайти так далеко, как ваш капитан Шмит. Мы не знаем, на что способны люди, вроде них. Поэтому нужно быть предельно осторожными, ясно?

На какое-то мгновение прапорщик задумался.

— Так точно, коммандер. Конечно.

Позади него Харальд наблюдал за парой человек, которые подошли к краю скалы и смотрели вниз. Трудно было разглядеть, но, насколько позволяло его зрение, в скале зияла дыра, достаточная, чтобы в ней поместился человек.

Взяв у одного из солдат факел, Рихтер сунулся внутрь. Позади него в нерешительности замерли Метцгер и Зайлер. Никто не обратил внимания, что последний член их группы, Ганс, куда-то исчез.

5

Парень стоял в тени и наблюдал, как они осматривают его Думательное Место. Ему хотелось накричать на них, заставить уйти, но он не мог. Приходилось прятаться.

— Господи, — послышался голос лейтенанта. — Да, что здесь такое?

Они с нескрываемым отвращением ходили среди его вещей. Они не понимали, а он не мог объяснить.

Прапорщик Циммер остановился около Ганса-младшего. Он взял тюленя за брюхо и попытался поднять, но тот не сдвинулся с места. Его внутренности вытекли и приклеили тушу к трости. После нескольких безуспешных попыток, солдат отпустил тюленя и тот снова насел анальным отверстием на палку.

В другом конце пещеры Дитрих осматривал коллекцию птичьих останков. Лейтенант взял пальцами крыло и тут же отбросил его в сторону. Ганса затрясло от гнева. У него заняло очень много времени насадить крылья и головы на нитку, а он срывает их и швыряет в сторону.

Рядом с Дитрихом стоял Борис. Он никогда не показывал ему Думательное Место и

теперь внимательно следил за его реакцией. Он, хотя бы, относился ко всему с уважением. Не как остальные. Не как Дитрих.

Гестаповец осмотрел птиц и, кажется, узнал что-то. Он нашел оранжевый клюв, о происхождении которого был прекрасно осведомлен. Вместе с Гансом они часами мастерили ловушку для пингвина и, когда она сработала, Борис нашел в кровавом месиве клюв и забрал его себе. Когда командер устроил проверку, он отдал его Гансу на сохранение и теперь нашел его здесь.

Ему стало стыдно. У клюва не было имени (это же просто клюв), но Борис, казалось совсем не обращал внимания на тех, у кого оно было в этой пещере. На Лукаса и Фридриха он даже не посмотрел. Не посмотрел он и на Иисуса — птичку, которую он вытащил из Скользких Штук. Иисус так и висел, пришилennyй к стене, словно, личный трофей Ганса. Остальные его друзья были просто животными, но Иисус... он же был чёрным.

"Чёрный Иисус" — подумал Ганс и зажал рот, чтобы не рассмеяться. Он шевельнулся и почувствовал вес того, что прятал под шинелью. Это было очень опасно, но подделать он ничего не мог. Дитрих обернулся и Ганс замер. Мать так и не обнаружила его Думательное Место дома и, несмотря на то, что его новые родители обнаружили это, он не собирался выдавать себя.

— Сколько же он их убил? — спросил Метцгер.

— Дюжины, — ответил лейтенант. — Может, сотню, не знаю. Что думаете, Зайлер?

Борис пожал плечами. Его лицо начало потихоньку зеленеть.

Ганс гадал, что бы это значило. Определенно, реакция Бориса была не той, какую он хотел увидеть. "Та самая реакция" (что была только у Ганса) означала напряжение в штанах и улыбку на лице. У Бориса этих признаков он не заметил. Он выглядел так, будто хотел убраться оттуда поскорее.

— Не меньше сотни, точно, — произнес Циммер, оглядываясь. — Никогда бы не подумал, что старик способен на подобное. Сильно занят, наверное, был.

— Он был не один, — сказал лейтенант.

— Согласен.

— Не нужно забывать об этом.

Все четверо вытянулись в струнку, потому что появился Рихтер и начал осматриваться.

— Считаете, что это устроил Криге?

— Что именно?

— Насчет этих двух олухов у меня сомнений не было, но уж вы-то, лейтенант, как могли не заметить? Разочаровываете.

Дитрих стоял к Гансу спиной, но он чувствовал его беспокойство. Ганс подумал, сможет ли лейтенант ударить Рихтера, как ударил Ганса, когда тот мочился на бункер. Но нет, он способен бить только подчиненных. Не командиров, особенно, если те из СС.

— Что?

Командер указал на Лукаса.

— Голова находится здесь не меньше недели. Как и большинство остальных животных. Учитывая пятна на стенах, могу с уверенностью сказать, что коллекционер этот занимался своими делишками довольно продолжительное время.

Циммер сконфуженно огляделся.

— Считаете, Криге заразился неделю назад?

— Нет, идиот, — бросил Дитрих. — Криге вообще тут ни при чём. — В его голосе

появилась уверенность. Он смотрел на Бориса и его лицо говорило обо всём. Его друг был хорош во многом, но хранить секреты не умел. Ганс его не винил, он тоже с этим плохо справлялся.

— Всё это время, — сказал Рихтер, — среди нас был свободный художник. Кто-то, кто считал, что может получить доступ в запретную зону у кратера и там повеселиться. У меня есть предположение, кто бы это мог быть, а у вас, лейтенант?

Говорил ли он о Гансе? Парень затрясся. Коммандер ему не нравился, ничуть.

— Так точно, — ответил Дитрих.

— И вы не знали, что здесь происходит?

— Никак нет.

Воцарилась тишина, затем Рихтер ударом сшиб с головы Дитриха фуражку.

— Я собирался повесить вас, сделать так, чтобы вы были достойны носить эту фуражку, лейтенант. Но сейчас подумываю разжаловать вас в повара. Несмотря на ваше дарование, вы не разглядели того, что творилось у вас под носом.

Стоя в тени, Ганс чувствовал, как в лейтенанте закипает ярость. Он ясно видел, как покраснело его лицо. И, несмотря на то, что сказанное Рихтером пугало, он испытал удовлетворение. Не такое, какое он получал, когда делал себе друзей, а другого рода.

— И что теперь? — подал голос Циммер.

Рихтер ещё раз осмотрел пещеру. Его взгляд остановился на стене с птицами. Он сорвал одну голову и принялся её рассматривать. Ганс молился за своего друга — Джеймс его звали, малыш Джеймс — чтобы он был милостив к коммандеру. Он должен был быть дружелюбен, чтобы Рихтер не разозлился. Должен смотреть на него смиренно, потому что милым он мог быть только с Гансом. Ведь, именно Ганс привел его туда, обогрел, приютил, накормил.

Рихтер швырнул Джейма на пол.

— Сжечь всё!

Поначалу, Ганс решил, что ослышался. Затем, осознав смысл сказанного, шумно вдохнул. Его Думательное Место! Друзей, все труды. Он до конца надеялся, что они просто уйдут. Уйдут и забудут о Гансе и тогда Ганс вернется к друзьям. Подумает.

"Сжечь всё!"

Они собираются всё уничтожить! И, может, даже, Ганса вместе с ними. Швырнуть его в огонь и смотреть, как он будет гореть. Сжечь его и всех его друзей.

Он прижал ладони к вискам, чувствуя, как из глаз потекли слёзы. Хотелось закричать, но он понимал, что нельзя. Вместо этого, он лёг на пол и сжался. То, что он прятал под шинелью, упало в грязь.

— Лейтенант, приберитесь тут с Циммером. По исполнению, доложить, — приказал Рихтер.

Они принялись с усердием выполнять указание. Они срывали животных с колов, обрывали веревки, скидывали туши в одну кучу. Очень скоро всё это станет пеплом.

Ганс не мог на это смотреть. Он взял себя в руки и выбежал из пещеры и растворился во тьме. Он всегда был осторожен, когда проникал внутрь, а теперь, впервые в жизни, ему пришлось проявить осторожность при выходе наружу.

Первый и последний раз в жизни.

От этой мысли он снова заплакал. Он не хотел, чтобы так было, не хотел сам себе казаться неженкой, но именно это место удерживало его от срыва. Он мог терпеть побои.

Терпеть насмешки. С этим проблем не было. Он терпел всё это с раннего детства. Но потерю друзей он вытерпеть не мог. Джеймс, Лукас, Фридрих и, тем более, Ганс-младший были ни в чём не виноваты. Винить нужно было только его.

Снаружи, в ночи было невообразимо холодно. Вокруг кратера, словно мотыльки, плясали огни факелов. В этом гвалте он не заблудится. Он решил, что найдет новых друзей. Найдёт новый дом. Трудно будет это сделать, не исчезая подолгу с базы, но, может, получится вернуться и забрать уцелевшее. То, что он прятал под шинелью, могло в этом помочь. Ганс ещё не придумал, как это использовать, но был уверен, что опытов над пингвинами больше не будет.

Может, удастся отомстить. Он остановился и обдумал эту мысль. Да, месть! Звучит неплохо.

— Месть, — произнес он вслух.

Разве не так нужно поступать, когда кто-то вредит друзьям?

Внизу продолжали плясать огоньки. Они пробудут там ещё несколько часов, занимаясь поисками доктора Криге.

Они его никогда не найдут.

6

Закончив работу, Харальд вышел из пещеры глотнуть свежего воздуха. Заботы по сжиганию он оставил на Циммере, не желая больше смотреть на разлагающиеся туши. Его неясное желание вернуться домой, стало резкой пульсирующей необходимостью. Ему было отвратительно, и люди и собственное невежество. Так, что пусть Циммер сам заканчивает.

Это решение стало для него, в итоге, спасительным.

Минуту спустя, Эммануэль Циммер поджег спичку и швырнул её на груды животных останков. Пламя мгновенно распространилось по всей пещере. Если бы прапорщику хватало ума держаться подальше от огня и дыма, спрятанная рядовым Вэгнером взрывчатка не нанесла бы ему вреда. Но под воздействием температуры боеприпасы, порох и краденные гранаты М-24 сдетонировали.

Пещера позади лейтенанта Дитриха огласилась чудовищным грохотом. Харальда швырнула к краю провала и засыпало скальной крошкой. Вся пещера скрылась в клубах дыма и пыли. Циммер, равно как и Фридрих, Лукас, Ганс-младший и Иисус просто исчезли.

Глава 19: Ночь

Остров. Наши дни.

1

В лучах заходящего солнца из воды возникли четыре фигуры. Мейсон понимал, что среди приближавшейся зимы их следы будут очень заметны, но решил, что обнаружить их вскоре будет некому. Он полз по пляжу, словно паук, и поднялся на ноги только, когда оказался на твердой земле. Он чувствовал себя выше, стройнее. Будто, всё в его теле, кроме мускулов или костей, просто исчезло.

— Ко мне, — скомандовал он. Даже голос изменился. Стал гладким, змееподобным.

Его люди вышли из воды и встали позади. Их кожа стала какой-то грязной, покрытой синяками, которые, вообще-то, не были синяками. Он чувствовал, как что-то заполнило его руки, под кожей бугрились вены.

Иначе и быть не могло.

Они почти час простояли на палубе "Эсхила", вдыхая споры горячей Гнили. Все имели различные ранения, поэтому все изменились. Сейчас это неважно, потому что то, что они считали проклятием, спасло их. Помогло выжить в ледяной воде и придало им сил.

У него появилось ощущение, что он пришел домой. Над головой извивались щупальца и говорили с ним, шептали прямо в мозг.

Мейсон повернулся к своим людям. В этот раз не будет никаких речей, никаких слов о долге и смерти. У них теперь только одна цель и она не исчезнет, пока они её не достигнут. Сначала, нужно обследовать остров. Он решил, что первым делом, надо осмотреть причал. Скорее всего, Эйджей высадили там, а затем они займутся МакКриди. Его старый дружок не знал, что она сидит в запертом бункере. После того, как он разберется с бывшим подчиненным, Мейсон закончит с Кейт. Смысла держать её взаперти больше не было. Парни смогут с ней позабавиться, если захотят. Хорошая идея для окончательного решения этого вопроса. Её крики станут усладой для их ушей.

Всё о чем он думал, его люди поняли без слов.

Не говоря ни слова, он начал подниматься на холм. Они заберутся наверх и начнут поиски.

Будут искать. И будут убивать.

2

Когда Эйджей вышел из бункера, он был весь в черном, брюки застегнуты, а рубашка заправлена. Армейские ботинки сменили старые туфли, на поясе висел ремень с кобурой. Он поправил манжеты и провел ладонью по влажным волосам, вернув им родной огненный оттенок.

— Что скажете? Красавчик?

Кейт сидела на земле в позе лотоса.

— Нет. Уродец, скорее.

— У них была только армейская форма или униформа СС. Пришлось подумать.

— Как сидит?

— Слегка жмет в плечах, но терпимо.

— Я кое-что нашла, пока вы переодевались.

— Да ну? Секундочку, — он скрылся внутри и вернулся с парой винтовок. Положив их на землю, он проверил оружие в кобуре. Кейт не помнила его название, но это оказался один из тех немецких пистолетов с оголенным стволом, которые постоянно показывают в кино.

— Поторапливайтесь, — сказала она.

Два тела в бункере оказались не единственными, не затронутыми грибком. Кейт нашла третье, погребенное под обрушившимся сводом подвала. Знать о том, что Гниль не затронула тех, кто умер насильственной смертью, было, конечно, приятно, но ей, всё же, не хотелось находиться рядом с теми, кто умер в муках.

— Ужас, — сказал Эйджей, когда увидел. — Это вы хотели показать?

— Нет. Смотрите сюда.

Упавшие перекрытия образовали скат, по которому Кейт и вела его, держась руками за стены. Если бы человек в проеме ещё был жив, она бы не позавидовала его страданиям. Дойдя до края, она спрыгнула на пол и подошла к большому металлическому цилиндру. Он стоял в углу и в высоту достигал почти потолка подвала. Из него торчало с полдюжины трубок и отводов, в большинстве, сломанных. Она указала на пятно на полу, большую лужу, образовавшуюся у разрыва одной из трубок.

— Что это?

— Сразу не понять, но тут были клетки. Из стекла. Кажется, с помощью этой штуки они пытались её убить.

— Гниль?

— Щупальца. Понимаю, глупо звучит, но у меня именно такое ощущение.

— Если эти штуки тут так давно, то, вообще, ничего удивительного. Это, что, какая-то кислота?

— Не знаю, но, кажется, да, — она указала на скелет на полу. Его кожа была желтой. Она неплохо сохранилась в холоде, но сморщилась от времени.

— Может, его спросить?

Она взяла со стола красный блокнот.

— Что это?

— Дневник. Написано на немецком, но...

— Но, вы сможете прочитать.

— Ага.

— Всегда знал, что от вашего привилегированного положения будет польза.

— Не надо говниться. Его содержимое может нам помочь.

— Ладно-ладно, забирайте. Я тоже хочу вам кое-что показать.

Когда она начала исследовать подвал, то решила, что он будет относиться к увиденному с большим уважением. Произошедшее здесь было частью истории. В этом был смысл и не потому, что их окружила Гниль.

Кейт уже собиралась уходить, когда вспомнила ещё кое о чём. Она подняла это с пола, закинула на плечо и осторожно начала подниматься. На вершине Эйджей подал ей руку и помог подняться.

— Это, что, шинель?

— Вы сказали, что хотите приодеться.

Он внимательно её осмотрел, затем взглянул на Кейт и сунул руку в рукав. Она помогла ему с другим рукавом и накинула шинель на плечи. Сидело, как влитое.

— И как я?

— Стал меньше походить на пролетария.

— Понятия не имею, что это значит.

— Хорошо. Что вы хотели показать?

Он вернулся к складу и поднял с земли винтовку.

— Хочу научить вас стрелять.

— Из этого? Глупость какая.

Он мрачно посмотрел на неё.

— Если возникнут неприятности, они нам пригодятся. Гидеону я её вряд ли доверю, а вам вполне. Ну, берете?

— Вы, хоть, представляете, насколько они древние? Не понятно, стреляют ли они вообще?

— Их точно нужно почистить. Там есть растворитель и я нашел ветошь. Мне понадобится отвертка, чтобы сорвать спусковую скобу, у вас была, я знаю.

Поразмыслив некоторое время, она согласилась. Всё равно, до возвращения Голландца делать было нечего. Поэтому они сидели снаружи, в пыли. Эйджей лихорадочно приводил оружие в порядок. Кейт ловила на себе его колючие взгляды, но старалась не обращать на них внимания, а просто улыбалась и продолжала работать.

На все дела у них ушло полчаса. Закончив с оружием, Эйджей ушел на склад и принес несколько банок консервов. Кейт и представить не могла, что сможет есть что-то, пролежавшее на полке полвека, но, когда он протянул ей одну, желудок заурчал.

— Нам от них плохо не станет?

— Нет, если герметичность банки не нарушена. Витамина А и С там, скорее всего, уже нет, но калорийность не изменилась.

— С трудом верится.

Он вскрыл свою банку открывашкой на связке ключей и принялся из неё пить, отвратительно причмокивая.

— Кашица.

Они съели по две банки каждый. Еда оказалась вкусной. Кейт и не догадывалась, насколько же голодна.

Поев, Эйджей собрал пустые банки и выстроил из них пирамидку. Затем принялся рассказывать Кейт всё, что знал о карабине "Маузер-98": как перезаряжать, как держать, как смотреть в прицел. Она частенько стреляла из пистолетов, но из винтовки — никогда.

Она встала на рубеж и выстрелила. Первая пуля прошла в двух футах от цели.

— Неплохо, — сказал Эйджей.

Вторая пролетела значительно ближе. Третья ушла сильно выше и срикошетила от металлической двери бункера. Им пришлось даже пригнуться, когда пуля прожужжала над ними. Четвертый выстрел достиг цели — пуля попала в самую верхнюю банку и та отлетела в сторону. Это, кажется, впечатлило Эйджея.

— Очень хорошо.

— Ничего подобного. Не думала, что вы способны подолгу оставаться на месте и смотреть на кого-то дольше пяти минут.

Он улыбнулся, но в этой улыбке была горечь.

— Не могу сказать, когда именно я начал кочевать, если честно. Было бы разумно предположить, что с того времени, как ушла жена, но, на самом деле, всё началось гораздо

раньше.

— Вы нигде подолгу не задерживаетесь.

— Мне это тоже не нравится. Нам с Голландцем уютно в Пуэрто-Айсен, но не думаю, что это конечная точка моего путешествия.

— Разве вам не хочется осесть? Завести семью?

— Не знаю. Такая жизнь... она для кого-то другого. Я попробовал, получилось не очень удачно.

— Когда-то нужно остановиться.

Он прицелился из своей винтовки.

— Если для вас это то же самое, то предпочту не останавливаться сегодня.

— Вы понимаете, о чём я.

Он опустил винтовку.

— Я вернулся за вами. Разве нет?

Она посмотрела ему в глаза и увидела в них огонек. Она видела того, кем он был — мужчину, измученного войнами, разводом и тяжелой жизнью в странах третьего мира.

— Вы меня домогаетесь, бывший директор службы безопасности Трентон?

— Никак нет, мэм. Я никого не домогаюсь, не будучи уверенным в результате. — Он вскинул винтовку и выстрелил, отправив банку в полет. — Ну, кроме, банок, пожалуй.

Следующие два выстрела оказались не такими точными, но он сбил ещё две банки, прежде чем обойма опустела.

— Слегка небрежно, — заметила она.

— Голландец сбил бы все, но это Голландец. В любом случае, вам нужно тренироваться.

Наверное, вследствие стресса — а, может, и благодаря ему — у неё появилось странное желание и она ему подчинилась. Она прижалась к нему, положила руку на пояс и прижалась лицом к его щеке. Когда он попытался сделать что-то в ответ, она вынула пистолет из кобуры и отпрянула. Он кашлянул.

Уроки по стрельбе были уже давно, но кое-что не забывается. И, даже если, она не способна стрелять из винтовки, то с пистолетом обращалась отлично. Кейт выстрелила трижды и трижды попала.

ЭйДжей замер в изумлении.

— Мы с вашим Голландцем не так уж и отличаемся. Может, когда он вернется, даже устроим соревнование. — Может, она выбрала неудачное время для шуток, но ей была необходима разрядка. Не потому, что Голландец начнет торопиться, когда услышит выстрелы. А потому, что в глубине её души засел страх и ей очень хотелось выбраться отсюда, как можно быстрее.

Выстрелы привлекли внимание. Но не Голландца.

Двое в холмах приняли во внимание, что их с теми, кто остался у причала, разделяло немаленькое расстояние. Это означало, что нужно немедленно выдвигаться.

3

Голландец распахнул двери в магазин запчастей и закашлялся от запаха ржавчины и старой смазки. Вдоль окон висели полки, посеревшие от пыли, скопившейся на них за долгие годы. Прежде чем обнаружить магазин, они с Гидеоном уже были готовы сдать. Но, как только он заметил раздвижные гаражные ворота и пандус, то сразу понял, что они у

цели.

Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно — их поиски окончены. Прямо посреди склада стояла крепко закрепленное судно. Это был не китобой, а, скорее, рыболовный траулер, с прозрачным дном и бензиновым двигателем. Никаких свинцовых аккумуляторов, двигатель заводился от рывка с помощью веревки, толщиной с большой палец. Выходило ли судно в море, было неизвестно, но Голландец был уверен, что, в своё время, оно было совсем новое. Он так удивился, что какое-то время стоял с открытым ртом. Затем крикнул:

— Эй, док! Док! Идите сюда!

Повисла тишина и он крикнул ещё раз. Снова тишина. Пальцы Голландца опустились на фальшфейер, но тут появился Гидеон со старой бензиновой канистрой в руках. Его лицо было таким красным, будто он гири перетаскивал.

— В чём дело?

— Идите сюда, взгляните.

— Ну, лодка.

— Лодка, на которой мы сможем выбраться.

— О, — произнес Гидеон, не слишком впечатленный находкой. — Я, тут, бензин нашел. Ему, наверное, лет 80.

— Да, ну, нахер.

— Дайте зажигалку.

Голландец передал. Док наклонил канистру и из неё на пол полилась кофейного цвета жидкость. Он зажег пламя и поднес его к луже.

— Нет! — крикнул Голландец.

Гидеон, лишь, улыбнулся и поднес зажигалку ближе. Ничего не произошло. Скорее всего, эта жидкость, действительно, была кофе.

— Вы абсолютно ёбнутый, док.

— Я могу его очистить.

— Как?

Гидеон кивнул, в этот момент он выглядел практически вменяемым.

— Двигатели того времени работали на неэтилированном топливе. Не думаю, что это поможет, но я могу, на всякий случай, смешать наш бензин с этой штукой. Но сначала, нужно профильтровать это старьё. Так, ведь?

Голландец с сомнением посмотрел на него.

— Надеюсь, вы знаете, что делать.

— Пока я занимаюсь бензином, вы сможете её починить? Выглядит она не очень.

Голландец не очень разбирался в двигателях, но кое-что умел. В конце концов, если он не справится, Эйджей, точно, сможет.

— Интересно, у лягушки жопа водонепроницаема?

— Конечно. Сфинктер сжимается крепко, иначе бы она утонула, — Гидеон не шутил, но выражение его лица было такое, будто он снова не в себе.

— Идите уже отсюда. Найдите мне ключ.

Через несколько минут док принес ключ и Голландец принялся разбирать двигатель. Это оказалось гораздо легче, чем он думал. Когда он был ещё подростком — давным-давно в Аризоне — он любил копаться в старых машинах. Он не стал экспертом в этом деле, но кое-какие навыки намертво в нем засели. Он отсоединил топливные трубки, очистил свечи зажигания и слил масло.

Пока он занимался своим делом, Гидеон разыскал неиспользованные топливные фильтры и принялся за очистку той жижи, что нашел в канистре. После нескольких кругов очистки, топливо выглядело практически новым и доктор снова поднес зажигалку. Пламя занималось медленно, но, вскоре, лужица загорелась. Он добавил в канистру немного нового топлива и передал её Голландцу.

Тот залил топливо в бак.

— Настало время практических испытаний. Я бы на вашем месте, кстати, отошел от винта подальше.

Лопасты висели над полом под углом 45 градусов. Гидеон ткнул в винт пальцем и слегка раскрутил его, затем, тут же, развернулся и ушел отлить. Голландец подумал, что ему неплохо бы найти какую-нибудь одежду. Сам он накинул найденное у причала пальто. В таком виде — в трусах под пальто — он чувствовал себя извращенцем из Центрального парка, но, всё же, решил, что так лучше, чем ничего.

Он поднялся на палубу, взялся за стартер и дернул. Двигатель закашлял. Он дернул ещё раз и услышал, как стартер провалил передачу и засвистел, не провернувшись. Он нашел кнопку подачи топлива, нажал её и попробовал снова. Ничего. И следующие 6 попыток ничего не дали. Он решил перевести дух, дать отдых рукам.

— Док, помогите мне тут! — Где этот Гидеон?

Он растер ладони и попробовал снова. Двигатель крутанулся и заревел, выплевывая облака черного дыма. Звук был оглушающим, по меньшей мере, в три раза громче, чем у современных лодок.

— Ну, вот! — крикнул он. — Малыш Голландец снова впереди всех! Вы где, там, док?

Даже, если тот и ответил, он его не услышал. Было слишком громко. Он решил дать двигателю поработать несколько минут, затем глушить. Теперь, если не получится залатать другую лодку, план Б у них был. ЭйДжей будет доволен.

Голландец повернулся на носу лодки к выходу, не обращая внимания на замершую позади себя фигуру.

4

Мейсон крался по причалу, тихий, словно тьма. На какое-то мгновение он замер, вынимая нож, затем продолжил путь. Огнестрельное оружие не пережило заплыв от платформы, но ножи ещё оставались.

— Гидеон! Где вы? — послышался голос.

Он чувствовал в воздухе вкус его пота, слышал, как бьется сердце в груди. Его собственная грудь горела, нужно было выплеснуть эту энергию на волю.

— Док! Не пугайте меня, док! — Голландец наклонился и поднял что-то со дна лодки. Похоже на сигнальную ракетницу, но она его тут не спасет.

— Помогите! — в дверях появился Гидеон. Он упал на землю прямо перед вращающимся винтом лодки. Рядом с ним упал металлический контейнер.

Понеслась.

— Гидеон! — крикнул Голландец.

Мейсон скользнул за ним, выставив вперед нож. В последний момент Голландец повернулся, но было уже слишком поздно. "Слишком поздно!"

Но он ошибся.

Вместо того чтобы разрезать почку, лезвие лишь оцарапало ребра. Голландец

крутанулся на месте и Мейсон ощутил, как что-то ударило в голову. Он пошатнулся. Голландец ударил его в запястье, затем пнул в бедро. Нож упал на землю, соскользнул с палубы и исчез из вида.

"А он быстрый!"

Мейсон взревел, схватил Голландца, повалил и прижал к земле. Затем прижал к его груди колено и ударил. Он бил его по лицу, по голове, а когда тот закрылся, начал бить по ребрам.

Он бросил взгляд в сторону и заметил, как Сен-Круа подбирается к Гидеону, ухмыляясь, как обезьяна. Он поднял тощего на ноги и вцепился ему в горло.

Вдруг что-то тяжелое и металлическое ударило Мейсона по голове. Он ошеломленно повернулся к Голландцу и увидел в его руках гаечный ключ. "Чертов ключ!"

— Гидеон! Держитесь!

Голландец пнул двигатель, роняя винт вниз. Он не знал, сработает ли это, да и знать не мог, но... внезапно Сен-Круа завопил, его голова попала под лопасти и была ими мгновенно перемолота в кашу.

Мейсон заревел:

— Нет!

Оставшиеся двое его людей появились из темноты и бросились к доктору. Гидеон, по-прежнему, обнимал Питера, подставляя то, что осталось от головы под винт.

Вай схватил доктора и швырнул его на землю, не обращая внимания на тело Питера и вращающийся винт. Мелвин прыгнул следом, и вдвоем они принялись терзать его ногтями и зубами. Гидеон закричал, его тело задергалось, повсюду брызнула кровь.

Мейсон бросился на Голландца, целясь коленом в пах. Тот упал на палубу и Мейсон ударом отбросил ключ в сторону. Прежде чем он смог подняться и скрыться, Мейсон схватил Голландца и поднял над головой, как штангист. Из раны на ноге снова полилась кровь, но он был жив. "Жив!"

Он перебросил его через перила и Голландец с хрипом упал на бетонный пол. Мейсон задумался, сколько проживет этот парень — "этот злобучий здоровяк" — когда он сунет его ногу под винт.

Внизу Гидеон изо всех сил тянулся к тому, что нес в руках.

— Заканчивайте с ним! — крикнул Мейсон. — Живо!

Гидеон скрутил с канистры пробку. У него это получилось даже с двумя сидевшими на нем людьми. Из канистры начала течь жидкость. Она текла по бедрам, по животу, по кусавшим его людям. Он кричал, затем этот крик превратился в смех. В другой жизни это зрелище стало бы самым жутким кошмаром Мейсона.

Он снова посмотрел на своего противника, когда раздался внезапный металлический щелчок.

Перед ним стоял Голландец и держал в руке сигнальную ракетницу.

5

— Давай! — кричал Гидеон. — Стреляй!

Он кричал и смеялся. Хохотал, пока его рвали на части.

Голландец не мог знать, что принес Гидеон, нормальный бензин или выдохшуюся жижу. Если последнее, то им конец.

Не угадал.

Из ствола вылетел красный шарик и попал Гидеону в ногу, всё загорелось ещё до касания. Мгновенно вырос оранжевый шар, расплываясь по земле.

Мейсон прыгнул с палубы судна и толкнул Мелвина в сторону, подальше от огня. Кристиану повезло меньше. Он находился ближе и мгновенно исчез в огне. Он поднялся и горячей колонной направился к выходу, размахивая руками, словно во второсортном фильме.

Рядом на полу полыхал Гидеон. Он молчал и Голландец понял, что он мертв. Бедняга.

Он сорвался с места и побежал следом за Кристианом. Здоровяк добрался до берега и упал в воду, издав противное шипение. Позже, Голландец спросил себя, почему он пробежал мимо и не добил беспомощного солдата, но это было очевидно. Генри Джонсу, снайперу и специалисту по безопасности, было страшно. От страха он потерял голову, к тому же, был ранен. Между ребер, там, куда попал нож, текла кровь. Нужно было найти подмогу и чем быстрее, тем лучше.

Позади него Мейсон скидывал одежду, сдирая вместе с ней обгоревшую кожу. Он хотел, было, броситься следом, но поврежденная нога, наконец, дала о себе знать. Он зарычал от гнева, в бессильной злобе наблюдая за убегающим Голландцем.

Голландец, в свою очередь, не оглядывался. Он бежал, объятый страхом и отчаянием.

"Как? Ну, как они выжили?"

Ответ пришел сам собой. Они изменились, их кожа почернела, а разум свихнулся. Теперь они ни перед чем не остановятся.

Он бежал по пляжу в сторону крепости и, когда он посмотрел на небо, то увидел, что солнце, наконец, скрылось за горизонтом.

Глава 20: Экстренная связь с богом

Остров. Февраль 1939 года.

1

У входа в лабораторию Доминик наблюдал, как садилось его солнце. По всей базе зажглись огни, озаряя окрестности бледно-желтым светом. Несмотря на всё произошедшее, исчезновение Криге, гибель Циммера, указания командера оставались четкими.

И это означало скорое его появление.

Рихтер оказался так впечатлен их прогрессом, что захотел лично присутствовать при испытаниях. И он будет присутствовать, но не в той роли, какую уготовил себе сам. Доминику удалось уговорить отложить всё до вечера — лучшее, что он смог сделать. Наступление полярной ночи совпало с последним днем перед началом Великого поста, и гарнизон посчитал это достаточным поводом устроить попойку. Следующие несколько часов почти все будут находиться в офицерском бункере, где примутся неистово напиваться, а сам Рихтер окажется в лаборатории. Слишком идеально, чтобы быть правдой.

Остальные пленники будут ждать его прибытия в подвале.

— Мы на месте, — произнес Ари.

Этторе поднял бровь.

— Это вы. Хорошо.

Доминик и представить не мог, что этот человек может так нервничать. Вовлечь его в их дело было рискованно, но они с Ари решили, что риск этот оправдан. Считая Люсию, их было четверо. Четыре человека, готовых на насилие ради спасения. Не предупредили только Томаса Фреке. Фреке боялся не сильнее остальных, но он был трусом, а трусы, зачастую, бывают непредсказуемы. Когда придет время, он может встать рядом с ними... а может и не встать. Доминик следил, как тот стоял в углу и изучал диаграммы и решил, что, вероятнее всего, первое.

Этторе наклонился в сторону и передал ему флакон.

— Хлороформ, который вы просили.

Доминик кивнул.

Его пришлось изготовить самим, из краденого ацетона, этанола и отбеливателя. Эту смесь использовали врачи по всему миру, поэтому риск был минимален.

— Готовы?

Этторе кивнул.

— Уверен, смесь сработает. Правда, я никогда прежде не видел, чтобы её применяли на людях. Только на собаках и свиньях.

— Он и есть свинья, — вставил Ари.

Доминик взял флакон и открутил крышку.

— Справимся. Никаких сомнений.

— Здесь будет не так, как на судне. Рихтер — убийца. Ты осознаешь это, Дом?

— Осознаю. В каком-то смысле, будет, даже, проще. Уравнивает. В этот раз всё будет по-настоящему, Ари. Мы делаем это ради тебя, ради меня, ради Люсии.

Мысли о дочери не покидали его, и Доминик склонился в молчаливой молитве за её спасение. Вскоре она в одиночку отправится к гаражам, чтобы саботировать любые попытки

вывести технику. Он хотел, чтобы Ари пошел с ней, но появление у машин взрослого мужчины сразу вызовет подозрения. Ей придется идти одной.

Днем ранее они решили, что именно Этторе будет держать шинель. Рихтер неотрывно следил за Ари и Домиником, но их коллегу, почему-то, обходил вниманием. После непродолжительного спора, вняв логическим доводам, Этторе согласился. И теперь, он единственный из всех, стоял и потел.

Их план мог провалиться на любом этапе. Поисковые отряды до сих пор не нашли никаких признаков доктора Криге. Никто не знал, где он и какую представлял опасность. Его поиски внесли неразбериху в расписание смены караулов, теперь они сменялись совершенно хаотично. Что же касается командера... что если он явится в сопровождении солдат?

"Глупости" — подумал Доминик. Рихтер слишком горд, чтобы пользоваться услугами телохранителей.

Наверху заскрипела, открываясь, дверь и все четверо замерли. Доминик вслушивался в шаги, силясь понять, кто же идет. Вскоре он осознал, что слышит только одну пару сапог. Он повернулся к двери и увидел входящего командера и сердце его забилося с невиданной скоростью. "Повезло — мелькнула мысль. — Удача на нашей стороне!"

Рихтер ступил в лабораторию, словно, делал собравшимся небывалое одолжение.

— Ну — начал он, глядя прямо на Доминика. — Поведайте же о результатах, господин Камински. Расскажите, что же такого вы открыли.

Со лба Доминика упала капля пота и повисла на губе. Он сильно нервничал, но, всё же, собрался с силами и спокойно произнес:

— Как вы могли уже слышать, господин командер, всё дело в формальдегиде. При комнатной температуре это газ, но в жидком виде или в виде пара, он весьма эффективен против наших объектов.

— Продолжайте.

— Нам известно, что объекты представляют из себя набор признаков, свойственных самым различным видам, но их ядро, их основа, определено, грибковая. Индивидуальные черты прослеживаются у множества других видов. А формальдегид, как известно, это отличный фунгицид, особенно против черной плесени. Мы обнаружили у этих растений несколько схожих характеристик, именно с черной плесенью. Химическая реакция разрушает клетки, но не уничтожает всю структуру и не вынуждает их выбрасывать споры. При попадании, споры, сами по себе, быстро увядают и гибнут. Полагаю, мы нашли... нашли именно то, что вам нужно.

Рихтер принялся осматривать чаны.

— Значит, вы уверены, что это верное решение? Что нам не потребуется искать иные способы контроля?

— Никак нет, — заявил Доминик. — Уничтожать их можно огнем, а сдерживать формальдегидом.

Но, вместо того, чтобы излучать удовлетворение, Рихтер хмуро вздохнул, продолжая осмотр чанов. Доминик через плечо посмотрел на Этторе, тот шагнул ближе. Он заметно нервничал, но командер не обращал на него внимания.

— И как его распылять?

Доминик стиснул зубы. Рассказывать об этом означало, раскрыть некоторые детали их плана, но, решил он, вскоре Рихтер окажется неспособен делиться с кем-либо этой

информацией.

— Можно распылять в виде газа, или сбрасывать в виде бомбы. На людей смесь воздействует не лучшим образом, зато удастся избежать повреждения зданий.

Он снова посмотрел на Этторе, тот сжал ладони перед собой. Доминик даже, в какой-то миг, усомнился, что этот человек справится со своей задачей. Хуже дела обстояли с Фреке. Тот выглядел несколько расстроенным. К счастью, ему хватало ума молчать, пока говорил Рихтер.

Коммандер постучал пальцем по одному из контейнеров.

— Если вы так уверены в своем решении, позвольте спросить, почему вы не пришли к нему раньше?

— Свойства формальдегида ещё до конца не изучены. Он токсичен и никогда прежде не использовался против грибка. Кроме того, как вам известно, по указанию лейтенанта, нам запрещено иметь дело с опасными веществами. Мы поднимали этот вопрос во время работы с альдегидными цепями, но получив отказ, сдались. — Вообще-то, приказ о запрете на ввоз опасных химикатов издал Шмит, но Доминик не мог отказать в удовольствии и кольнут Дитриха.

Рихтер бросил взгляд на Этторе, затем вернулся к Доминику.

— Раз, у вас не было доступа к необходимым веществам, как же вы пришли к этому решению?

Разум Доминика вернулся в тот день, когда он зашел в лабораторию забрать тело Софии. Щупальца заполнили всё помещение, окружив тело его дочери, но самой девочки не коснулись, будто, замерев. Странно, но каким-то образом, Доминик понял, что дело было в той химии, которой напичкали её тело. Формальдегид входит в основу бальзамирующей смеси и щупальца старательно пытались его избежать, как подвальный гриб избегает солнечного света. Как только он это осознал, вывести необходимое вещество и проверить его не составило никакого труда. Прежде чем солдаты смогли что-то заметить, вместе с Ари они вернулись с масками и уничтожили все признаки наростов в лаборатории. Они очистили разбитые камеры и сожгли остатки щупалец в лабораторной печи.

Мрачно улыбнувшись, Доминик произнес:

— За это нужно сказать "спасибо" вам, коммандер. На решение мне указала мертвая дочь. А теперь, хочу, чтобы вы лично во всём убедились.

Именно этого сигнала и ждал Этторе. Он скинул шинель и бросился вперед.

С ловкостью змеи Рихтер вытянул руку и схватил его за запястье.

— Что? — рявкнул он. — Вы, что творите?

Доминик ошарашено смотрел на Этторе и коммандера. Затем, стряхнув оцепенение, он подошел к ним и попытался разнять. Проще, оказалось, сдвинуть повозку с дровами. Рихтер был худым, а его руки жилистыми и крепкими, как у машины.

Рихтер стряхнул с себя Доминика и повалил Этторе, прижимая руку с шинелью к его лицу. Тот сопротивлялся, но превосходство коммандера было очевидным и, вскоре шинель облепила лицо ученого и он начал задыхаться.

Чуть в стороне стоял ошеломленный Ари.

— Ари! Сделай что-нибудь!

Доминик снова бросился на Рихтера, но тот легко отшвырнул его на Ари и они столкнулись лбами. Его очки отлетели в сторону, сам он упал на колени, держась за лицо.

Лицо Рихтера потемнело от ощущения приближавшейся победы.

— Отныне, — сказал он, приближаясь к Доминику, — получив результаты, мы в вас больше не нуждаемся. Мы с вами повеселимся. О да, мы устроим...

В воздухе что-то свистнуло. Рихтера тряхнуло и он без чувств упал на Доминика. Он шагнул в сторону, пытаясь понять, что произошло.

Позади командера стоял Томас Фреке с металлическим стулом в руках. Во всем этом бардаке, Доминик совсем упустил его из вида.

— Я же говорил, — сказал он, переводя дыхание. — Я же говорил — от меня будет толк!

2

Харальд плыл по провалу.

На краю снова стоял рыжеволосый человек. Он ожидал Харальда на скалах, СС-овская форма развевалась на ветру. Харальд оказался очень близко от него, гораздо ближе, чем когда-либо и отпрянул в сторону. Вместо пальцев у него, вдруг, появились клешни. Это случалось постоянно, но каждый раз шокировало его, будто тело не хотело помнить этой трансформации. Он замедлился и беспомощно наблюдал за тем, как человек поднял оружие.

Снова послышался женский голос, на этот раз, он расслышал слова: "Они идут!" и "Что мне делать?"

И, внезапно...

"Внезапно"

Лейтенант проснулся в поту в собственной постели. Сон длится всё дольше и дольше. Он снится ему же в восьмой раз и с каждым разом становится всё дольше. Скоро наступит развязка, но какой она будет, он не знал. Иногда ему казалось, что человек застрелит его, а иногда, наоборот, что Харальд сможет его достать.

Он взглянул на часы и обнаружил, что уже пять часов вечера. Он проспал четыре часа, проведя весь предыдущий день в поисках доктора Криге. Рихтер, наверное, сейчас вместе с Камински, знакомится с его чудесным решением. Харальд оделся и вышел из казармы. До него донеслись веселые крики из офицерского бункера. Он пытался убедить себя, что нужно к ним присоединиться, но не смог. Смерть Софии давила на него. А благодаря Рихтеру, Люсия больше никогда не станет с ним разговаривать. Несмотря на это, он всё ещё хотел с ней поговорить. Хотел объяснить ей, рассказать, что его вины в произошедшем нет. Только так он мог всё исправить.

Он пошел вперед и вдруг оказался около бункера пленников. Кто-то оставил дверь незапертой. Он подумал, что нахождение Камински в лаборатории — это нормальное явление, но, всё же, что-то казалось ему необычным. Лейтенант потянулся к дверной ручке и в этот момент из бункера выскочила Люсия, чуть не врезавшись в него.

— О, простите, — сказала она. — Вы меня напугали!

"Я тебя напугал? Святой боже! Ты же чуть не снесла меня дверью!"

— Куда направляетесь? — спросил он.

Она улыбнулась, но, казалось, ответить была не готова.

— Я задал вам вопрос, девушка. Куда направляетесь? — С чего у него такой грубый тон? Он так хочет, чтобы она его возненавидела?

— Пошла прогуляться, — неопределенно ответила она. — Устала сидеть одна.

— Эта ночь не очень подходит для одиночных прогулок, Люсия. Надеюсь, вы это понимаете.

— Я недалеко. Хотелось бы погулять, пока отец занят.

Очень разумное объяснение. Она сидела в комнате одна и нуждалась в свежем воздухе. Что может быть естественнее такого желания, учитывая, что девушке пришлось пережить? Но, взглянув ей в лицо, он разглядел в нем что-то неизвестное ранее.

— Простите, не хотел вас пугать.

— Всё в порядке, господин лейтенант.

— Харальд.

— Харальд, — повторила она, уже в который раз, согласившись обращаться к нему по имени. Она покраснела и, казалось, стала выглядеть моложе. Но он смотрел на неё и понимал, что в отсутствии сестры, она казалась одного возраста с Мике.

— Я надеялся поговорить с вами.

Она задумалась.

— Может быть, позже. Сейчас я не настроена на разговоры.

— Позже у меня, скорее всего, не будет времени. И ждать мне не хочется. Я... я скучаю по нашим разговорам. Мне нужно вам кое-что рассказать.

— Вы мне приказываете?

— Странный вопрос. Нет, я вам не приказываю. Я просто хотел перекинуться с вами парой слов. Для лучшего знакомства, — он не мог заставить себя произнести слово "дружба". Разумеется, другом она ему не была. Равно, как и он не мог ей командовать. — Итак?

— Мне там не нравится. — тихо сказала она. — Там лежала София. Я всё ещё её чувствую.

Он задумался над тем, как себя с ней вести и решил, что самым разумным будет оставаться честным.

— Я хотел вам сказать, что мне очень жаль. Не этого я хотел. Раньше я никогда не работал вместе с Рихтером, но слышал о нем в Германии. У него репутация бескомпромиссного человека. С самого начала я боялся, что произойдет нечто подобное. Заверяю вас: всё, что произошло на берегу, это его вина и только его.

Она засмеялась. Это был неосознанный жест, и он выбил его из колеи.

— Пожалуйста, не нужно меня винить.

— Не стану, — ответила Люсия, но глаза её говорили о другом. Она обвиняла его и только его. "Может и он отдавал приказ, но случилось это всё с твоей подачи. С твоей помощью, Харальд".

Ему было неприятно ощущать этот взгляд, учитывая, на что он пошел, чтобы помочь ей. Он решил оставить её. Желая с кем-нибудь поговорить, он и не думал, что будет способен на хорошие поступки.

Повисла тишина, девушка обошла его и направилась своим путем. Внезапно он выпалил:

— В некотором смысле, это, конечно, моя вина. Я должен был каким-то образом мотивировать вашего отца. Он должен был работать, но работал недостаточно быстро для командера. Может, мне нужно было быть построже с ним. Людям, вроде вашего отца, Люсия нужно учиться дисциплине, а люди, вроде Рихтера не принимают оправданий. Так, что, наверное, это и моя вина.

"Ты чертовски прав, это твоя вина, — кричали её глаза. — Чертовски прав!"

Проходя мимо него, она задела его плечом и из-под её пальто выпала фляжка. Странная

вещь, чтобы брать её на прогулку. Харальд не мог припомнить, чтобы давал Камински нечто подобное. Она склонилась, чтобы подобрать её, но он оказался быстрее. Лейтенант выпрямился и с любопытством посмотрел на девушку. Фляжка была довольно тяжелой.

На лице Люсии появилось странное выражение чувства вины.

— Вы пытаетесь сбежать? — спросил он. Он слышал угрозу в собственном голосе.

— Нет, конечно, — подумав, ответила она. — Я не брошу отца.

Харальд поднес фляжку к носу и свинтил крышку. Ему хотелось пить. Но, только он собрался сделать глоток, как Люсия выхватила у него фляжку из рук, её лицо побелело от страха. Жидкость выплеснулась из фляжки и попала ему на лицо и обожгла его запахом скипидара.

"Камински! Что это, чёрт побери?"

Она попалась. Попалась и понимала это.

Люсия повернулась и бросилась к воротам, вздымая тучи пыли.

Харальд побежал за ней.

3

Когда Рихтер очнулся, то понял, что не может шевелиться. Он сидел на стуле, руки его были связаны за спиной. Его привязали к стулу, провода впивались в спину и запястья. Он моргнул и перед ним начал проявляться интерьер той же комнаты и тех же людей. Он был потрясен, но находился в сознании.

— Очнулся!

Рихтер повернулся и увидел Ари Квинтуса, целившегося в него из его собственного табельного пистолета. Хотя, правильнее было бы сказать, в его направлении. Было заметно, что этот человек раньше никогда не держал в руках оружие. Ствол был направлен в пол, а не в Рихтера. Впрочем, недооценивать его не стоило. Они захватили его, и больше этого не повторится.

— Не знаю, что вы собираетесь сделать, но буду признателен, если вы поторопитесь. После чего, я сделаю всё, чтобы вы умерли долгой и мучительной смертью.

— Заткнись! — рявкнул Квинтус. — Замолкни!

Справа от Рихтера послышался какой-то скрип, он повернулся и увидел какой-то агрегат. Несмотря на свое положение, он заметил, что по-прежнему оценивает это устройство, как начальник. Выглядел этот агрегат как сосуд с дюжиной трубок, соединенных с потолком.

— Не хватает, — раздался голос Камински. — Этот не дотягивается.

— Тогда, заглуши его, — сказал ему Фреке. Он находился где-то в углу комнаты, вне видимости. — Проверьте, что он герметичен.

В сосуде находился формальдегид, в отсутствие Криге, эти четверо сделали всё, что могли. Пока Камински занимался настройкой, Рихтер осознал суть их плана: они собирались залить формальдегидом всю базу. Камински говорил, что он может быть вреден для людей, а теперь они цепляли трубки к потолку. Там, наверху, до Рихтера доносился приглушенный шум празднования и он, вдруг, понял их замысел. От беспощадности его он затрясся.

— Вы знали, что я был на Ипре, когда мы впервые использовали газ против французов и

алжирцев? Тогда это был хлор. Всё просто, но смертельно. Мы дождались, пока ветер подует в их сторону, затем закидали их снарядами с хлором. Французы решили, что это просто диверсия. Они приказали солдатам выйти из окопов и занять рубежи прямо перед зеленым облаком. Когда облако их накрыло, в окопах воцарился хаос и ужас. Наши командиры так удивились эффективности нового оружия, что не повели нас в атаку. Враг смог пополнить ряды и укрыться. Жаль. Надеюсь, вы не допустите ту же ошибку.

— Заткнись, — сказал Ари.

— Уверю вас, в смерти человека от нашего изобретения что-то есть. Вы когда-нибудь видели, как умирают от отравления газом?

Фреке обернулся и начал ругаться, но Рихтер не обратил на него внимания. Швед аж позеленел.

— Это ужасно, — продолжал Рихтер. — Горчичный газ хуже всего. Люди истекают кровью и горят, но самое жуткое — это смотреть им в глаза. Человек задыхается, но его взгляд, при этом, незабываем. От хлора умирают быстрее, но я бы не хотел себе такой участи. Не знаю, на что способен ваш формальдегид, — заявил он, — но очень хотел бы на это посмотреть.

— Замолкни, иначе будешь первым, — сказал Фреке.

Рихтер рассмеялся.

— Полагаю, если бы вы хотели это сделать, то уже сделали бы.

— Может, его просто убить? — спросил человек с оливкового цвета кожей.

Рихтер перестал смеяться. Этот человек был спокоен, как был бы спокоен сам Рихтер, будь он на его месте.

— Этторе прав, он опасен, — сказал Квинтус, держа его на мушке. — Я приказал ему заткнуться, но он не слушает.

"Этторе, точно". Порой, трудно бывает запоминать фамилии.

Камински вытер руки и встал перед командером. В его взгляде появилось то, чего Рихтер прежде не замечал: какая-то решительность. Он был слишком решительно настроен.

— Мы никого не убиваем без необходимости. Даже такого сумасшедшего садиста, вроде вас, командер. Иначе, мы бы ничем не отличались от подобных вам. Может, это и замысленное выражение, пусть так. Но это правда.

Швед хмыкнул.

— Ага, точно. А те, наверху?

— Если им хватит ума, они успеют выбежать наружу раньше, чем задохнутся. Травмы будут, конечно, но не смертельные.

Рихтер уловил ложь в его словах и улыбнулся. Вопрос в другом: врал ли Камински только друзьям или пытался обмануть сам себя?

— А если не сработает? Или у них найдутся противогазы? — не унимался Фреке.

К нему подошел Этторе и положил руку на плечо.

— Мы всё проверили. Сработает.

— Должно, — согласился Камински.

— Да, должно.

Фреке кивнул, удовлетворенный.

Командер заметил, что между ними возникла какая-то связь. Они были убеждены, что пойдут до конца.

— Как думаешь, где она, Дом? — спросил Квинтус.

Камински тряхнул головой.

Когда Рихтер понял, о ком они говорили, то зарычал. Он убьёт их, всех, включая девку.

4

Ворота оказались открыты и она выбежала за территорию базы.

— Стоять! — крикнул Харальд. — Я сказал, стоять!

Перед собой она увидела в темноте огонек. Кто-то взял в патруль мотоцикл и теперь возвращался. Позади приближался Харальд. Она была в западне.

Она остановилась и посмотрела вокруг. Люсия раньше никогда не оказывалась так близко около кратера, никогда не чувствовала так явственно его дыхание в воздухе. В нос ударили новые запахи чего-то горелого. Она слышала о взрыве в пещере неподалеку, а теперь видела, даже, осколки скал. Сама пещера была завалена щебнем, но и в нем уже появились колеи и щели. Не долго думая, Люсия спряталась там. Днем её бы нашли без особых проблем, но в темноте можно было легко скрыться. Она прижалась к скале и в этот момент мимо неё прошел Харальд и остановился.

— Никто не должен знать, — раздался его голос. — Я понимаю, Люсия. Вы думаете, что не понимаю, но это не так. Отсюда можно сбежать. Но это никому не поможет. Ваш отец никому не сделает лучше, снова попытавшись уйти. Я вам говорил, командер не терпит оправданий. Если он поймает вас или отца, вы прекрасно знаете, что будет. Если вы сдадитесь, мы всё обсудим. Может, даже, обо всём забудем. Скажите, где вы и что запланировал ваш отец? Если поторопитесь, мы ещё сможем его спасти. — Он замер в ожидании, уперев руки в бедра. — Чёрт, где же ты, девочка? Думаешь, это так легко — жертвовать своей репутацией? Учитывая, что я для тебя сделал, может, проявишь чуточку уважения? Нет! Ты же собираешься сделать то, что запланировала. — Он яростно выплевывал слова. Как же быстро он менялся, когда не получал желаемого. — Я знаю, ты здесь. Выходи! Я приказываю выйти! Я приказываю!

Люсия сидела во тьме, задержав дыхание. Он близко, очень близко.

Спустя какое-то время, она услышала его удаляющиеся шаги. Она слышала, как он ходит вокруг кратера и повторяет её имя. Мотоцикл находился где-то выше, в стороне, его двигатель был заглушен. Это означало, что где-то поблизости были двое солдат, вместо одного. Кто бы ни был в патруле, он явно слышал крики Харальда.

Гаражи находились прямо позади неё, ей нужно было искать пути к спасению. Ари и отец рассчитывали на неё, что они будут делать, если у неё не получится?

В конце концов, она решила заглянуть за скалы. Она не слышала никаких звуков и решилась. Тишина стояла такая, что сомнений у неё не осталось никаких.

В этот миг появился Харальд и схватил её за волосы.

— Попалась! — радостно выкрикнул он.

5

Моисей общался с богом через горящий куст. Огонь, типа, и был богом. У него есть власть давать жизнь и забирать её. Он может и обогреть и сжечь дотла. Ганс гадал, сжалится ли над ним бог огня в этот раз или накажет. Помещение было маленьким, а огня будет много.

А, что если, то, что видел Моисей, не было богом? Что, если это был телефон, а бог находился на другом конце провода? Этот вопрос он никогда не задавал своей матери.

В гараже стояли три полугусеничных грузовика. Ганс на зубок знал их характеристики. "Производство 1938 года, — шептал он. — 6 цилиндров. Сотня лошадиных сил. Вес 7 тон. Топливный бак на тысячу литров. Может быть, полный, — говорил он, лежа на спине под одной из машин и цепляя металлическую коробку на днище. — А, может и нет".

Про него говорили, что он тупой, но он не тупой. Он знал все характеристики техники, возможности двигателей. Знал точное расположение топливных баков. Знал, что у них было три грузовика и один мотоцикл, подозрительно исчезнувший из гаража. Знал, что они будут стоять на месте, пока не закончатся поиски Криге. Знал, что обычно здесь дежурит охранник, но сейчас он, парень по имени Йонас, был на вечеринке. Он знал, что сейчас он тут один.

Ганс всегда хорошо работал руками. У него хорошо получалось обращаться с инструментами и ремонтировать механизмы. Он не очень хорошо учился в школе ("Боже, он какой-то неправильный" — говорила мать, когда он приносил плохие оценки. Ганс не понимал, что она имела в виду, но он был уверен, что дело в его успеваемости). Но армия смогла раскрыть его таланты.

Ганс вылез из-под грузовика, встал и отряхнулся. Огня будет много, но он не боялся. Он привез с собой Майло.

Майло был собакой одного из китобоев с берега. Должно быть, хозяин не любил пса, потому что часто выгонял его на остров, когда собирался спать. Несколько дней Майло бегал по скалам в поисках еды. У него была белая с серым шерсть, как у ездовой собаки. Но Ганс не собирался запрягать его в сани. Он всегда относился к животным как к равным.

Собака не очень желала приближаться к нему и, когда её лапа попала в капкан, Ганс уже знал, что делать. Майло не нужна была задняя лапа, к тому же, он был слишком тяжелым. Ганс перевязал морду Майло веревкой (ради его собственной безопасности, конечно) и распилил пополам. Крови было много, но, в итоге, Майло стал заметно легче и дружелюбнее.

Так, собака стала его самым близким другом и Ганс, без раздумий взял пса с собой в гараж. Это было опасно, но не менее опасно было оставлять Майло в скалах. Так поступил предыдущий хозяин и Ганс не хотел быть похожим на него. Они друзья и Гансу было достаточно просто попросить его не шуметь. Разумеется, пёс послушался.

Он сидел с высунутым наружу языком на бетонном полу позади грузовиков. Ганс подошел к нему и потрепал по голове. Майло упал, из его брюха полилась какая-то дрянь. Ганс поднял его на ноги. Майло был хорошим пёсиком.

Ганс скучал по Борису, своему человеческому другу, но сейчас ему хватало Майло. Они вместе могут писать на улице, как когда-то с Борисом. Или он может писать один, а Майло будет смотреть, если ему самому не захочется. Он поднял кусок пакета, лежавший перед собакой. Майло внимательно смотрел на него.

— Не смотри на меня так, — сказал Ганс. — Мне от этого смешно. А мне не нравится, когда смешно.

У него был план. Когда базы не станет, они вместе отправятся на другой конец острова. А когда придет время, сядут на рыбацкую лодку и отправятся домой. Может, ему удастся пробраться. Или найти другого друга, похожего на Бориса, который его проведет. Он станет настоящим моряком и запишется во флот. Когда-нибудь, он, может, забудет об армии и станет жить сам по себе.

Построит новое Думательное Место. Да, так и будет.

Впрочем, это была не единственная его мечта. Ему хотелось восстановить всех друзей из пещеры. Он думал о том, как поиграет с командером ножом и пилой. О, да, он поиграет с ним. Может, даже, попишет на него. Из своей "штуки". Но, сначала, он станет, как Моисей.

Ганс сунулся в один из грузовиков и пошарил под сиденьем. Там, около двигателя, он нащупал бардачок. Пакет всё еще был у него под шинелью и он осторожно вынул его, чтобы не сдетонировал заряд.

6

На одной вышке никого не было, на другой скучал одинокий охранник. Большого Доминик, находившийся вместе с остальными у офицерского бункера, разглядеть не мог. Под покровом темноты он проник в дом заключенных и быстро его осмотрел.

— Люсия? — позвал он. — Ты здесь?

В комнате всё было так, как было до его ухода. Дочери нигде не было. Медвежонок Софии смотрел на него с кровати черными пуговичными глазками.

— Этторе, — прошептал он. Они разделились, Доминик направился к бункеру, а Этторе к гаражу. Возможно, он её уже догнал. Доминик бросился к выходу. София умерла и он не собирался терять ещё и Люсию. Глупо было отправлять её одну.

Когда он проходил мимо офицерского бункера, то заметил у входа двух немецких солдат. Из приоткрытой двери доносилась музыка, тянуло табачным дымом.

— Отличное время для прогулки, — произнес один, прикуривая.

— Бабе своей об этом расскажи, — откликнулся второй. — Я с тобой под ручку никуда не пойду.

— А может, твоей бабе сказать?

— В полный рост. У неё этих рук немало побывало.

Оба рассмеялись безумным пьяным смехом.

— Пойду, проверю Лайнуса, — сказал первый и направился к вышке.

Второй махнул ему рукой и оперся спиной на стену бункера. Доминик выжидал, ругаясь каждую секунду. Спустя минуту вернулся первый солдат.

— Что он сказал?

— Сказал, что лейтенант чего-то орал. Бегал вокруг, как идиот. Видимо, он к нам не присоединится.

— А Лайнус не придет?

— Не. У него приказ.

Дверь открылась и оба зашли внутрь.

— Видимо, придется пить и за него.

Они снова рассмеялись и дверь захлопнулась. Доминик, наконец, остался один.

Он побежал через базу, надеясь остаться незамеченным. В конце концов, решил он, его никто не увидел, ни солдат на вышке, ни опоздавшие на вечеринку. Неожиданно для себя он обнаружил, что дверь в гараж была открыта, из дверного проема лился свет. Если его дочь там, почему она не закрыла дверь?

Затем он заметил фигуру, прятавшуюся в углу. Человек повернулся и посмотрел на него. Доминик замер, будто кролик при виде охотника. Затем он пригляделся и понял, что это Этторе. Конечно, это был Этторе. Зачем солдату прятаться в темноте? Человек махнул ему.

Доминик подошел и уже собрался спросить, что тот видел, как Этторе приложил палец

к губам. Он указал на открытую дверь. Доминик посмотрел и увидел там две фигуры.

И ни одна из них не была его дочерью.

7

Несколькими минутами ранее Борис Зайлер ушел с вечеринки, чтобы отлить. Он сделал десяток шагов и понял, что до туалета не дотерпит. Бутылка выпала из руки и он оперся на стену. Он начал мочиться, как, вдруг, понял, что его может поймать лейтенант. Эта мразь могла быть тише воды и Зайлеру совсем не хотелось получить по башке. Может, лейтенанту не дали никакого задания? Чтобы получить задание, которое тебе не нравится, Зайлер знал это прекрасно, нужно просто хорошо выполнять свою работу. Им с Гансом отлично удавалось выполнять свою работу, хоть парень и был слаб на голову. Впрочем, Бориса это не волновало. Скорее всего, лейтенант опять болтает с дочерью Камински. Они очень много времени проводили вместе и он считал это правильным. Ха! А ещё говорят, Ганс сумасшедший.

Зайлер задумался, где сейчас этот парень. Сбежал куда-то и пропал. Зайлер, конечно, понимал, почему, но, господи, это же, всего лишь, звери! Гибель Циммера — другое дело, но то была случайность.

Он закончил свои дела, застегнул штаны и направился обратно в бункер. Но, вдруг в алкогольном тумане он услышал крики и замер.

— Стоять! Я сказал, стоять!

Кричал лейтенант, он был где-то рядом.

Зайлер вынул пистолет. До него донесся звук двух пар ног и затих. Он двинулся за ними, держа пистолет наготове. Несмотря на то, что он стоял на улице, он ничего не видел. Кто бы это ни был, он исчез. Затем он заметил странный свет, исходящий от гаража. Йонас находился на вечеринке и должен был запереть гараж и погасить свет. Что-то здесь не так.

Дверь поддавалась без особого труда и он вошел, готовясь встретиться с лейтенантом и девушкой. Вместо этого, он увидел того, кого меньше всего ожидал встретить.

— Здравствуй, Борис, — сказал Ганс.

— Чего?

Гестаповец не верил собственным глазам. Только что он думал об этом человеке и, вот, он стоял перед ним с каким-то подобием дистанционного взрывателя в руке. Зайлер бросил взгляд на грузовики, на сваленные в кучу инструменты, на разрубленную пополам собаку. Когда он снова посмотрел на Ганса, мозаика сложилась. Картина обрела смысл. Ловушка, которую они подготовили для пингвина, взрыв в провале, погибший в пещере прапорщик... парень воровал взрывчатку. И здесь, в гараже, он заложил самый большой заряд.

— Ты что делаешь?

— Пора выбираться отсюда, — ответил Ганс.

— Нет... нет, ты не можешь! — он бросился вперед, но не успел. "Чертово бухло!"

— Мы с тобой, Борис! Выберемся отсюда! Сядем на лодку! Станем капитанами!

— Дай сюда!

— Нет! — крикнул Ганс.

Парень попытался вырвать коробку, но Зайлер повалил его на пол и придавил сверху.

— Я, ведь, нажму! Нажму!

С испугом Зайлер заметил, что парень плакал.

— Хочу быть, как Моисей, — причитал Ганс. — Мы с тобой, Борис. С тобой и

Майло. — Его большой палец лег на зеленую кнопку на коробке.

Последним, что увидел Зайлер, были два человека снаружи, в оцепенении смотревшие на происходящее. Затем его объяло пламя.

Остров. Наши дни.

1

— "Они явились во тьме" — прочитала Кейт. Она отложила дневник Доминика в сторону и посмотрела в чернеющее небо. На самом горизонте висела большая и красная луна. Казалось, она не давала свет, а, наоборот, усиливала тьму.

— Минуточку, — прервал её ЭйДжей. Он собрал с дюжину старых факелов и разместил их вокруг лагеря. Закончив, он сел рядом с ней.

— Теперь, будет лучше видно. Что там дальше?

— "Они явились во тьме". После захода солнца, после того... того, что случилось.

— После уничтожения базы.

— Да. Они пришли и захватили базу.

ЭйДжей посмотрел на ворота, на темные силуэты окружавшие их.

— Что там ещё написано?

— Этот человек был здесь пленником, вместе с семьей. Гниль была меньше, но они уже занимались её изучением. — Она замолчала, затем продолжила: — Искали способ уничтожить её.

— И та штука в баке, это оружие?

Она кивнула.

— Лучше кислоты.

— Лучше кислоты, — шепотом повторил он, глядя в сторону "Эсхила". — Она здесь уже давно. Гниль. Она здесь уже очень давно.

— О, да.

— Что они думали по этому поводу? Серьезно. Ты же читала, Кейт. Что они думали? О ней.

Она замолчала. Возможности всё обдумать у неё не было. И тут она поняла, что это не так. Она всё время об этом думала, где-то на задворках сознания.

— Думаю, они нас колонизируют.

— Кто? Гниль?

— Нет. Те, кто её послал. Слышал о глобальном потеплении?

— Конечно. Средняя температура планеты повышается. Слишком много народа, слишком сильное загрязнение.

— Нет, — возразила она. — Это общепризнанная версия, но она не верна. Температура планеты изменилась на доли градусов. За прошедшие сто лет в некоторых областях Земли даже стало холоднее. Но, кое-где стало теплее. Заметно теплее. Именно этими данными и манипулируют противоборствующие стороны. Всё дело в том, что от региона к региону они разнятся. Суть в том, что в самых важных районах становится теплее. На полюсах, в частности. Полярные льды тают.

Губы ЭйДжея скривились в улыбке.

— Мне кажется, это слишком надуманно.

— Нет! — воскликнула она. Выкрик, против её воли, прозвучал слишком истерично. — Ты же слышал Гидеона. Их основная цель — вырабатывать тепло. Они не пытаются

изменить всю планету, им этого не надо! Они меняют только там, где необходимо. Когда растают полярные льды...

— Половина суши утонет, — закончил за неё Эйджей. Он говорил тихо, успокаивающе.

— Да. А без ледников изменится климат. Изменится по всей планете, и не на доли градусов. Всё зальёт. Начнутся ураганы. Изменится влажность и атмосферное давление. А начинается всё в отдаленных районах, где не должно быть людей. — Её разум вспыхнул от воспоминаний последних месяцев, которые она провела в "Вэлли Ойл", анализируя поступающие данные. Каждый раз, когда раздавались выкрики об использовании альтернативных источников энергии, об ограничении двигателей внутреннего сгорания, когда либералы протестовали против бурения скважин в новых, необитаемых районах, её работой — и работой её руководителей — было успокаивать население. Факты изменения температуры были ей прекрасно известны. Сторонники альтернативной энергетики никогда не могли доказать, что традиционное топливо меняет климат в различных районах планеты. Всё это время Кейт задавалась вопросом: способна ли она жить, сожалея о выбранной профессии, если, может быть, когда-нибудь она ошиблась в написанных ею отчетах. И сейчас, сидя на острове, она впервые задумалась, что могла быть права. Потому что, если существовала какая-то иная сила, ответственная за глобальное повышение температуры, то худшее ещё впереди.

Главная цель создания колонии — это её заселение.

— Кейт? Такое впечатление, будто ты зависла.

— Прости... просто задумалась.

И тут он сделал то, чего она от него никак не ожидала: взял и прижал к себе. В какой-то миг она не понимала, как себя вести, а затем обняла его в ответ. Сколько прошло времени с тех пор, как она кого-то обнимала? Кейт не помнила.

Какое-то время они так и сидели, освещаемые первобытным светом факелов. Спустя какое-то время, Эйджей отпрянул от неё и сказал:

— Темно или нет, но времени мало. Пойду посмотрю, что можно сделать с лодкой. Вот, только Голландец вернется.

— Чем ты собираешься её чинить?

— Там достаточно всякого добра.

— Гниль не собирает барахло.

Он хохотнул.

— Нет, конечно.

Он встал, взял винтовку и направился к пробоине в стене. Вдруг Кейт замерла на вдохе. В дыре появилась человеческая фигура. Она сделала несколько неуверенных шагов и упала. Кейт попыталась закричать, но не смогла. "Голландец, — прошептала она одними губами. — Боже, это Голландец!"

2

В щупальце образовалась щель и Мейсон провел по ней пальцем. Затем он сунул туда руку и её обволокло теплом, будто он вернулся в утробу. "Я вылечусь, — думал он. — Вылечусь и снова стану сильным".

У него была сломана нога. Когда он спрыгнул с лодки, то приземлился неудачно и кость из раны вылезла наружу. Эйджей со своим дружком-умником сбегут, а он не сможет их догнать. Ему понадобится помощь. Помощь новых друзей. Он до сих пор держался на ногах

только потому, что его вены заполняла энергия. Теперь же, в его руках находилась целая армия.

— Командир, — сказал Кристиан. — Ты что делаешь... командир?

Остальные стояли позади и смотрели. Он не знал, чего ожидать. Мейсон хотел, чтобы щупальца раздвинулись, разошлись, как Красное море перед Моисеем. "Моисей... Красное море... Исход... Огненный телефон". Он ожидал, что пройдет через провал, прямо к воротам крепости. Ожидал, что войдет внутрь и встретит там Эйджея и его друга. Но Гниль так не действует, так не работает.

Не важно. Будет проход или нет, но он получит свою армию. В случае чего, он со своими людьми пойдет в обход.

"Со своими людьми"

Это выражение уже мало что значило. Их осталось только трое. Питер превратился в обугленную головешку, его мозги разлетелись по полу, будто конфеты. Кристиан был жив, но толку от него мало. Он сумел потушить себя в океане, но мозги сварились раньше. Он стоял голый, с груди и бедер свисали куски горелой плоти, член превратился в уголек. Даже с Гнилью, текущей по венам, он едва стоял от боли. Мелвин выглядел в порядке, но и у него были раны от обломков "Эхила".

Они все вели себя, как дураки. Испорченные дураки. Их тренировали иметь дело с предсказуемым противником по предсказуемой тактике. И эта история в гараже с Голландцем и Гидеоном была просто неудачей.

"Неудачный день"

— Командир, — не унимался Кристиан.

Мейсон подошел к нему и успокоил. Скоро они уберутся из этого места и уснут. Вместе. До конца.

Перед ним висело щупальце, мерцало, звало его. Мейсон вытащил из-за пояса нож. Оно здесь, чтобы защитить себя, так? Оно пришло, когда друзья Уитмена попытались избавиться от него, соскрести с балласта. Оно пришло, когда Джин пытался отодрать его от палубы. Оно пришло давно и забрало людей, когда взрыв чуть не уничтожил весь его вид.

Разумеется, оно явится и сейчас.

Он махнул ножом, сделав надрез длиной в собственную руку. В небо взвилось облачко коричневых спор, на ботинки Мейсона капнула черная смола. Шло время и вскоре он почувствовал. Дрожь, нетерпение. Весь остров начал дрожать и просыпаться.

3

Эйджей выбежал из складского бункера и швырнул на землю последнюю добычу: огнемёт, несколько ящиков патронов и МП-38. Пистолет-пулемет выглядел так, будто из него никогда не стреляли. Возможно, так и было. Остальное выглядело в хорошей форме, но удостовериться в этом можно будет только после испытаний. В любом случае, получался неплохой арсенал.

В соседнем бункере Кейт прочищала раны Голландца спиртным. Как и оружие, бутылка всё это время оставалась запечатанной, никто из неё не пил. Отличие состояло в том, что за это время алкоголь выдохся и в бутылке была вода. Всё равно, это лучше, чем ничего. Раны Голландца были серьезными.

Кейт промокнула рану куском хлопка.

— Как это случилось? Откуда они взялись?

— Из ниоткуда. Я их не слышал, — ответил Голландец.

Вошел ЭйДжей и сел рядом.

— Они превратились в них? — спросил он. — Потому что, только так они могли выжить.

Его друг моргнул и кивнул.

ЭйДжей проверил пистолет на поясе, затем взял, стоявшую в углу винтовку. Сигнальная ракетница, которую принес Голландец, тоже переместилась на пояс.

— Пойду, проверю лодку. Почисть оружие и проверь огнемет.

— Топлива, всё равно, нет, — ответила Кейт.

— Тогда, забудь, — он посмотрел на друга. — Даже с нашей помощью, он до лодки не доберется. Может, я смогу добраться сюда на ней. Если Голландец прав насчет судна в гараже, доберемся до неё и пересядем. Ясно?

Прежде чем она смогла что-либо ответить, ЭйДжей встал и вышел.

Оказавшись снаружи, он швырнул винтовку наземь и едва удержался от того, чтобы ударить кулаком в бетонную стену. Сломанная рука ему не нужна, особенно, когда от него зависит жизнь других людей. Вместо этого, он начал пинать землю, носками ботинок вгрызаться в дерн до тех пор, пока ступни не заныли от боли.

"Думаю, нужно разделиться"

Он же понимал, что это опасно. Верно оценивал риски. Голландец всегда мог позаботиться о себе сам, но если была вероятность чего-то неожиданного, оно случалось.

Мейсон.

Эта мразь оказалась жива и специально ждала, пока они разделятся. Может, Брубейкер и изменился, но как разделять и властвовать он помнил прекрасно. Именно из-за этого Гидеон погиб, Голландец ранен и только он мог что-то изменить. Он никогда не желал себе ничего подобного. Никогда больше он не искал пути взвалить на свои плечи ответственность за чужую жизнь. Именно поэтому он порвал с прошлыми делами. Именно поэтому он так хотел оказаться подальше от армейских товарищей. Именно поэтому он провел столько времени...

"Дрейфуя"

Так, кажется, Кейт назвала это. Тогда он отмахнулся от неё, но теперь задумался. Суть в том, что, чем бы он ни занимался последние 15 лет, получалось у него скверно. Конечно, он умел работать руками, справлялся с обязанностями охранника выработанной жилы в какой-нибудь глухомани в Андах. Но всё это было ему не по душе. ЭйДжей понимал, что явился на этот свет не за тем, чтобы заниматься ремонтом техники, сидеть в офисе или работать в охране. Он хорошо умел сражаться. Хорошо умел выживать. Может, ему и не нравилось брать на себя ответственность за других людей, но друзья рассчитывали на него, а это значит, что он вытащит их отсюда. Вот, зачем он здесь. Может, это единственная цель его жизни.

Он сплюнул на землю, поднял винтовку и пошел к берегу. Пора сваливать из этого Доджа Референс в адрес фильмов в жанре "вестерн" середины XX века, где очень часто фигурировал вымышленный город Додж-Сити, штат Канзас..

Кейт была хорошей ученицей. Раньше она никогда не держала в руках пистолет-пулемет, но с помощью Голландца, она быстро его разобрала и почистила. Она хотела что-то

для него сделать — что-то помимо регулярной очистки ран — но без хирургического вмешательства ему придется держаться только на перевязках и обеззараживающих.

Сам Голландец сдаваться не собирался. Пока она занималась чисткой оружия, он снаряжал обоймы. Закончили они, практически, одновременно. Кейт начало казаться, что она начала видеть, чем, на самом деле, была его показная легкомысленность. Это была броня. Не потому что он был чувствительной натурой, а потому, что Голландец, в своё время, повидал много всяких гадких вещей и эта легкомысленность помогала ему с этим жить. Сейчас от этой брони ничего не осталось.

Когда на его лице появилось тревожное выражение, она бросилась к нему, чтобы помочь. Но он повернулся к двери, втянул ноздрями воздух и прошептал:

— О, нет.

5

Лодка горела. Эйджей стоял на берегу и смотрел, как она пылала, как в темноту уплывали клубы черного дыма. Они были здесь. Он понял это сразу, как увидел пожар. Хуже того, он понимал, что точно так же они могли поступить с судном в гараже. Нравилось ему это или нет, но с этим фактом приходилось считаться. Выбора больше не было, как и выхода.

Стояла слишком подозрительная тишина. Ему показалось какое-то движение у кромки моря и он инстинктивно потянулся к ракетнице. Сунув заряд в ствол, он взгляделся в пляж.

— Похуй, — тихо сказал он и выстрелил.

В свете сигнальной ракеты, в 30 футах от него проявился силуэт. Не животного и не бойца "Блэк Шэдоу". Он увидел целую армию Гнили, рой черный фигур, одновременно выходил из моря, будто ими командовал какой-то невидимый генерал. Впереди всех шел не Мейсон, а какой-то другой, обгорелый человек, которого Эйджей не узнал. Его кожа была обуглена, живот разрезан, будто из него вытащили ребенка. Существо открыло рот и зашипело.

В этот миг они все побежали, падая, шипя и плюясь.

6

Под натиском наступающих тел он пятился назад. В конце концов, он оказался на скале, около пролома в стене. До него доносились их шаги, всплески воды. Он подумал о Кейт, о Голландце, о том, что мог для них сделать, чтобы защитить. Но, что он мог сделать с наступающими тварями? Не снижая темпа, он начал выкрикивать их имена. Затем Эйджей остановился, развернулся и выстрелил в приближавшуюся толпу, но без толку. Они даже не подумали замедлить темп подъема по пляжу.

Резко выдохнув, он упал на колени и просунулся в дыру. С другой стороны стояла Кейт, неумело держа в руках пистолет-пулемет.

— Умешь из него стрелять?

Она кивнула.

Из бункера заключенных вылез Голландец с карабином в руках. Эйджей заметил, что к винтовке был прицеплен немецкий оптический прицел. И, прежде чем он успел спросить приятеля, что он задумал, Голландец вскинул винтовку, прицелился и выстрелил. Первая тварь, пробравшаяся в дыру, упала к ногам Эйджея. Но через упавшее тело уже выползали другие.

— Кейт! — завопил он.

Она нажала на спуск, но раздался только щелчок.

— Дерни затвор! — крикнул Эйджей. — Дергай!

Она потянула на себя рукоятку, руки её так тряслись, что ей с трудом удалось за неё ухватиться. Эйджей выстрелил и попал одной твари в плечо. Из-за стены вылезла ещё одна и бросилась к нему. Он снова закричал, но его голос потонул в оружейном грохоте. МП-38 ожил, оттолкнув державшую его женщину назад и проредив наступавших тварей. Они падали, словно, скот, истекая черной кровью. Несколько продолжали ползти на животе, цепляясь за землю костлявыми пальцами. Эйджей перезарядил винтовку и выстрелил ближайшему в голову, затем ещё одному, и ещё. Убедившись, что убитые твари больше не поднимутся, он подошел к Кейт и взял её за руку.

— Ты в порядке?

Она кивнула, но глаза были влажными. Левой рукой она коснулась дула, будто, всё ещё не верила в то, что сделала. Пальцы коснулись ствола и она тут же их одернула.

— Раньше я по людям никогда не стреляла.

— И сейчас не стреляла. Это не люди. Перезарядись. И без паники, ясно? Думай.

— Не знаю, смогу ли...

— Перезарядись!

Когда она закончила с этим, на её лице появилось странное выражение. Она посмотрела по сторонам, выронила оружие и побежала на другой конец базы. Голландец бросил на Эйджея короткий взгляд и, когда оба поняли, что она задумали, то едва удержались от крика.

У стен немцы поставили 105мм гаубицы. Подразумевалось, что они будут обеспечивать защиту от вторжения с моря, если бы кому-то пришла в голову такая идея. Эйджей подумал, как же они, наверное, удивились, когда Гниль оказалась внутри базы.

— Помогите! — крикнула Кейт. Она наклонилась и попыталась поднять одну из сошек. Пушки эти могли перемещаться на колесном ходу, при условии наличия четырех крепких мужиков... или грузовика. Эйджей посмотрел на неё и она сощурилась.

— Ты сказал думать, вот, я и думаю! Нужно заткнуть дыру, или они нас раздавят. Помогай, давай!

Эйджей поднял одну сошку, но гаубица не сдвинулась. Будто, он пытался сдвинуть гору. Затем, подошел Голландец. Он поднял вторую сошку и дюйм за дюймом орудие начало двигаться. Поначалу всё было очень медленно, затем скорость увеличилась. Втроем они тащились к дыре, напрягая спины и ноги. Эйджей подумал, что, наверное, именно такой прилив адреналина испытывают женщины, когда переворачивают машины с застрявшими в них детьми.

Когда они подтащили орудие к дыре в стене, оттуда появился голый человек, бывший когда-то Кристианом. Тварь издала жуткий, какой-то костлявый крик.

— Тащим! — выпалил Эйджей. — Не останавливаться!

Они направили ствол орудия на тварь и повалили её на спину, закатив махину прямо на неё. Одно колесо с хрустом наехало ей на промежность, тварь зашипела, обнажив черный язык.

Эйджей пошел в сторону проема с винтовкой наизготовку, намереваясь покончить с ней. И тут понял, что его тревожило. Мейсон, понимая, что его боец бесполезен, нагрузил его связкой гранат.

— Назад! — завопил он. — Назад!

Секунду спустя раздался взрыв. Ноги Эйджея оторвались от земли, тело крутанулось в воздухе и упало в грязь. Он поднял голову и увидел друзей, сидевших у бункера. Однако стены рядом оказались разрушены, а сам Кристиан превратился в мокрое пятно.

Эйджей поднялся и прокашлялся. Пролом в стене оказался завален, металлическая арматура оплавилась, а колючая проволока спуталась. Завал мог помешать им выбраться, но, вряд ли, был способен удержать Гниль от проникновения внутрь.

— Мы в ловушке, — сказал Эйджей. — Мейсон пожертвовал лучшим бойцом, чтобы запереть нас здесь.

Он уронил руки на колени и попытался восстановить дыхание. В нем закипал гнев, разум сковывало отчаяние, с которым он отчаянно боролся. Он посмотрел на Кейт и увидел на её лице то самое странное выражение. Она смотрела на центральные ворота, опутанные черными щупальцами. Судя по всему, она что-то подсчитывала. Прежде чем он смог спросить, что у неё на уме, по острову разлетелся душераздирающий крик. Как будто, тысячи нечеловеческих глоток приветствовали скорую победу.

Глава 22: Надежда и ужас

Остров. Февраль 1939 года

1

Услышав крик, Харальд замер. Прогремел взрыв, а за ним... раздался чудовищный рёв, непохожий ни на что, слышанное ранее.

— Отпусти! — крикнула Люсия.

— Заткнись.

Он взглянул на зияющую бездну провала. Взрыв прогремел за его спиной, но крик — ужасный пронзительный вопль — доносился из кратера. Он вспомнил, как Рихтер приказал опустить пленника в эту тьму, а потом вытащил только пустую веревку. Провал принял эту жертву, но какими бы ни были боги на дне, сейчас они были недовольны.

Он подошел к краю и заметил какое-то движение. Снизу поднималось какое-то существо, лишь отдаленно похожее на человека, будто кто-то сделал набросок человеческой фигуры карандашом на бумаге. Харальд наблюдал, как существо ползло на поверхность, впиваясь когтями в стены кратера. Когда и Люсия увидела это, то прекратила бороться и замерла с открытым ртом.

Харальд выстрелил твари в голову, никакого эффекта и он выстрелил снова. Он опустошил целую обойму, прежде чем она сорвалась вниз и улетела во тьму.

После этого девушка снова начала брыкаться.

— Отпусти! Мразь!

Стараясь не обращать на неё внимание, он извлек пустую обойму и полез в карман шинели в поисках новой. Люсия продолжала сопротивляться и найти обойму у него никак не получалось. Может, выпала.

Неужели он когда-то считал её милой? Сейчас она выглядела, как сумасшедшая.

Харальд ударил её пистолетом по затылку, она перестала сопротивляться, в глазах появилось какое-то пустое выражение. Когда взгляд её прояснился, она снова вцепилась в него. Люсия ухватила за ту руку, которая держала её за волосы, но сил её истощенного организма не хватало и крепкий Харальд не испытывал, практически, никаких неудобств.

— Прекрати.

— Пусти!

— Для начала, перестань вести себя, как дурра. Ты моя, ясно? И останешься со мной.

— Пусти!

Ему хотелось назвать её Иудой, древним предателем, но он не стал. Вместо этого он просто сказал:

— Нет.

Она начала плакать. Из глаз, похожих на глаза побитой дворняги, потекли большие блестящие слёзы.

Харальд ткнул стволом пистолета ей в подбородок.

— Я сказал, прекрати. — Он рассчитывал увидеть в её лице стыд, какое-то подобие сожаления, но увидел только ярость.

— Помогите! — закричала она, глядя вверх. — Я здесь, внизу! Помогите!

Он посмотрел туда же и увидел мотоцикл. Где-то рядом был водитель.

— Эй, там! — крикнул Харальд. — У нас тут беглый заключенный! — Не получив ответа, он пихнул девушку перед собой.

Он начал подниматься вверх, но по пути угодил в канаву и потерял равновесие. Люсия попыталась вырваться, но вместо этого упала сама и повалила его на себя. Лейтенант попытался её поднять, но от удара головой о скалу она была немного не в себе. Это, что, какой-то трюк? Он бы и не подумал, что она способна на такие поступки, но Рихтер многому его научил. Если бы он не был так одинок, если бы не страдал от расставания с Мике, то, скорее всего, заметил бы перемены в её поведении.

Девушка попыталась укусить Харальда за руку, но силы её иссякли и его рука опустилась ей на грудь. Неужели именно это ей и нужно? Она слишком долго находилась далеко от дома, слишком долго была без общества одноклассников, которых можно было бы соблазнить своими похотливыми формами.

— Тебе этого нужно? — спросил он, глядя её сосок. — Этого?

Она вскрикнула, по щеке покатились очередная фальшивая слеза.

Он сжал сосок сильнее и она снова закричала. Было холодно, но её дыхание обжигало. Между ног у неё тоже было жарко. Он чувствовал этот жар даже сквозь кожаные перчатки.

Как эта похотливая дворняга могла так на него повлиять? Его член напрягся и уперся в штаны. Напряжение было таким сильным, что вызвало боль. Все другие чувства отошли на второй план, даже страх перед провалом.

Лейтенант снова ударил девушку и почувствовал головокружение.

— Не надо, — прошептала она.

Возле мотоцикла что-то щелкнуло и этот звук вернул его в реальность. Он оттолкнул девушку и поднялся в поисках шинели с запасной обоймой. Найти обойму ему удалось, он вздохнул и вставил её в пистолет. Когда он обернулся, Люсия лежа задрала ногу и со всей силы ударила его прямо в пах.

— Это за маму, сучара! — выкрикнула она. — За всё, что ты сделал со мной! Понял?

Удар был очень сильным, он даже не попытался увернуться. Пистолет вылетел из ладони и упал в пыль рядом с ней.

Сверху спускался другой человек, высокий и какой-то неряшливый. Даже во тьме был виден зажатый в его руке "Люгер".

— Хватит, — сказал этот человек. — Отойди от неё.

Харальд всмотрелся во тьму. Воздух вокруг был наполнен шипением, издаваемым выползавшими из провала тварями.

— Она моя, — ответил лейтенант. — Ты кто такой?

— Одиссей, — сказал неизвестный и выстрелил Харальду в ногу чуть выше колена.

Кровь потекла по бедру, он упал, забыв обо всём, кроме боли.

— Прощайте, лейтенант.

Человек протянул девушке руку и та ухватилась за неё. Вместе они побежали вверх, к мотоциклу.

Когда они оказались на самой вершине, Харальд попытался подняться на ноги, но не смог.

— Нет! — крикнул он. — Не смей меня бросать! Вернись! Вернись, тварь тупоголовая!

Шум приближавшейся армии тварей стал ближе. Появилось ещё больше существ, похожих на то, что пристрелил Харальд. Намного больше. Низко припадая к земле, они крались к лейтенанту.

— Вернись, мать твою!

Что-то ухватило его за здоровую ногу и потащило. Харальд дернулся и начал шарить руками в пыли в поисках пистолета. Тварь потащила резвее.

"Нет, — подумал он. — Я заслужил лучшего!"

Из глотки донесся какой-то булькающий звук. Твари тащили его на глубину, во тьму, а он не переставал кричать.

2

Лайнус Метцгер стоял на посту, когда взрыв разнес гараж и повалил вышку, на которой он стоял. У него было достаточно времени, чтобы подумать, а не снится ли ему всё это, когда вышка рухнула и он взлетел в воздух. Он ударился о стену (или это был потолок?) и услышал щелчок. Ему этот звук показался таким же громким, как взрыв.

Он вырубился, но перед этим услышал где-то в горах выстрел. Придя в себя, он сел и попытался оценить обстановку. Вышка не была разрушена, она была просто опрокинута. Лайнус выбрался из вышки с ощущением, будто весь мир вокруг него перевернулся. Его рука была изогнута под каким-то причудливым углом, но боли он не чувствовал. Его беспокоил, скорее, звон в ушах.

Он вышел за территорию и перед его глазами предстал мрачный пейзаж, мир за стенами базы куда-то исчез. Затем он увидел впереди свет фонаря. Должно быть, это Айхман возвращался из патруля. Но, что-то было не так. Он двигался слишком быстро... и его что-то преследовало.

Когда он разглядел, что преследователей было больше одного, всё его тело покрылось мурашками. Тени, мелькавшие за фонарем, были ужасны. Их было так много, что он мгновенно сбился со счета. И, каким-то образом, не зная о Гнили, не видя тела капитана Шмита, он сразу понял, что это и откуда.

Это проклятые. Имя им — легион.

Здоровой рукой он сжал крестик на груди и приготовился к встрече со злом.

3

Ари вытащил из волос осколок и поднялся. Кто-то кричал, но он не мог понять, кто. Первой его мыслью было — это промыть глаза. Второй — что он выронил пистолет Рихтера.

Потолок рухнул, из бетонных обломков торчали деревянные перекрытия. Из образовавшейся дыры можно было разглядеть небо, но поднявшаяся пыль застилала обзор. В воздухе висел странный острый запах и Ари понял, что ситуация из плохой, стала ужасной. Один из чанов с формальдегидом остался стоять на месте, а другой упал на пол. Он не разбился, но, когда Ари подошел ближе, то услышал шипение, что означало, что произошла утечка.

Когда пыль немного осела, он разглядел лежавшего на полу Фреке. Ари взял его за руку.

— Томас? Томас, поднимайтесь.

— А? — тот пришел в себя. — Что случилось?

— Взрыв какой-то.

— Взрыв? — он огляделся. — А где Рихтер?

В спешке Ари как-то даже не подумал о нем. Когда он взглянул туда, где должен был стоять стул, его охватила паника. Фреке взял его за рукав и указал на груды поломанных перекрытий. Командер лежал под завалом из бетона и дерева, придавленный в районе

живота. От веса обломков стул сломался и веревки разбросало по комнате.

— С ним всё, — удовлетворенно произнес Фреке. — Слава богу.

— Нужно найти Доминика. Когда рвануло, он был снаружи.

— Он был там? Нет, он труп! Нужно выбирать!

— Мы не бросим Доминика! И Люсию! Мы их найдем. Найдем их, понятно?

Фреке посмотрел на него, как на сумасшедшего, но Ари было плевать. Доминик и Люсия стали его семьей. Он часто думал об этом последние месяцы. Жена ушла, детей не было, не было смысла продолжать жить день за днем. Они стали его семьей, а он стал для них дядей Ари. У него появилась цель.

— Мы их найдем.

— Там, где эти твари? Их стало больше, таких как Шмит.

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

— Не знаю, потому что сижу здесь, с тобой, если ты не заметил! И собираюсь подняться наверх. Ты со мной?

Фреке задумался.

— Нужно оружие.

Ари ощутил прилив гнева на самого себя.

— Я его выронил.

— Я видел! Он под перекрытиями!

"Вальтер" Рихтера валялся в углу, среди обломков. Ари видел его в завесах пыли. Он снова кашлянул, запах формальдегида стал сильнее.

— Черт с ним. Если останемся тут, нас вырубят.

— Я его не брошу!

Фреке упал на живот и начал рыться в обломках. Ари присоединился к нему. Мысль о том, что Фреке может завладеть оружием ему не понравилась.

Когда швед проползал мимо Рихтера, тот очнулся.

Он пришел в себя, закричал и вытянул вперед руки. Он был придавлен, но, всё же, сумел сесть, как ни в чём не бывало.

Он ухватил Фреке за ноги.

— Куда собрался?

Тот закричал и начал брыкаться.

Свободной рукой Рихтер нащупал осколок стекла и ударил шведа по спине. Тот закричал, однако, не переставая тянуться к пистолету.

— Может, ты и белый, — говорил Рихтер, — но ты всегда был на стороне всяких полукровок, да? — Ещё удар. — Не нужно было, — удар, — оставлять, — удар, — тебя, — удар, — в живых!

Томас продолжал бороться, но ноги уже не слушались, спина покрылась красным. Рихтер выронил стекло и вцепился во Фреке зубами. Он кусал его за шею и голову, рвал его и царапал.

Увиденное вывело Ари из оцепенения. Он шагнул вперед и столкнулся со спускавшимся сверху человеком.

оказалась ещё ужаснее. Рихтер оставался человеком. Но будучи человеком, он превратился в чудовище.

Рихтер оторвался от тела и отшвырнул его в сторону, будто куклу. Когда он взглянул вверх, Ари замер.

— Желание стать героем ещё никогда не было таким сильным, да? — не сводя с него глаз, Рихтер потянулся за пистолетом, который лежал чуть дальше вытянутой руки. — Теперь, ты понимаешь.

— Что ты делаешь? — прошептал Ари.

— Беги, пока можешь.

— Я... не...

Рихтер снова дернулся в сторону. Доминик не понимал, как у него это получалось. Скорее всего, там внизу всё превратилось в кашу.

— После более, чем полувека жизни на этой планете, ты должен, наконец, понять, что никакой ты не герой.

— Я знаю, кто я, — ответил Ари, стоя на месте. Ему хотелось подбежать к Рихтеру, пнуть его в лицо, размазать, раздавить, но он не мог. Его талия была расплющена, а Доминик стоял без движения. Он огляделся в поисках хоть какого-нибудь оружия. Его взгляд упал на металлическую полку в углу. Почти все колбы, стоявшие на ней, попадали, но одна устояла.

Доминик бросился к ней и одним движением схватил её в руку. Рихтер уставился на него почерневшими от ненависти глазами, но поделаться ничего не мог. Доминик швырнул колбу о пол и она разбилась. Вылившийся из неё формальдегид залил глаза и рот Рихтера. Жидкость начала испаряться, превращая голову командера в уродливую массу.

Затем Доминик услышал то, чего никогда не надеялся уже услышать — вопль Рихтера. Его грудная клетка лопнула, изо рта потекла пена, крик захлебнулся.

Мгновение спустя, Ари схватил его за руку.

— Спасибо тебе, Доминик! Огромное спасибо! — он замолчал. — Что с Этторе?

Доминик покачал головой.

— Значит, остались только мы. Нужно идти, Дом!

Доминик позволил вывести себя наружу, желая, как можно скорее, оказаться подальше от того, во что превратился Рихтер. Когда они прошли мимо уцелевшего контейнера, он остановился.

— Погоди.

Рукоятка контейнера замерла в вертикальном положении. Одно движение и формальдегид пройдет по трубкам и вырвется наружу. Именно таким был их план: выпустить газ, который передошлет всех солдат, а самим сбежать.

— Я... не могу. Не могу и всё, Ари... — его голос сорвался. — Не могу взять грех на душу.

Ари обнял друга — странный и очень необычный жест в сложившихся обстоятельствах. Доминик посмотрел на него и увидел блестящие от влаги глаза.

— Хватит, — сказал он. — Мне надоело быть их игрушкой, Доминик. Мне плевать, что их ждет то же, что и Рихтера. Плевать.

Доминик отрицательно покачал головой.

— Ты же понимаешь, что они сделали бы то же самое с нами. А если это шанс предотвратить участь тех, кто окажется тут после нас?

— Не знаю, Ари.

— А я знаю. И не упущу этот шанс. Вы с Люсией можете уйти отсюда. Я тоже смогу если получится, но подвергать вас риску не стану. Если не хочешь, чтобы я делал это ради тебя, то позволь сделать это ради неё. Её жизнь ценнее жизни Рихтера. Ценнее тысячи жизней, таких, как он. А теперь, отойди, дай мне открыть контейнер.

Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза.

Наконец, Доминик кивнул.

— Вместе, — сказал он. — Работать будем вместе.

Он снял предохраняющую скобу и вместе они взялись за рычаг. Доминик снова посмотрел другу в глаза и понял, что время пришло. Одним движением они опустили рычаг, обрекая десятки людей, которых считали виновными в своих мучениях на смерть.

Но ничего не произошло.

5

Они вывалились из бункера во двор, забыв о плане. Фреке погиб. Этторе погиб. Люсия пропала, а контейнеры сломались именно в самый важный момент.

Снаружи беспорядочно бегали солдаты. Те, кто помоложе, искали оружие, те, кто постарше — командиров. Все, при этом, выглядели потерянными. Они мелькали в дыму взрыва, будто не знали, куда попали.

— Куда собрались? — послышался окрик.

Доминик повернулся и увидел доктора Глэкнера. Не обращая на него внимания, они продолжали идти, крича:

— Люсия! Где ты?

Доктор их догнал.

— Можно я с вами? Если вы решили сбежать, возьмите меня с собой.

Доминик оттолкнул его.

— Отвали!

Доктор отшатнулся в сторону, в его глазах читалась растерянность и страх.

— Вы... не бросайте меня здесь.

— Не приближайся!

Глэкнер побежал к солдату и пристал к нему с теми же мольбами.

Что-то здесь было не так. Помимо взрыва. Никто их не задерживал. Никто даже не обратил на них внимания.

Когда они вышли за ворота, тревога Доминика возросла. У стены стояли два солдата и смотрели вдаль.

— Боже мой, — сказал один из них.

В полукилометре Доминик разглядел перевернутый мотоцикл, его фара всё ещё горела. На нем сидели двое, но сейчас они оказались придавлены корпусом. Он решил, что эти люди мертвы, пока один из них не начал вставать. Увидев развевающиеся на ветру светлые волосы, у него встал ком в горле.

— Люсия! — крикнул он.

Он побежал, но тут же остановился, потому что разглядел, что выползло из-за холмов. Прямо из провала лезла орда мерзких тварей и двигалась к базе. Люди, птицы и звери, превращенные в нечто мрачно-сюрреалистичное. Они карабкались по скалам, перебирались друг через друга и неумолимо приближались. Их вопли и крики, словно, гром неслись перед

ними.

Ари исчез вместе с солдатами и Доминик остался один.

— Нужно забрать её.

И он побежал навстречу тварям. Навстречу Люсии.

6

Люсия скинула с себя шлем, перед глазами всё качалось, будто её сунули в чан с водой.

— Что это было? — она не знала, цел ли Ян и жив ли, вообще, но, когда он не ответил, она повторила вопрос: — Что это было?

Ян медленно поднялся.

— Налетели на что-то.

— Ты видел, на что?

Вместо ответа Ян кивнул в сторону какой-то тени, лежавшей на земле. Она растянулась под люлькой и была похожа на тех, что утащили Харальда. Отец рассказывал о них, но она не верила. Да и как она могла, не видя их собственными глазами?

Люлька от удара отлетела в сторону, крепление погнулось, а колесо оторвалось. Ничего хорошего это не предвещало, если они планировали снова сесть на мотоцикл.

Она схватила Яна за руку. Она не понимала, зачем, просто так ей казалось безопаснее. Она смотрела на тварь под люлькой и ей очень хотелось оказаться где-нибудь подальше. Он напрягся в её объятиях, но не из-за неё, а из-за того, что видел у провала.

Из него лезли черные твари и ползли в сторону базы. Ян задвинул её себе за спину и вытащил пистолет. В какой-то момент, ей казалось, что она чувствует в нём тепло, но вскоре она поняла, что это не так. Ян был оружием. Когда она снова его обняла то испытала то же чувство покоя, какое испытываешь, обнимая большую вышколенную сторожевую собаку.

Две твари отделились от основной стаи и направились к ним. Ян прицелился и выстрелил. Чтобы убить обеих, он истратил всю обойму.

Люсия побежала к мотоциклу. На первый взгляд, казалось, он очень сильно поврежден, но при более внимательном осмотре стало ясно, что это не так.

Она сунула руки под сиденье и коснулась двигателя. Ладони мгновенно обожгло.

— Ааа! — выкрикнула она.

Ян обернулся, но ничего не сказал. Он выщелкнул пустую обойму и вставил новую. К ним приближались другие твари.

Люсия снова сунула руки под мотоцикл, стараясь, на этот раз, не касаться металла и попробовала поднять его. Не вышло. Казалось, он весил тонну. Рядом снова начал стрелять Ян. Когда и эта обойма опустела, он обернулся.

— Если решила поднять мотоцикл, поторопись. Патронов у меня почти не осталось.

И вдруг, позади них раздался крик:

— Люсия! Люсия!

Она посмотрела на бежавшего к ним отца и её охватил приступ дежавю. Она уже видела это, когда Ганс забирал у неё сестру.

Он схватил её и обнял.

— Я люблю тебя! Люблю! Люблю! — лицо отца было всё в пыли, но он не переставал осыпать её поцелуями. — Прости! Нельзя было оставлять тебя одну!

— Я в порядке, папа. Помоги мне, лучше. Папа!

Она склонилась, он тоже и вместе они сунули руки под мотоцикл. От натуги его лицо

стало фиолетовым. Он никогда не был силачом, но сейчас у него получилось.

— Ну, вот! — сказал он и рассмеялся.

Они поставили мотоцикл на колеса. Неизвестно, был ли он на ходу, но топливо не вытекало и колеса не выглядели погнутыми.

"У нас всё будет хорошо, — подумала она. — Всё у нас будет хорошо. У всех!"

— Отойдите от мотоцикла.

Она обернулась и увидела, что Ян не был тем сказочным спасителем, каким казался ей вначале. Он целился в отца.

— Ты что творишь? — крикнула она. — Ян, что ты делаешь?

В его глазах светилась решимость.

— На него поместятся только двое.

— Что?

— Мы не поедem на базу. Там делать нечего. Я могу доехать до берега, если срежу через холмы, но поместятся на нем только двое.

— Уместимся втроем. Я не тяжелая и если...

— Нет, — отрезал Ян.

Она посмотрела на него, затем на отца. Всю прошедшую неделю он был, словно, одержим. Строил планы, обрел волю крепче любого камня. Когда у неё или Ари опускались руки, своим примером он их вдохновлял. Но взглянув на него сейчас, она поняла, что всё это куда-то делось.

— Ты умеешь водить? — спросил Ян.

Доминик отрицательно помотал головой.

Ян опустил пистолет.

— Значит, решено.

Люсия подумала, что отец сейчас набросится на него. Опрокинет на землю и заберет оружие. Или швырнет ему в лицо какой-нибудь волшебный ослепляющий порошок. А она ему поможет. Она всегда будет рядом с ним, даже, если придется сделать крюк и захватить Ари. Потому что, несмотря на всю благодарность к Яну, если бы пришлось выбирать... выбор был бы очевиден.

Время шло и стало понятно, что отец ничего делать не станет. Он шагнул назад, оставив Люсию держать мотоцикл в одиночку. Это было совсем не тяжело, но означало, что она не могла отойти.

Ян перекинул ногу через сиденье. Только в этот момент она осознала весь ужас происходящего.

— Нет! Нет! Нет! Ты не можешь!

— Я люблю тебя, — сказал ей отец. — А тебе нужно уходить.

— Только с тобой!

Доминик подошел к ней и коснулся ладонями её лица.

— Он прав, водить я не умею. А значит, в этот раз, тебя спасу не я. Я опоздал, Люсия. Я всегда опаздываю.

— Значит, я не поеду.

— Нет, поедешь.

Он посмотрел на Яна, тот схватил её за шиворот и усадил на мотоцикл позади себя. При этом она, почему-то, не оказывала никакого сопротивления. Она сидела, будто парализованная.

— Всё у меня будет хорошо, — сказал Доминик. — Езжайте!

Она так много хотела сказать, объяснить, что всё должно было быть не так. Хотела сказать, как сильно его любит. Сказать, как ей жаль, что злилась на него, сомневалась, винила в том, что случилось с мамой. Хотела сказать, что то, что произошло с Софией — не его вина. Но когда она открыла рот, то сказать ничего не смогла.

Из тени появилась очередная тварь и направилась к ним.

Ян вытащил из-за пояса нож и передал Доминику. Он взял его, затем снял очки и убрал их в карман. Без них он выглядел моложе.

Под Яном ожил двигатель. Люсия поняла, что это случилось очень вовремя, потому что тварь была уже очень близко.

— Увидимся, — сказал отец, поцеловал два пальца и поднял их вверх.

Она подняла, было, руку, чтобы коснуться его, но Ян дал газу и она тут же ухватилась за его талию, чтобы не упасть. Они, сломя голову, понеслись по долине.

Ян свернул влево и проехал мимо стаи тварей, сидевших на коленях в грязи. Затем повернул вправо, объезжая скопище чудовищ. Оказавшись на открытом месте, Ян срезал путь по диагонали, оставляя позади провал и направляясь к холмам, как и обещал.

Только тогда Люсия нашла в себе смелость обернуться. Прошло совсем немного времени, но она не знала, что может увидеть, поэтому предполагала худшее. Когда она обернулась, то испытала одновременно и надежду и ужас. Отца нигде не было.

Глава 24: Осада

Остров. Наши дни.

1

Последний карабин защелкнулся у талии. Держался он достаточно крепко, но Кейт понимала, что подобное оружие проектировалось совсем не под её формы.

— Фунтов 80, где-то. Стоять сможешь?

Она кивнула.

— Пройдись, — ЭйДжей убрал руки и она чуть не упала. Он улыбнулся.

Кейт сделала пару шагов и снова кивнула. Вопрос состоял в том, сможет ли она бежать и ответ был очевиден — нет. Кейт вспомнила, что как-то раз попробовала бежать с пятифунтовыми браслетами на щиколотках и тогда было больно. С другой стороны, пути назад не было. За спиной в баке плескались химикаты, из поливочного шланга неприятно пахло формальдегидом. Изобретение Доминика не спасло его тогда, может, оно спасет их сейчас. Как будто, так и было задумано.

Позади раздался выстрел, Кейт обернулась и увидела Голландца с К98 в руках, его грудь была опоясана лентами с патронами. Он был белым, как привидение, свежая армейская рубашка, которую он надел, уже пропиталась кровью. ЭйДжей подошел к нему. Голландец больше не улыбался.

— Ты как?

— Идите, — сказал он. — Я прикрою.

Ещё 10 минут назад он выглядел нормально, но сейчас Кейт не нравился его голос.

— Мы вернемся, — ЭйДжей обнял друга.

Голландец кашлянул и оттолкнул его от раны.

— Ты больше вредишь, чем помогаешь.

— Прости, старик. Прости, что втянул в этот блудняк.

— У тебя бы не получилось меня удержать, даже зарезав.

Кейт хотелось расплакаться. Она подошла к нему чтобы поцеловать в щеку, но чуть не упала под весом груза за спиной. Они подхватили её и она рассмеялась.

Кейт вытерла глаза и коснулась ладонью щеки Голландца.

— Увидимся.

— Я всё жду, когда мне заплатят. Валите уже отсюда, пока не угробили меня своими нежностями. — Он развернулся и начал подниматься по лестнице на уцелевшую сторожевую башню. — Я справлюсь, блин.

ЭйДжей поддержал его за руку, помогая подняться. Затем наклонился, поднял пару своих винтовок, закинул их за плечи, а в руки взял МП-38.

— Увидимся на передовой.

После того, как одна гаубица увязла в грязи, они выкатили вторую и развернули её в сторону ворот. Кейт задумалась, чего это усилие стоило раненому Голландцу, но выбора у них не было — нужна была вся наличная огневая мощь. Сейчас она стояла, словно страж, напротив центральных ворот. Кейт встала рядом со стволом и посмотрела вверх, туда, где причудливо переплетались черные стволы щупалец. Если подобное творится на всём их пути, они никогда не дойдут, но она об этом не думала. Пространство ниже по склону

выглядело свободным и, если они смогут прорваться сквозь эти заросли, то дальше будет легче. Причал был всего в миле отсюда, может, меньше. По пляжу пройти не получится, но по прямой, через остров, казалось разумной идеей.

Кейт преследовал запах её собственного пота. Он пропитал одежду, руки стали влажными. Она попыталась припомнить пробежки в жаркие дни по Вашингтону и не смогла вспомнить, чтобы ей было так неприятно.

— Погнали! — сказал ЭйДжей.

Её пальцы коснулись переключателя, из шланга брызнула струя жидкости. Щупальца издавали скрипящий звук, зашипели, но разлагаться отказывались. Ничего не происходило, под воздействием жидкости изменился только их цвет.

Кейт замерев, уставилась вперед. В дневнике было написано не так! Эффект должен был быть более действенным, смесь должна убить Гниль.

"Она её убивает" — подумала Кейт. Она заметила, что щупальца начали сморщиваться, обвисать. Впрочем, они не растворялись, а это проблема.

— Что ты делаешь? — выкрикнул ЭйДжей.

Она не знала, что ответить. Она оказалась не готова к тому, что её план не сработает. Все её планы всегда срабатывали, с самого детства. Впрочем, наверное, все её планы этим и были — детскими играми. Ей ещё никогда не приходилось планировать ничего подобного. А теперь, из-за собственной глупости, она всех обрекла на смерть.

С вышки раздался выстрел и привлек их внимание. Кейт повернула голову и поймала блик с прицела винтовки Голландца. Он стрелял куда-то за стену.

Со стороны холмов ветер донес очередной крик. В этот раз он был ближе. Кейт, внезапно, вспомнились первые дебаты отца в сенате и слово, которое использовал в споре его оппонент. "Множественный". Будто тысяча голосов объединились в один.

— Поджигай! — крикнул ЭйДжей. — Поджигай!

Кейт посмотрела на руки. Решение было настолько очевидным, что сначала она совсем не обратила на него внимания. Неужели, она, действительно, решила, что сможет справиться 80-фунтовым водометом? Нет, она слишком буквально поняла написанное в дневнике. Тварь перед ними была воплощением зла, а со злом всегда, с ветхозаветных времен и до наших дней, поступали одинаково.

Его сжигали.

2

Из шланга брызнула струя желто-зеленого пламени, как только Кейт включила воспламенитель. ЭйДжей видел, как щупальца сгорали, расплавленными кусками падая на землю.

Он отошел за пушку, убедился, что она заряжена и заорал:

— Ложись!

Кейт шагнула в сторону и он дернул рычаг.

Гаубица громыхнула так, что он решил, будто у него лопнули перепонки. Снаряд попал прямо в центр, расшвыривая обугленные куски Гнили по сторонам. С неба посыпались куски земли. В сторону отлетела пустая снарядная гильза.

Краем глаза он уловил движение у разрушенной стены, через которую перебирались человекоподобные существа. Те, что шли первыми, зацепились за колючую проволоку, но через них уже лезли остальные. Они упорно лезли, карабкались и сваливались со стены на

территорию базы. Он насчитал четверых, затем их стало шестеро. Ещё столько же застряли в проволоке, они рвали себя на части, чтобы вырваться на свободу.

Они почти подобрались к нему вплотную, когда Эйджей срезал нескольких очередью из МП-38. Со стены упал ещё один и бросился на него. Пуля Голландца попала твари под подбородок, её голова отлетела в сторону.

Эйджей бросил пистолет-пулемет на землю и вскинул К98. Он выпустил всю обойму и ещё две твари остались лежать на стене.

У ворот Кейт выпустила очередную порцию пламени и в этот момент, из огня вышел человек. Его голова была объята огнем, при каждом его приближении становился лучше виден оголенный череп. Эйджей откинул одну винтовку и взял другую. Он почти ничего не видел, страх и ужас, заполнившие его вены, затмевали зрение, делая его туннельным. Он прицелился и тут же выстрелил Голландец, его пуля разнесла появившемуся монстру череп.

Эйджей принялся крутиться на месте в поисках возможной угрозы, но никого не было. Он поднял МП-38 и потратил несколько драгоценных секунд на перезарядку. Времени на зарядку второго карабина не оставалось, он закинул за плечо уже заряженный и двинулся к воротам. Впереди бежала Кейт, но он легко догнал её и перегнал, шагая среди куч горелого грибка.

— Стой рядом!

Их окутала тьма, свет факелов стал почти не виден. Над головой, будто сквозь секвойи, из-за зарослей щупалец проглядывала луна.

У него осталось всего две сигнальные ракеты и он использовал одну. Он снял с пояса ракетницу, зарядил её и выстрелил вверх. Шедшая позади Кейт, чуть не врезалась в него.

— Почему стоим? — спросила она, а затем увидела, почему.

Перед ними зиял провал кратера. Ещё пара шагов и они свалились бы вниз.

— Назад, — тихо сказал Эйджей. — Медленно.

Она подчинилась. Вскоре они нашли обходную тропу, которая тоже заросла щупальцами. Кейт снова включила огнемет, её потное лицо блестело в отсветах пламени. Она буквально прожигала в зарослях дорогу к свободе. Эйджей заметил, как из щупальца выпали две горящие твари. Он ждал, что полезут остальные, привлеченные болью и воплями своих собратьев.

Кейт обернулась.

— Эйджей, сзади!

Они явились не из щупалец. Они вылезли из провала. Дюжина уродливых созданий, словно какие-то жуки, выползала на поверхность и направлялась в их сторону. Он вскинул МП-38 и нажал на спусковой крючок, но услышал только сухой щелчок.

Заклинило!

Он рухнул на землю раньше, чем понял, что случилось. Но это была не Гниль. Мимо него прошла Кейт, держа наготове ствол огнемета. Она выпустила струю изумрудного пламени, которая подожгла вылезших из бездны тварей. Их тела извивались, словно в замедленной съемке, и падали в бездну. Одна почти добралась до них, но Эйджей быстро поднялся на ноги и обрушил ей на голову приклад винтовки, отправляя вниз.

Когда всё кончилось, он вытащил из МП-38 магазин и несколько раз дернул затвор. Затем вставил магазин обратно и выстрелил.

— Починил? — спросила Кейт.

Тот кивнул.

— Спасибо тебе.

— Это все?

Он обошел кратер по краю. Земля у кратера мерцала, пламя горело прямо на камнях. Мерцание огня создавало впечатление, что повсюду снуют мрачные тени. Но, всё же, во тьме было нечто, чего он разглядеть не мог. Оно шло по их следам со стороны базы.

3

Они воняли. Запах мужчины был прогорклым, а, вот, женщина... женщина пахла приятно. Его ноздри вздулись, будто он взял след. Он даже мог вспомнить, как она выглядела.

Было жарко, хотелось пить. Он чувствовал себя высохшим. Он разберется с ними, а потом отдохнет. Только разобравшись с ними, он сможет отдохнуть. Складывалось впечатление, что он охотится за ними уже много дней... неужели, действительно, прошло несколько дней?

Ему пришлось пожертвовать хорошим человеком, чтобы собрать их вместе. Но они оказались слишком умными. Они.

Они.

Кого он имеет в виду?

Он снова уловил её запах и заковылял вперед. Пламя вокруг неё светилось желтым и зеленым.

Зеленым.

Скорее всего, ему это кажется.

Он видел, как по краю провала ходит мужчина. Он мог столкнуть его вниз и остаться с девчонкой один на один. Он высунул язык, попробовал на вкус влажный воздух и ощутил в нем привкус её страха. Он представил, как вцепится зубами в её мягкую кожу. Как она рвется. Он искупается в её крови. Боже, как же хочется пить!

Мускул над глазом дернулся и он замер. Голова раскалывалась, кожа горела, но ещё один шажок, ещё один рывок и он отдохнет.

Он скрылся за скалой у кратера, уверенный, что скоро девчонка будет в его власти.

4

Из темноты мимо Эйджея пролетела огромная, похожая на волка, тень. Она пнула Кейт в грудь, от чего та подлетела в воздух. Эйджей видел, как она упала, как контейнер за её спиной ударился о камни. Он подумал, что сейчас всё взорвется, но ничего не случилось.

Мейсон повернулся к нему, его пасть была полна пены. Эйджей посмотрел вниз и МП-38 в его руках поднялся и прицелился в Мейсона. Тот находился от него всего в паре шагов и получил очередь прямо в живот. Пули должны были свалить его, но не свалили. Он продолжал приближаться. Продолжал приближаться, несмотря ни на что.

Легким движением Мейсон ухватился за ствол и отшвырнул оружие в сторону, будто игрушку. Он взял Эйджея за запястья и выкрутил его, поворачивая того к себе спиной. Эйджей ударил его в пах, но без толку. Ничего не отразилось в этих мертвых холодных глазах. Мейсон поставил его на колени, смеясь мрачным беззвучным смехом.

Позади них поднялась Кейт, но её огнемёт был бесполезен, если только она не хотела спалить обоих.

Мейсон вытащил огромный, измазанный какой-то дрянью, нож. Эйджей ухватился за

державшую нож руку, но тот был сильнее.

— Ну, вот, — прошипела похожая на Мейсона тварь. — Теперь, ты видишь!

Гниль вокруг них пришла в движение. По меньшей мере, два десятка тварей, разом, вылезли из провала. Они не атаковали их, а со спокойной необратимостью окружали.

— Они повсюду! — выкрикнула Кейт. — ЭйДжей, что мне делать? Что делать?

Он чувствовал, как сгибались его колени, видел неумолимо приближающийся нож.

— Жди! — выкашлял он.

— Они везде!

— Жди!

Мейсон повалил его на землю, лезвие ножа становилось всё ближе и ближе. Он был уже в дюйме от глаза.

И тут, позади Мейсона возникла другая фигура. Она была высокой, на её груди виднелись нашивки лейтенанта армии. Без предупреждения она набросилась на Мейсона сзади. Она начала рвать его и, внезапно, к ней присоединились другие твари. Они накинудись на него и потащили в сторону.

— Моёёё! — прошипела тварь. — Моя мечтаааааа!

— Слезь с меня! — крикнул Мейсон. — Отвалите, гады! — Он размахивал ножом и сумел, таки, порезать двоих, но один, всё ещё висел у него на спине. Он вцепился в шею Мейсону, разрывая её ногтями. Мейсон зарычал и отшвырнул тварь на скалы. Он посмотрел на ЭйДжея и оскалился.

ЭйДжей попытался подняться, но поскользнулся на грязи и снова упал. В тот же самый миг, что-то вспыхнуло на сторожевой вышке, плечо Мейсона дернулось и нож выпал из руки. Когда он повернулся, на его груди, в районе сердца, зияла дыра размером с шарик для пинг-понга. С другой стороны ЭйДжей разглядел всполохи зеленого пламени. Мейсон прижал ладони к груди и удивленно посмотрел на неё. Он сделал пару неуверенных шагов и свалился вниз. Падал он без звука.

ЭйДжей посмотрел в сторону вышки, на Голландца, затем, снова на провал и произнес:

— Неудачный день у тебя, братуха.

Оставшаяся в живых тварь поднялась на ноги. Она была старой, очень старой. Он потянулся за пистолетом.

— Берегись! — крикнула Кейт.

Тварь прыгнула... и ЭйДжей выстрелил. Тварь отлетела в сторону, получив пулю в живот в полете. Она упала на землю и завертелась. ЭйДжей поднялся на ноги и выстрелил ей в голову. Кого бы она ни увидела в нем, какие бы старые счеты ни пыталась свести, всё это разлетелось в стороны вместе с её гнилыми мозгами.

Кейт посмотрела на него, её лицо было мертвенно бледным.

— Давай! — крикнул ей ЭйДжей. — Сожги их к ебени матери!

5

Голландец через прицел наблюдал за пожарищем, как твари десятками вспыхивали и валились в провал. Как ЭйДжей отстреливал одну за другой. Но на каждую убитую Гниль, из ямы, или из щупальца, выползало две.

Их сжигали, но они всё прибывали. Рвали на куски пулями, но они всё прибывали. Голландец отстреливал их с вышки, бесчисленное количество раз перезаряжал обоймы, но

они всё прибывали.

Одной он попал в грудь, разорвав её на части. Другой пуля разнесла коленную чашечку. Ещё одной он попал в живот, а четвертой в спину. Они падали и падали. И продолжали прибывать.

Его пальцы начали дрожать, досылая пулю за пулей в раскаленный ствол винтовки. В боку колело, по ногам стучали стреляные гильзы. Каждый выстрел отдавался в боку, расширяя рану всё сильнее. Голова начала кружиться. Он потерялся во времени и уже не понимал, сколько это длилось. Как не знал, сколько это ещё продлится. Мир за воротами начал исчезать, тонуть во тьме.

В голове немного прояснилось и он понял, что последние два выстрела ушли в "молоко". Он протянул руку и принялся рыться в ящике с патронами. Внезапно, вышка начала трястись и он замер. От основной стаи отделились несколько тварей и взобрались на нижний уровень вышки. Ударом ноги он откинул лестницу и несколько раз выстрелил, но они, всё равно, продолжали подниматься.

У провала Эйджей и Кейт бились спина к спине и потихоньку пробивались из окружения. Раньше он никогда не молился, но сейчас решил, что пришло время. "Чуть быстрее, пожалуйста. Дойдите до меня и вместе мы свалим отсюда к..."

Что-то ухватило его за ногу.

— Отвали! — крикнул он и выстрелил, ожидая, что голова твари разлетится на куски. Но он не перезарядился. "Не перезарядился!"

В голень вцепились когти и он рухнул на пол. Тварь рассмеялась мрачным истеричным смехом и он, вдруг, понял, кто перед ним. Это Мелвин явился за ним, чтобы забрать под землю. Голова твари искривилась, кожа почернела, но, без сомнений, это был он.

Голландец перевернулся на спину, а мелвиноподобная тварь поднялась чуть выше. В одно мгновение она оказалась на нем, кусая его, впиваясь в него когтями. Голландец вцепился твари в глотку, но, когда он посмотрел в сторону, то понял, что они здесь не одни. Мелвин проложил дорогу и теперь на вышку взобралось не меньше пяти порождений Гнили, которые неумолимо приближались к нему, пылая животной первобытной яростью.

Он чувствовал, как его мышцы сдаются под напором насевшего на него Мелвина. Он попытался вышвырнуть его с башни, но Мелвин ударил его по затылку. Он упал рядом с ящиком для патронов и тут, заметил, что там были не только они. Он сунул в ящик руку и достал оттуда нечто продолговатое, прежде чем Мелвин перевернул его, а остальные твари сгрудились на вышке. Они не стали ничего ждать. Четыре пасти, разом, впились в его одежду, начали рвать его плоть.

— Думаешь, смог уделать Голландца? — выкрикнул он. — Нет, это я тебя уделал! Я!

Он поднял вверх свою находку и выдернул скобу. Это случилось за мгновение до того, как Мелвин вцепился ему в руку.

Голландец вспомнил, как кричал Гидеон в гараже у причала. Тогда он не мог понять, как человек вообще был способен издавать такие звуки.

В следующий миг он всё понял.

6

Вышка исчезла в белой вспышке, которая осветила дюжины фигур, карабкавшихся через трупы своих товарищей. Кейт взглянула на Эйджея и заметила, как его взгляд потяжелел во всполохах пламени. Затем по лицу пробежала тень, и она поняла, какой хрупкой и тонкой

была эта маска безмятежности.

— Вон, там! — крикнула она. — Проход к причалу!

Она потащила его за собой, по пути, пинком отправив очередную тварь на дно провала.

Если у них и была возможность спастись, то это была она.

У выхода сплелась груда щупалец, блокируя его, как это было у входа на базу. Два щупальца торчали прямо перед ними.

ЭйДжей отшвырнул дымящийся МП-38.

— Я пустой. Давай, милая, жги их!

Она нажала на спуск, но огнемёт издал сухой кашель.

— Тоже пусто!

— Что?

Пустые канистры всё ещё тянули вниз и она была очень рада скинуть их. Кейт отстегнула ремни и освободилась от ноши. Рюкзак с грохотом рухнул на землю.

— Не вижу ничего. Где они?

ЭйДжей выпустил последнюю световую ракету и в её сиянии они увидели орду тварей, мчащихся к тому месту, где они только что стояли. Он протянул ей пистолет.

— Что будем делать?

— Валить их, сколько сможем.

— У тебя есть ещё гранаты?

ЭйДжей открыл, было, рот, как она сунула руку ему за пазуху и вытащила "Модель-24", такую же, какой подорвал себя Голландец и какую Зайлер швырнул в пиратское судно. К её удивлению, он извлек ещё одну и протянул ей.

— Это всё! Можно не пересчитывать.

Она вырвала предохранители и бросила гранаты в заросли щупалец, молясь, чтобы они сработали. Права на осечку у них не было.

— Ты... — закончить он не успел. Позади них гроыхнул взрыв, разбрасывая повсюду ключья земли и грибка. ЭйДжей накрыл её и себя курткой, защищая от обломков. Мгновение спустя, он уже был на ногах и тянул её за собой.

— Беги! — кричал он. — Беги изо всех сил!

Они пробежали мимо ворот и направились к причалу, на пятки им наступала орда тварей. Кейт судорожно осматривала склады в поисках того, о чём говорил Голландец. И, наконец, увидела. У самой кромки воды стоял металлический гараж со следами недавнего пожара. Он не сгорело целиком, но на крыше и боковой двери виднелись опалины. Она снова подумала о том, что лодка могла сгореть целиком и снова запретила себе об этом думать.

Твари подбирались к ним, растягиваясь вдоль берега, будто, знали, что задумали эти двое выживших. ЭйДжей выстрелил через плечо и закинул винтовку за спину. Он забежал в гараж и, когда Кейт вошла следом, закрыл за собой дверь. Он подобрал деревянную палку и сунул её за дверную ручку вместо замка.

Через секунду в дверь ударилось что-то большое и тяжелое. От удара сотряслось всё здание. Кейт слышала, как они били по двери, царапали её, кричали. Причал выходил в открытое море и когда твари это поймут, то оставят дверь в покое, обойдут здание и залезут внутрь.

В потолке было полно люков, но без солнца они были бесполезны. Луна освещала лишь очень маленькую часть помещения.

— Где лодка?

ЭйДжей включил фонарик. Она издала вздох облегчения, когда увидела её.

Что-то ударило его и ЭйДжей упал на пол. Кейт услышала, как его спина хрустнула от удара. Какая-то тварь взгромоздилась на него и начала колотить тонкими кривыми, похожими на лезвия газонокосилки, руками.

— Кейт! — крикнул ЭйДжей. — Пристрели эту хуйню!

Она сунула руку за пояс и достала "люггер".

— Скинь её с себя! — крикнула она. — Скинь!

ЭйДжей бросил на неё короткий взгляд, затем уперся ногами в грудь твари и откинул её в сторону. Она приземлилась в точности под луч лунного света.

— Стреляй!

И она выстрелила. Пистолет трижды подскочил в её руке. Все три пули попали в цель, тварь рухнула на пол, корчась и извиваясь в предсмертных муках.

ЭйДжей вскочил на ноги и бросился к лодке. Времени на благодарности не было. До неё донеслись всплески и она поняла, что твари пробираются к причалу

— Давай! — заорал он.

Она поняла, что ещё не до конца впала в ступор.

— Её нужно спустить на воду!

— Найди рычаг!

Он подбежал к двигателю и нажал на кнопку пуска. Быстро осмотрев его, он дернул стартер. Двигатель закричал, но не завелся.

Кейт осмотрела помещение в поисках чего-то похожего на рычаг или переключатель.

— Не могу найти!

ЭйДжей ещё раз дернул стартер.

— Ищи какой-нибудь механический рычаг!

Наконец, она увидела его — штырь, торчавший из какой-то металлической коробки. Она подбежала к нему и дернула. В какой-то момент, он не поддался, но она навалилась на него всем весом, он заскрипел, но опустился вниз. Лодка резко рухнула в воду, выплеснув на пол лужу воды. ЭйДжей потерял равновесие и упал, его фонарик погас.

"Я его вырубила, — мелькнула у неё мысль. — Вырубила и теперь нам конец!"

Но он, всё-таки, поднялся, взял фонарик и посмотрел на неё с выражением, означавшим одновременно и благодарность и злость.

— Помоги! — сказала она, подойдя вплотную к борту.

— Давай, сама, иначе мы тут застрянем.

В десяти футах от причала что-то упало в воду. Она последовала его совету и одним прыжком оказалась в лодке.

ЭйДжей ещё раз дернул стартер, двигатель завелся и винт ожил. Он дал полный газ и не успевшая закрепиться Кейт упала на дно лодки. Что-то мягкое ударило о корпус и, спустя мгновение, они оказались в открытом море. Гараж позади них исчезал во тьме вместе со всем островом. Она сумела разглядеть бросившиеся за ними силуэты тварей, но было уже поздно. Они ушли.

Ушли уже очень далеко.

Глава 24: "Черута"

Остров. Февраль 1939 года.

1

Перед ними царил хаос. То, что доктор Грей позже назовет Гнилью, обрушилось на берег, и у китобоев не было никаких шансов.

Ян направил мотоцикл прямо к причалу, надеясь успеть на отходящее судно. Оказавшись на месте, Люсия поняла, что они опоздали. На судне уже находилось несколько черных фигур. Под их весом судно начало тонуть и, вскоре, весь экипаж был растерзан на части.

— Сюда!

Она посмотрела вперед и увидела возле склада размахивавшего руками человека.

— У нас последнее судно! Поторопитесь...

С близлежащей крыши прямо на него упала черная, похожая на собаку, тень. Она двумя резкими движениями разорвала мужчине лицо.

Ян вскинул пистолет и выпустил последние три пули, затем швырнул бесполезное оружие в воду и побежал, увлекая Люсию за собой. Собакообразная тварь, раненая, но ещё живая, бросилась за ними.

Весь причал был завален трупами. Суда ушли, бросив оставшихся лицом к лицу с надвигающимся кошмаром. Люди прятались по укромным местам, но их вытаскивали и терзали на части. Деревянный настил под ногами девушки был весь залит кровью.

— Не останавливаться! — сказал Ян. — Вперед! — Он уже начал задыхаться, но, всё равно, бежал впереди.

Несколько человек спрыгнули в воду, стремясь оказаться подальше от наступавших тварей и догнать своих ушедших товарищей. Один человек, вооружившись ножовкой, изо всех сил отбивался от черных созданий, но не прошло и минуты, как он оказался повален, а его ноги исчезли в клубке злобных и голодных тварей. Он взглянул на Люсию, а затем перерезал ножовкой собственное горло.

— Поздно! — крикнула она, по щекам текли горячие слезы. — Нам конец!

— Они нас не достанут! Смотри!

Люсия посмотрела, куда указывал Ян и увидела большое рыболовное судно. Оно уже покинуло причал, но шло очень медленно. Оно было очень похоже на "Адальгизу", в какой-то миг, Люсия решила, что это и есть она. Но девушка ошиблась.

Они повернули на последнюю дорожку и Люсия услышала позади себя шаги. Она обернулась и увидела, как за ними бежали три человекоподобные твари. Они учуяли их и теперь изо всех неслись по причалу.

— Прыгай! — крикнул Ян. — Прямо в воду!

Они спрыгнули с пирса прямо в густую тьму. За мгновение перед падением в воду, Люсия вспомнила сестру и то, что эта вода сделала с ней. Затем холод сковал её кости. Она крепко сжала губы и принялась изо всех сил грести к поверхности. В следующее мгновение она уже плыла. Ян так и не спросил, умела ли она плавать, но это уже было неважно. Либо плыви, либо умри.

Вскоре руки начало сводить судорогой. Ей хотелось прокашляться, но она понимала,

что для этого придется остановиться. Она продолжала грести, сконцентрировавшись на корме судна и металлических буквах на ней: "Черута".

Чьи-то крепкие руки вцепились в запястья и, прежде чем она что-то поняла, выдернули из воды. Она оказалась в руках матроса, который и вытащил её на палубу. Он опустил её на деревянный настил и первой её мыслью было "Спасена!"

Матрос вернулся к фальшборту и наклонился.

— Давай руку! Тянись!

Но Ян был слишком далеко. Он уже, практически, замерз.

Она заметила привязанный к стене спасательный круг. Никто, почему-то и не подумал им воспользоваться, поэтому она взяла его в руки. Она подошла к борту судна, матросы отошли в сторону.

— Пусть пройдет, — сказал один.

— Бросай! — крикнул другой. — Бросай, пока не поздно!

Когда Люсия выглянула за борт, Ян перестал грести. Он смотрел на неё, замершую кругом в руках, и ждал. Казалось, он знал, о чём она думала. Она смотрела на Яна и видела его таким, каким он был. Не только её спасителем, но и тем, кто отнял у неё мать, пленил отца, а когда погибала сестра, он просто стоял и смотрел. Именно он оттолкнул отца в сторону, когда они собирались сбежать.

В тысячный раз Люсия подумала об отце и той истории с топором на палубе "Адальгизы". Она подумала о том, что увидела тогда в его лице. Подумала о том, что это такое — держать в своих руках судьбу человека, о том, что принятое решение, каким бы оно ни было, останется с тобой навечно.

Время шло.

Она швырнула спасательный круг за борт и Ян вцепился в него. Матросы тут же вытащили его на палубу и остров исчез во тьме.

Ян встал на ноги, подошел к Люсии и положил ладонь ей на голову.

— Я помогу тебе отыскать маму, — сказал он. — Обещаю.

Она кивнула, его холодные руки обжигали её. Но, в этот момент, она не думала о маме. Она думала об отце и о том, что он сделал для того, чтобы именно она — Люсия — сейчас стояла на палубе этого судна.

— Прощай, — шептала она и ветер уносил её слова. — Прощай, папа.

2

Доминик бежал к воротам, но Гниль не обращала на него внимания, сконцентрировавшись на людях с оружием. Солдатам не хватало патронов. В итоге, их, всё равно, сомнут. Они будут кричать или принимать смерть молча, но, так или иначе, все они станут орудием в руках чего-то неизвестного и ужасного.

Ари сидел там, где Доминик оставил его, опустив лицо в ладони.

— Бежать некуда! Они повсюду, Дом!

— Мы найдем, куда.

— Да, некуда же!

— Есть. Обещаю. — Его голос звучал слишком спокойно даже для него самого. Он догадывался, почему. Люсия была в безопасности — или вот-вот будет — а всё остальное неважно.

— Поверь, Ари.

Они шли по территории базы, стараясь не смотреть туда, где была лаборатория. Он чувствовал запах формальдегида вытекшего из разбитого бака и подумал, что развеется он только через несколько часов. Они шли и перешагивали через многочисленные тела. Слева Доминик заметил останки молодого сержанта Метцгера. Головы у него не было, но, зато, сохранился висевший на шее серебряный крестик. Нашел он и Глэкнера среди полудюжины других тел.

В конце концов, им удалось, таки, найти здание с неповрежденной дверью и Доминик завел приятеля внутрь. Но перед тем как они вошли, из бункера выскользнула тень и заорала прямо им в лицо. Затем она развернулась и скрылась в ночи, не причинив им никакого вреда. В следующий миг, генераторы отключились и вся база окуталась тьмой.

Ари был близок к истерике.

— Не думаю, что смогу...

— Ты только не бросай меня, Ари!

Они зашли внутрь и Доминик запер дверь. Они находились в складском бункере. Совсем одни.

Доминик наощупь шел мимо полок с банками, мимо коробок и мешков, одной рукой держа за руку Ари. На складе, неожиданно, оказалось очень много всего. Доминик подумал о наличии здесь вентиляции, но пришел к выводу, что выбора у них, всё равно, не было. Они останутся здесь.

— Сюда.

Они сели у стены в дальней части бункера. Несмотря на то, что стены были толстые, снаружи до них доносились крики и выстрелы. Ари, практически, потерял рассудок, вздрагивая и шепча что-то себе под нос, каждый раз, когда слышал что-то особенно страшное. Но, вскоре, шум стих.

Во тьме Ари начал причитать.

— Мы должны были знать, — сказал он. — Должны были что-то сделать.

— Через муки, черве боль Зевс ведет людей к уму, К разумению ведет. Неотступно память о страданье по ночам, во сне, щемит сердца, поневоле мудрости уча. Небеса не знают состраданья. Сила — милосердие богов Доминик цитирует отрывок из поэмы древнегреческого поэта и драматурга Эсхила "Агамемнон". Пер. С. Апта..

Ари хмыкнул.

— Это, что стихи? Красиво.

Доминик улыбнулся во тьме, вспоминая беззаботные времена студенчества, когда подобные вещи имели значение.

— Не помню.

— Давай, останемся здесь ненадолго, хорошо?

— Давай, останемся.

Они обнялись в темноте и уснули. Так, держась друг за друга, они и ушли в вечность.

Глава 25: Путь домой

Побережье Аргентины. Наши дни.

1

Топливо кончилось миль за 30 до берега. В лодке нашлось два весла, одно оказалось почти расколото, но это, хоть что-то. Почти сутки они гребли к берегу, и, наконец, добрались. К этому времени они находились на грани истощения. Они вымотались, обгорели на солнце, хотели пить и есть, но они были живы.

Их не встречала ни береговая охрана, ни спасательные корабли, ни круизные лайнеры. Они прибыли на пустынный берег, почти такой же мертвый, как китобойный причал, от которого отчалили. В другое время белый песок, может, и показался бы красивым, но сейчас он выглядел грязным, полным древесных щепок и костей рыб.

Но всё это не имело никакого значения.

Когда лодка врезалась в берег, Кейт, буквально, перекатилась через борт и закричала от радости. Какое-то время она только и делала, что сгребала в ладони сырой песок и пропускала его сквозь пальцы. Эйджей истерично рассмеялся, а затем присоединился к ней, взяв её за руки. Они просидели так довольно долго, пока, наконец, не решили, что нужно вставать и идти.

Эйджей достал из кармана связку ключей. На ней был компас. Они плыли на северо-запад и, хоть и не догадывались об этом, они шли к свету. На острове царилась ночь, но над материком светило солнце. Когда они причалили, рассветное солнце приветствовало их, будто, старый друг.

По странному совпадению, лодка причалила всего в десяти милях от того места, с которого они отправлялись. Не зная ни местности, ни людей, они решили отправиться на север к старой церкви. Когда они дошли до неё, был уже полдень, а вокруг никого не было. Старый священник исчез, если вообще, когда-либо существовал.

Следующий час они провели, осматривая церковь и близлежащие постройки. В церкви они нашли дыру в полу, которая вела в подвал. Кейт спустилась туда и обнаружила, что вместо оружия "Блэк Шэдоу" он был заполнен консервами и бутылками с водой. Она не знала, заготовил ли всё это Мейсон на случай возвращения, или святой отец обустроил тут подобие бомбоубежища, но ей было плевать.

Они поели бобов, крекеров, консервированных фруктов и копченой говядины, и запили всё это водой "Evian". Эйджей нашел упаковку бутылок колы, которые вскрыл открывашкой, прицепленной к той же связке ключей. Кейт подумала, что никогда ещё не пила ничего вкуснее.

Наевшись, они уснули прямо в подвале. Внизу было прохладно, а когда стемнело и холод стал невыносим, они перебрались в хижину, прямо в кровать священника. Пospав, они занялись сексом. Не ради удовольствия, а потому, что хотели избавиться от мыслей обо всём пережитом. Инициатором выступила Кейт, она начала гладить Эйджея по лицу, затем шею, а потом набросилась на него, будто он был последним мужчиной на Земле. После всего того, что они видели на острове, наверное, так и было. Они набрасывались друг на друга, катались туда-сюда, царапали и кусали потные тела. Если бы кто-нибудь за ними наблюдал, он мог решить, что они только притворялись, но у них и мысли такой не было.

Когда они закончили, Эйджей сел на край кровати, а Кейт положила руки ему на плечи. На его спине она заметила следы ногтей, красные и горячие. Она подумала, что у неё, должно быть, были точно такие же. На шее тоже, наверное, остались отметины, там, где он схватил её за горло, когда кончал.

— Здесь нельзя оставаться, — наконец, сказал он.

— Знаю.

— Когда мы летели сюда, мне показалось, что я видел неподалеку деревню. Доберемся туда, может, найдем телефон.

Мысль казалась здоровой, но ещё долго они не могли сдвинуться с места. Она продолжила гладить его по спине, по отметинам, оставленным её собственными ногтями.

— Кейт? — он повернулся к ней и она удивилась, как легко это прозвучало. Если бы она могла, то остановила бы этот момент навечно.

— Да?

— Когда полетишь туда, я полечу с тобой.

— Правда?

— Нельзя биться с ними в одиночку. Я про "Вэлли Ойл". Поэтому я пойду за тобой куда угодно, хочешь ты этого или нет. Мне кажется, что, если я этого не сделаю, тебе никто не поверит.

Она поднялась на кровати и обхватила его руками. Она не знала, имело ли всё это какое-то значение, равно как и не знала, смогла ли быть с ним в нормальной жизни. Но сейчас всё было по-настоящему. Ей нужен был кто-то рядом, когда она вернется в большой мир. Ей казалось, что это нужно было им обоим.

2

Старик вышел из машины прямо под дождь. Сквозь пелену воды виднелась усадьба. Он жутко устал, кости ломило от сырости. Дворецкий Эндрю открыл дверцу машины и он шагнул наружу, ожидая, когда над ним раскроется зонт. Когда этого не произошло, Готфрид спросил, почему.

— Я не взял его, простите, сэр. Прогноз не обещал ничего подобного.

— К черту прогнозы, — прорычал он. — Завтра же позвоню в компанию. К утру ты уже вылетишь с работы, тупой идиот!

Дворецкий молча смотрел, как старик поднимается к дому. Готфрид даже пожалел о сказанном, но затем подумал: "К черту!". Парень ему, всё равно, не нравился, а из-за дождя он чувствовал себя, будто гниющим.

Фонарь над дверью горел, но никого не было. Где же прислуга? Он сам открыл дверь.

— Марта? МакНаб? — он почувствовал запах еды и решил, что они на кухне. Он решил, что не готов к разговорам и направился вверх, в кабинет, где его ждала выпивка. Не далек тот день, когда для подъема на второй этаж ему понадобится лифт, но он решил, что скорее удавится, чем позволит этому случиться. Для своих почти восьмидесяти лет он был ещё крепок и полон сил.

— Марта? — снова позвал он. С работой она справлялась не очень хорошо, но ему нравилась её задница, несмотря на то, что ей было хорошо за тридцать.

Вместо неё зашел поздороваться Честер. Ретривер подошел, лизнул ему руку и ушел вниз. "Проходи, давай. Не мельтеши" — подумал он, а вслух сказал:

— Ты такой же бесполезный, как остальные, — сказано было не всерьез. Собаки были

его самыми верными слугами.

Он зашел в кабинет и щелкнул выключателем, но свет не загорелся. На столе лежал конверт, а позади него темнела чья-то тень. Он дернулся.

— Для старика, у тебя отменные рефлексy, Готфрид.

— Кто это?

Вперед, на свет из коридора шагнула женщина. Черты её лица были острыми и грубыми, намного грубее, чем, когда он видел её в последний раз.

— Значит, это передал тебе мой отец, так?

Готфрид улыбнулся. Он, было, решил, что к нему вломился грабитель, но, оказалось, что это, всего лишь, женщина, которая, к тому же, была его крестной.

— Я тебе говорил, что он сделал? Была ли в моих словах какая-то недвусмысленность?

Она вздохнула.

— Слова адвоката. Ты заставил меня поверить.

— Это твои собственные выводы.

— Ты обманул меня.

— Ты сама позволила себя обмануть.

Она обошла стол, но он остался стоять на месте. Стар он или нет, но он не позволить запугать себя какой-то девчонке и она, в глубине души, понимала это. Сделал ли он что-то вопреки воле Стэнли МакКриди? Подделал его подпись? Конечно, нет. Он передал ей несколько снимков и позволил себе пару туманных высказываний. Остальное она сама додумала.

— Ты же был там, правда? — спросила она. — Когда я к тебе приехала, ты только вернулся из заграницы. Ты был там.

— Это дела компании, Кейтлин.

— Это мои дела! — выкрикнула она.

— Ты всегда была вспыльчивой, — сказал он, склонив голову в своем традиционном стиле стрелка. Обычно, этого оказывалось достаточно, чтобы заставить замолчать самых буйных.

— Ты знал о грибке на "Эсхиле" и собрал команду для его изучения. А потом скрыл результаты от компании.

— Откуда ты знаешь?

— Журнал учета посетителей на платформе может многое рассказать.

Он замолчал. Все бумаги должны были погибнуть при пожаре, но он решил, что нет ничего невозможного. В конце концов, он их сам подписывал.

— И что?

— И что? — переспросила она. — Ты, хоть, знаешь, что там произошло? Знаешь?

— Согласно последним снимкам со спутника, случился пожар. И, к сожалению, мы вынуждены прервать сотрудничество с "Блэк Шэдоу". С таким подходом к делу, они не получают доступ к нашим финансам. Там полный бардак, насколько мне известно.

Она отпихнула стол в сторону и вплотную подошла к нему. Если она не дура, она его и пальцем не тронет.

— Две с лишним сотни человек погибло, включая моих друзей, Готфрид. А ты не сделал, ровным счетом, ничего!

— Я делал всё, что можно, для компании. Остановка добычи привела бы к катастрофе. И из-за чего? Из-за грибка? Из-за каких-то растений? Да, ты шутишь, что ли?

— Я бы тебе поверила, если бы не знала, что у тебя есть данные биологического анализа.

Он промолчал, услышав угрозу в её голосе. Видимо, придется идти на сделку.

— Дорогая, послушай.

— Не называй меня так!

— Кейтлин, милая, — настаивал он. — С некоторыми рисками приходится мириться. Запасы нефти не бесконечны. Тот факт, что мы вынуждены бурить на краю Земли, должен многое тебе сказать. Что, по твоему, будет, когда все месторождения иссякнут? Другие компании вкладываются в исследование альтернативных источников энергии, и мы тоже. Может, это будет слишком опрометчиво — делать подобные суждения, но представь, если сработает! Что, если мы нашли организм, способный заменить нефть, практически, по всем показателям? Подумай!

— Это решение зависит не от тебя!

— Это не причинит совету никакого вреда. Им известно лишь, что платформа сгорела. Именно это и видно со спутника, а после того, как стало невозможно провести расследование причин пожара, они ничего и не узнают.

— А я? — спросила она. — А я, Готфрид? Со мной, что будешь делать?

— Прости. Я забочусь об интересах компании, Кейтлин.

— А что с моей долей? Ведь, в случае моей смерти, завещанные отцом акции, перейдут к тебе, так, ведь?

Вот она — жестокая правда. А в трактовке правды Готфрид был настоящим мастером спорта. Когда об этом знают только они двое, какой смысл дергаться?

— Как скажешь.

— Как скажешь, — повторила она, прищурившись. В её взгляде он увидел что-то, что ему не понравилось. — Они узнают.

Она отошла от него, подошла к столу, взяла трубку телефона и нажала кнопку. И внезапно, он осознал, что она всё записывала. Он должен был подумать о магнитофоне, но, наверное, он был слишком старомоден.

— Кейтлин, дорогая. Ты же понимаешь, это недоказуемо. И понимаешь, что я заберу у тебя запись, прежде чем ты покинешь комнату.

— Сами по себе, твои слова не доказуемы, — сказала она. — Но со словами живого свидетеля, вполне.

— Что?

Из ниоткуда, разом, вышли пять человек. Готфрид, возмущенно, обернулся.

— Что? — произнес он. — В моем доме?

По мере приближения, фигуры обретали очертания. Ими оказались его собственные охранники. Но они, всё же, были не ЕГО охранниками. Они работали на "Вэлли Ойл" и выглядели они очень недовольными.

Он посмотрел на МакНаба, который вышел вперед всех. В руке он держал служебный револьвер.

— Взять его, — приказал он.

— Колин! Ты что творишь, мать твою?

Охранник молча защелкнул на его руках наручники.

Его крестная подошла к МакНабу и поцеловала его в щёку.

— Спасибо, Набби.

— Не за что.

— Ты хороший человек.

— Я знаю, — ответил он и улыбнулся.

Из темноты вышел ещё один человек и она обняла его. Но эти объятия были другими, личными. Готфрид заметил, что у мужчины были ярко рыжие волосы.

— Ты! — выкрикнул он. — Я же тебя знаю! Мы тебя уволили! Ты должен быть мертв, ты в курсе?

— Ага, — ответил мужчина. — Забавно, но кое-кто уже не на коне.

— Будьте вы прокляты! — заорал Готфрид. — Никто из вас отсюда не выйдет... Никто!

Внезапно, он почувствовал головокружение. Что за глупости? Эта девчонка, напроць, вскружила ему голову.

Охранники выволокли его в коридор и потащили к выходу. Снаружи их ждала заведенная машина. Когда они вышли на улицу, Готфрид снова оказался под ненавистным дождем.

Кейтлин, в любом случае, доведет дело до конца. Расскажет всем.

Кейтлин.

Дочь своего отца.

Эпилог. Мейсон

Мейсон, очнись

Он открыл слипшиеся глаза. Он попытался повернуться туда, откуда доносился голос, но понял, что он доносился из его собственной головы. Безумие какое-то, но ничего нового. Час назад он уже убил его голыми руками и ему это нравилось.

Взгляни, Мейсон

Посмотри вниз

Он протер глаза, пытаясь понять, где он и почему, до сих пор, жив. "Если он всё ещё жив".

И тут он вздрогнул. Под ним простирался гигантский провал. Мрачный. Бездонный. Он тянулся прямо к центру Земли.

Он попытался повернуться и понял, что его что-то удерживает. Что-то похожее на огромный металлический коготь. Он обхватывал его за талию, удерживая на весу. Было что-то ещё. Большая металлическая рука придерживала его голову... и что-то проникло прямо в мозг. Металлический штырь с тонкой иглой на конце был воткнут в затылок и удерживал голову прямо.

Он прокашлялся. Из рта потекла какая-то жижа. Она стекла по подбородку и исчезла во тьме.

Хочешь увидеть?

Коготь повернулся и он повернулся вместе с ним на 180 градусов. Он осознал, что смотрит вертикально вверх, а оттуда на него светила зловещая бледная луна. Он падал добрых 500 футов, но что-то его подхватило. Теперь, он вспомнил. Вспомнил падение и особо отчетливо вспомнил, что его подхватило. С ним что-то произошло, его разум очистился. Воспоминание о падении было покрыто кровавым туманом и яростью но теперь... теперь он мог думать.

Он посмотрел на руки и увидел на них пятна. Это означало, что он, всё ещё, был во власти Гнили. Его тело содрогнулось.

Ты их ненавидишь

Они забрали твой разум

Забрали тело

Ненавидеть их — это нормально

Они попытались забрать нас

Наш народ

Как забрали тебя

Над собой он увидел сплетение щупалец. Они накладывались одно на другое, опутывали стены. Внутри них с равным интервалом перемещались человекоподобные создания. Сейчас они спали. И будут спать, пока Гнили снова не понадобится защита. И, раз уж, его старый дружок сумел сбежать, он понимал, что ждать долго не придется. Эта мысль привела его к идее их сходства с жуками. Он превращался в одного из них. Отвратительно.

Мы можем всё прекратить

— Что прекратить? — спросил он. Он с собой говорил или этот голос реален?

Можем прекратить превращение

Мейсон рассмеялся. Его смех громом разнесся по всему провалу.

Мы можем

Можем всё прекратить

Сделать тебя сильнее

— Зачем? — поинтересовался Мейсон. Скорее всего, он уже мертв. Скорее всего, это, только видение на его пути в другой мир, но пусть продолжают. "Иногда нужно пройти всё до конца" — как говаривал когда-то Райнер.

Из-за тебя

— И кто я? Какой-то избранный?

Нет

Коготь снова повернулся. На этот раз было больно, металл царапал кости. Мейсон кашлянул и выплюнул сгусток крови. Его повернули к стене, лицом к той сущности, с которой он общался. Ей нужно было всё его внимание и она его получила. Потому что ему было больно. Потому что, на этот раз, он разозлился.

Мы можем выбросить тебя

Как выбросили остальных

Но тебя оставили

Ты слушаешь нас?

Мы видим твои глаза

Нам нужно твое внимание

— Да... да... — прошептал он.

Скала перед ним раскрылась. Как будто внутри была полость и её просто взломали. Во тьме он увидел что-то металлическое, что-то старое. Возможно, корабль.

Мы остановимся

Затем ты их уничтожишь

Ради нас

Гниль

Как вы её называете

Мейсон прищурился, но тьма, всё равно, была слишком густой.

— Вам только это нужно?

Сначала, отдохни

Ты будешь отдыхать долго

Все твои друзья умрут

Все твои любимые умрут

Мир, каким ты его знаешь, умрет

Он продолжал таращиться вперед

Будет больно

Игла в затылке повернулась и что-то в голове щелкнуло. Он стиснул зубы, все мускулы напряглись.

— Почему я? — прошептал он. Он не был уверен, что говорил вслух, но эти создания, определенно, его слышали.

Ты — наилучший вариант

Не особенный

Лучший среди худших, как вы говорите

Мейсон снова, чуть не рассмеялся, но боль была слишком сильной. Плечо болело. Ребра были сломаны и он знал, что в него, как минимум, трижды стреляли. Он зарычал, губы

покрылись кровью от укусов.

Будет больно — повторил голос в голове. — *Ты будешь кричать?*

— Идите на хуй, — выдавил из себя Мейсон.

Ты будешь кричать? — равнодушно повторил вопрос голос.

— Нет.

Крик нарушит условия нашего договора

— Договора? Вытащите эту херню из моей головы и обсудим ваш договор. Ясно?

Нет. Ты будешь спать

— Я вашу мать ебал!

Ты будешь кричать? — в третий раз прозвучал тот же вопрос.

— Блядь, сказал же — нет! — но он уже не был в этом так уверен. Ему начало казаться, что никакой это не сон. Если это так, то он не мог давать никаких обещаний. Потому что знал, что, каким бы сильным ни было твоё тело, как бы ты ни умел его контролировать, всегда наступал момент, когда это тело начинало кричать само. И впервые в жизни, он испугался.

Начнем

— Зачем? — спросил он.

Враг моего врага

Его втащило внутрь.

Когда заработали скальпели и резак, Мейсону пришлось приложить все усилия, чтобы не закричать.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Благодарности

Эта книга не была бы написана без поддержки друзей и родных. Отдельное спасибо моей жене Кристен, она сделала для меня так много, что невозможно описать словами. Спасибо Дейву Джонсону за черновые правки, Читательскому Карнавалу за поддержку, а Мэтью Гомезу за помощь в улучшении рукописи.

Перевод с английского: Деев К.С. ©2017 год.